

МИР В ВОЙНАХ

ПАДЕНИЕ ЯПОНИИ

Уильям Крейг

МИР В ВОЙНАХ

**ПАДЕНИЕ
ЯПОНИИ**

Уильям Крейг

**СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1999**

УДК 943. 0 (093)

ББК 63.3 (4Вел)

К 79

Серия основана в 1998 году

Перевод с английского Д. Краснощекова

Крейг Уильям

К 79 Падение Японии/Пер. с англ. Д. Краснощекова, – Смоленск: «Русич», 1999. – 384 с. («Мир в войнах»). ISBN 5-8138-0062-Х

Главная тема этой книги отражена в названии. Автор – английский историк и публицист Уильям Крейг – основное внимание уделяет рассказу о том, как пала под ударами союзных армий Японская империя. Финал, как узнает читатель, мог оказаться еще более драматичным и кровавым, чем это было в действительности. Перипетии закулисной борьбы, развернувшейся в высших военных и гражданских инстанциях Японии вокруг решения о капитуляции, несомненно вызовут интерес у каждого, кто познакомится с этой книгой.

Основную сюжетную линию в ней дополняет повествование о бомбардировках Японии, сражениях на морях и островах Тихого океана, а также о действиях смертников – камикадзе и процессе оккупации Японских островов силами союзников.

УДК 943.0(093)

ББК 63.3 (4Вел)

© Перевод, Д. Краснощеков, 1999

© Оформление, разработка серии «Русич», 1999

ISBN 5-8138-0062-Х

Моей жене Элеонор

Предисловие

Мобилизуем память и попытаемся восстановить известные нам со школьной скамьи сведения о завершающих событиях второй мировой войны.

8 августа 1945 года Советский Союз объявил войну милитаристской Японии. На следующий день Советская армия и флот начали боевые действия на Дальнем Востоке. Еще до этих событий, 6 августа, американская «летающая крепость» сбрасывает атомную бомбу на Хиросиму. В день начала военных действий в Маньчжурии атомный взрыв уничтожает другой японский город — Нагасаки. 14 августа император Японии объявляет по радио о принятии решения о капитуляции. Сражения на земле, на море и в воздухе еще какое-то время продолжаются, и окончательная черта под второй мировой войной и военными действиями на Дальнем Востоке подводится подписанием на борту американского линкора «Миссури» Акта о безоговорочной капитуляции Японии. Дата этого исторического события хорошо известна — 2 сентября 1945 года.

Разумеется, это упрощенная схема. Не будем недооценивать знаний наших людей о второй мировой войне вообще и событиях 1945 года на Дальнем Востоке, в частности. Едва ли российская история этих событий известна хуже, чем зарубежным читателям. В разные годы у нас издавались и многотомные труды, и популярная литература на соответствующие темы. Время от времени выходили на русском языке и работы иност-

ранных авторов. Непосредственно тому, что происходило в высших сферах власти Японии в связи с обсуждением вопроса о капитуляции, была посвящена переведенная с английского книга Л. Брукса «За кулисами японской капитуляции» (М., 1971), обстоятельное предисловие к которой писал известный нам востоковед, доктор исторических наук, а в войну — генерал-майор Б. Г. Сапожников.

И все же вряд ли можно утверждать, что российский читатель вполне удовлетворил свой интерес к происходившему на «дальневосточном фланге» второй мировой войны. Во-первых, гораздо больше внимания наши исследователи, мемуаристы, писатели уделяли по понятным причинам событиям на советско-германском и западноевропейском фронтах. Во-вторых, получению возможно более полной информации о сложных перипетиях военного, политического и дипломатического притворства в той или иной степени препятствовали ограничения цензурного характера, продиктованные идеологическими соратниками. С учетом полезного обстоятельства можно предположить: задумай наши издатели лет 20 назад выпустить книгу Уильяма Крейга «Падение Японии» — и основательной редакторской «правки» ей бы было не избежать.

Между тем, книга У. Крейга представляет собой итог добросовестных и, видимо, длительных изысканий, основанных на выявлении и изучении документов, знакомстве с работами предшественников, беседах с участниками событий. Читатель, надо думать, оценит и это, и динамичный стиль изложения, и почти детективное развитие сюжета. Но главное, что поддерживает интерес к документальному повествованию, — это, если применимо данное слово к освещению событий довольно далекого прошлого, н о в и з н а материала. Да, массовый читатель мало знаком, так сказать, с закулисной стороной японской капитуляции. Не сомневаюсь, что многие, прочитав книгу, не без удивле-

ния узнают о том, что в августе 45-го Япония, еще воюющая против сторон антигитлеровской коалиции, оказалась, по сути дела, и на грани внутренней, гражданской, войны. Борьба в военно-политическом руководстве страны за и против принятия условий Потсдамской декларации — это безусловно, центральная тема книги У. Крейга.

Однако с не меньшим интересом читаются страницы, посвященные другим, параллельным сюжетам: воздушным бомбардировкам Токио, истории атомных разработок в США и Японии, подробностям трагедий Хиросимы и Нагасаки, описанию некоторых сражений за острова Тихого океана, действиям камикадзе, драматической судьбе военнослужащих союзных армий, оказавшихся в японском плену...

Так или иначе затрагивается в книге «Падение Японии» еще один вопрос, ответ на который представляет не только научный, но в определенном смысле и политический интерес. Изложу, по возможности кратко, его суть.

В 50-х годах известный в стране военачальник, ученый и литератор адмирал флота СССР Иван Степанович Исаков подвергся жесткой критике за то, что в предисловии к многотомному Морскому атласу, затронув тему войны на Дальнем Востоке, отметил **з н а ч и т е л ь н ы й** вклад Советского Союза в разгром империалистической Японии. Официальная же точка зрения состояла в том, что СССР внес в победу над Японией **р е ш а ю щ и й** вклад. Какой из двух эпитетов объективнее, взвешеннее, точнее? Вопрос слишком сложен для того, чтобы можно было ответить на него, опираясь на материалы одной книги. И все же, прочитав хотя бы даже фрагментарное описание операций советских войск, разгромивших в Маньчжурии миллионную Квантунскую группировку, познакомившись с реакцией Токио на объявление войны Советским Союзом, узнав о прогнозах американских страте-

гов относительно перспектив войны на Японских островах без участия СССР, читатель получит в свое распоряжение дополнительные факты для того, чтобы самостоятельно и непредвзято ответить на обозначенный выше вопрос.

С другой стороны, книга У. Крейга помогает точнее оценить масштабы и значение сражений на Тихоокеанском театре военных действий. Это тем более важно, что в прошлом наши оценки отнюдь не всегда диктовались стремлением объективно разобраться в происходящем. Чего стоят в этом смысле такие, к примеру, выводы, содержащиеся в предисловии к изданной у нас в 1973 году книге японского военного историка Такусиро Хаттори «Япония в войне 1941–1945 гг.»: «...Развернувшиеся на Тихом океане кампании, операции, сражения имели и з в е с т н о е (разрядки наши — М. Р.) значение в ходе войны, что, естественно, не дает, по мнению автора — облеченного самыми высокими учеными степенями и званиями историка, оснований для завышения «м н и м ы х (разрядка наша — М. Р.) заслуг США и Англии»...

И в заключение — «послесловие к предисловию».

К сожалению, вера в неизбежность возмездия за причиненное зло не всегда находит подтверждение в истории. Акт о безоговорочной капитуляции Японии, приговоры Потсдамского и Хабаровского процессов над японским военными преступниками — свидетельство торжества справедливости. В этом смысле книга У. Крейга, помимо познавательной, несет еще и «назидательную» нагрузку. Едва ли будет натяжкой определение работы английского историка и публициста как своеобразного предостережения, адресованного потомкам тех, кто участвовал в событиях 1941–1945 годов на Тихом океане. Суть предостережения проста, но как свидетельствует та же история, трудно постижима: войну гораздо легче начать, чем закончить. Известная истина «время лечит», в данном случае неприменима:

чем больше времени отделяет человечество от очередной военной катастрофы, тем сильнее обостряется опасная болезнь, называемая в народе «короткая память».

Кандидат исторических наук М. И. Рабинович

Пролог

В сентябре 1931 года госсекретарь США Генри Стимсон писал в своем дневнике: «В Маньчжурии начались тяжелые времена. Японцы, по-видимому, их наиболее воинствующие элементы, внезапно осуществили переворот». Вывод Стимсона оказался верным.

Переворот положил начало почти пятнадцатилетнему периоду, в течение которого японские милитаристы управляли внешней политикой государства, и дух милитаризма с его жестокостью, безумием и фанатичным экстремизмом вселился в Японскую империю подобно чуме.

События 1931 года в Маньчжурии были спровоцированы армейскими офицерами, которые стремились к завоевательной войне и хотели показать, что их влияние в Японии ничуть не меньше, а даже больше, чем влияние кабинета министров. Обе цели были достигнуты. В конце 1931 года японская армия, невзирая на протесты официальных лиц в Токио, вступила в Маньчжурию.

Начиная с этого момента именно Императорская армия Японии определяла судьбу нации. В 1937 году японские войска вторглись в Китай и устроили кровавую бойню в городе Нанкин. Эта акция оттолкнула всех оставшихся союзников. В сентябре 1940 года Япония присоединилась к фашистской «оси» и к 1941 году заняла Французский Индокитай, после того как Франция была завоевана Германией и больше не могла

защищать свои интересы в Азии. Япония неминуемо двигалась в сторону конфронтации с Западом.

Одним из главных архитекторов этой политики был человек приблизительно пяти футов четырех дюймов ростом*, лысый, с редкими усами, круглыми очками и пальцами, пропахшими никотином. Это был генерал Хидэки Тодзио. Была у него и кличка — Бритва. Влиятельный человек в армейских кругах, Тодзио долго и старательно трудился, чтобы достичь своего положения в армии. Он заработал репутацию блестящего администратора, умелого организатора и скрупулезного исполнителя приказов императора. Это был энергичный, честолюбивый человек, умеющий отдать всего себя делу. В 1937 году он стал начальником штаба элитной Квантунской армии в Маньчжурии, и войну Японии с Китаем рассматривал как «защитное» действие для сдерживания враждебно настроенного соседа. В 1938 году Тодзио был переведен в Токио на должность заместителя министра вооруженных сил, а двумя годами позже, сразу после того как Япония соединила силы с Германией и Италией, стал военным министром.

В течение всего следующего года Императорские вооруженные силы продолжали свое движение на юг азиатского материка, вступив в область геополитических интересов США, Великобритании и Голландии. Летом 1941 года эти государства отказались поставлять жизненно важную для Японии нефть из Голландской Индии, что было расценено Императорской армией и лично Тодзио как достаточное доказательство того, что западные союзники вознамерились изолировать и уничтожить Японию.

Американский госсекретарь Кордэл Хэлл требовал от Японии вывода ее войск из Китая и индокитайской

* 162,5 см. (Здесь и далее прим. пер.)

части азиатского материка. В ответ на это 6 сентября 1941 года в политических кругах, определяющих внешнюю политику Японии, было принято решение о подготовке к войне, если переговоры потерпят неудачу.

В октябре 1941 года в условиях углубляющегося кризиса в отношениях между США и Японией Хидэки Тодзио приступил к формированию нового кабинета министров. Теперь он был премьер-министром Японии. Большинство американцев воспринимало его как диктатора — эквивалент Гитлера или Муссолини; он же был скорее бюрократом-милитаристом во главе правящей клики. Недалекий, с почти параноическим недоверием к американской внешней политике, Тодзио не мог проводить никакую линию, кроме защиты от внешнего «вторжения».

Когда государственные деятели и даже супервоенные морские офицеры колебались, предпринимая такой решительный шаг, как нападение на Запад, именно Тодзио укрепил их уверенность в правильности принятого решения. Диссидентские голоса были заглушены грозными раскатами надвигающегося насилия. Главнокомандующий Императорским флотом Исороку Ямамото был открыто осужден, когда высказал свою точку зрения о том, что Япония не сможет выиграть у Соединенных Штатов в длительной войне. Глубоко обеспокоенный перспективой надвигающегося бедствия, Ямамото разработал операцию по нейтрализации флота Соединенных Штатов на один год, для того чтобы Япония смогла выиграть время и одержать значительное число побед перед попыткой мирного урегулирования кризиса. Это была операция Пёрл-Харбор. Она явилась решением дилеммы, поставленной его менее практичными коллегами.

Армия и флот одержали победы, которые предсказал Ямамото. В течение шести месяцев японские войска завладели Тихим океаном. Пали Сингапур, Батаан и Коррехидор. Тем не менее, американские войска

переломили ситуацию во время сражения около атолла Мидуэй. Американские шифровальщики сумели декодировать японские шифрограммы, чем помогли флоту Соединенных Штатов нанести сокрушительное поражение силам Ямамото, которые намеревались уничтожить остатки линии обороны адмирала Нимица.

Ямамото вернулся в свою каюту флагманского корабля «Ямато» и не покидал ее вплоть до выхода на берег Японии. После того как он оставил флагманское судно, раненые члены экипажа были в срочном порядке переведены в изолированные больничные палаты, а остальная часть моряков с военных кораблей, принимавших участие в сражении, была предупреждена о том, что ни одно обстоятельство сражения при Мидуэе не должно обсуждаться или быть упомянуто. До самого конца войны лишь некоторые представители военных кругов Японии так же, как и адмирал Ямамото, знали, что в июне 1942 года японскому флоту, да и всей Японской империи, был нанесен непоправимый ущерб.

После сражения при Мидуэе некоторые адмиралы Императорского флота начали подумывать о мирных переговорах. В армии подобные мысли не поощрялись, и только во флоте существовало ядро офицеров, готовых к обсуждению этой идеи. Летом 1943 года один из них, адмирал Сокуси Такаги, был вызван в Токио министерством военно-морского флота, чтобы провести анализ военной ситуации. Он детально изучил доступную информацию и заключил, что если американцам удастся захватить Соломоновы острова, Япония должна вступить в мирные переговоры. К концу 1943 года Соломоновы острова были взяты, но Такаги все еще не осмеливался обнародовать свое заключение в письменной форме, чтобы не быть обвиненным в поражечестве и, более того, в измене. Вместо этого он информировал высокопоставленных должностных лиц в индивидуальном порядке, надеясь, что та отчаянная

ситуация, в которую попала его страна, произведет на них впечатление. Понимая всю сложность обстановки, каждый следующий человек, поставленный о ней в известность, в свою очередь боялся высказывать собственные опасения.

Первый раскол в правящих кругах Японии произошел после высадки американских войск на острове Сайпан в июне 1944 года. Потери японской армии и военно-морского флота в боях при Гуадалканале*, в Новой Гвинее, на островах Тарава и Кваджалейн исчислялись тысячами солдат. После захвата Сайпана, а также в связи с бедственным положением армии позиции премьер-министра Тодзио в правящих кругах существенно ослабли.

Дзусин, группа старших государственных советников императора, принял решение об отставке Тодзио. Дзусин не имел официальных полномочий и состоял из бывших премьер-министров, однако влияние этого консультативного органа на политику правительства оказалось значительным. В июле для Тодзио настали тяжелые времена. При попытке реорганизовать кабинет министров премьер натолкнулся на ряд условий, поставленных дзусином с целью ограничения его полномочий. Тодзио был вынужден не только оставить пост Главнокомандующего и отправить в отставку своего единомышленника — министра военно-морского флота Симаду, но также смириться с вводом некоторых министров по выбору советников. Именно это последнее обстоятельство привело к свержению Тодзио: премьер-министр не мог отправить своих сторонников в отставку, так же как и убедить представителей дзуси-

* Гуадалканал - остров в архипелаге Соломоновы острова. В августе 1942 года на Гуадалканале высадились войска США, после чего боевые действия продолжались еще в течение полугода. Одновременно с ожесточенными схватками на острове происходили морские сражения с участием линкоров, крейсеров, авианосцев и кораблей других классов. Вырваться из кольца американской морской блокады удалось лишь незначительной части японского гарнизона на о. Гуадалканал (*прим. ред.*).

на войти в кабинет под его руководством. В такой ситуации Хидэки Тодзио вынужден был уйти.

К этому времени японское влияние на Тихом океане существенно уменьшилось. Сопротивление императорских вооруженных сил росло по мере того, как их загоняли на родные Японские острова, но положение становилось отчаянным. Тодзио отправился домой к жене и саду и оставил своих преемников управлять страной, летящей в пропасть.

Глава I

ТАКТИКА ОТЧАЯНИЯ

К осени 1944 года многие японские офицеры, принимавшие участие в войне против войск союзников, знали, что вероятность победы становится все меньше и меньше. Одним из них был адмирал Такидзиро Ониси. Упорный, высокомерный служака, он являлся воплощением мужественности и напористости для молодых людей, находившихся под его началом. Культ личности Ониси для младших офицеров был существенно сильнее, чем обожание американцами своего президента Тэдди Рузвельта во времена пика его популярности. С другой стороны, многие офицеры, равные ему по званию, ненавидели его агрессивное, кричащее поведение, его тупость и снисходительное отношение к тем, кто не согласен с его точкой зрения. Ониси был фанатиком, который внушал свои собственные идеи окружающим, нисколько не сомневаясь в их правильности.

В 1941 году Ониси участвовал в составлении Ямамото плана нападения на Пёрл-Харбор. Сразу после нападения он отдал приказ разрушить американскую военную базу Кларк Филд около Манилы, что фактически привело к удалению воздушных сил США с театра военных действий на Дальнем Востоке на долгое

время. Ониси отдал этот приказ, несмотря на неблагоприятные погодные условия, которые вынуждали командование отменить операцию. Адмирал, однако, не собирался терять инициативу и не упускал любую возможность уничтожить врага. Задание было выполнено, несмотря ни на что. Смелость этого человека переходила в жестокость.

В октябре 1944 года военно-морские силы США приблизились к Восточным Филиппинам. Американскому ВМФ необходимо было сконцентрировать как можно большее количество авианосцев для схватки с японскими военными кораблями, запертыми в заливе Лейте.

Серьезность ситуации заключалась в том, что если американцы занимают Филиппины, то Империя будет расчленена на две части и каналы ее жизнеобеспечения будут разорваны. Ониси был командирован в Манилу, чтобы взять на себя командование 1-м воздушным флотом Японии, состоящим на тот момент из менее чем сотни боевых самолетов. Его задача заключалась в исправлении тактической ситуации любыми средствами.

Морские офицеры Японии всегда придерживались того мнения, что наибольшую угрозу при ведении военных действий представляют собой авианосцы. Все действия Ониси были сконцентрированы на их уничтожении. Выбрав такую тактику, японцы выказали свою полную некомпетентность, о чем писал адмирал Венекер, военный атташе Германии в Токио: «Японские адмиралы всегда думали об американских авианосцах. Они постоянно обсуждали вопрос о том, сколько их было построено, сколько было выведено в Тихий океан, и о том, что они должны быть потоплены... Американские авианосцы были их вечной головной болью». Вместо того чтобы сосредоточиться на разрыве путей обеспечения американских войск, на внезап-

ных нападениях на суда с продовольствием и базы обеспечения, японцы сконцентрировались на авианосцах*.

Адмирал Ониси размышлял об авианосцах вечером 19 октября 1944 года по пути в главный штаб, расположенный на острове Лусон, недалеко от аэродрома Мабалакат. Его встречали Асаиси Тамаи, старший помощник командира базы, и начальник штаба, командующий 1-м воздушным флотом Японии Рикихеи Иногучи.

Ониси изложил свой план: «Как вы знаете, сложившаяся военная ситуация крайне серьезна. Было подтверждено появление американских военно-морских сил в заливе Лейте... Наши сухопутные силы уже передислоцируются... Мы должны нанести серьезный удар по авианосцам врага и нейтрализовать их как минимум на одну неделю». После этого вступления Ониси высказал основную идею: «По моему мнению, имеется только один путь максимально эффективного использования воздушных сил, имеющихся в нашем распоряжении. Необходимо организовать группы самоубийц для управления истребителями с 250-килограммовыми бомбами на борту с целью пикирования на американские авианосцы.... Что вы думаете?» Это был наглый и отчаянный план, призванный сотворить чудо, и это

* Критика японских морских стратегов за чрезмерное преувеличение роли авианосцев представляется спорной. Во-первых, военное руководство Японии не «всегда придерживалось мнения, что наибольшую угрозу... представляют авианосцы». Накануне и какое-то время спустя после Пёрл-Харбора основным классом кораблей считались (и не только в Японии) линкоры. Недаром в Стране восходящего солнца с таким воодушевлением встретили в декабре 1941 года весть о выводе из строя в Пёрл-Харборе восемь американских линкоров — всего линейного флота США на Тихом океане.

Во-вторых, переключение основного внимания командования ВМФ Японии на авианосцы тоже не выглядит абсурдным. Лишись американцы на Тихом океане своих авианосных соединений — и тогда их линии обеспечения, базы снабжения, отдельные суда и даже целые морские конвои стали бы легкой добычей таких же авианосцев, но уже японских (прим. ред.).

жестокое предложение Ониси было достойно такого решительного человека, как он.

Ониси задел своих людей за живое. Ошеломленные дикостью способа противостояния мощи надвигающегося врага, люди безоговорочно поддержали предложение и взялись за его осуществление с небывалым энтузиазмом.

На базе Лусон были немедленно сформированы четыре специальные бригады нападения. Они ждали нанесения удара в течение пяти дней. Наконец самолет-разведчик доложил о приближающемся американском авианосце.

25 октября в 7.25 девять самолетов поднялись с аэродрома Мабалакат и взяли курс на восток, в безграничные просторы Тихого океана. Люди в самолетах жаждали отдать свои жизни за адмирала и императора. На их шеях были повязаны белые шарфы. Их шлемы, тщательно подогнанные по голове, практически скрывали белую ткань, обернутую вокруг лба каждого пилота. Это были хашимаки — куски ткани, которые носили сотни лет назад воины-самураи феодальной Японии для того, чтобы они впитывали пот, а волосы не попадали в глаза. В 1944 году белая ткань стала отличительной эмблемой Специального корпуса нападения — камикадзе.

Пять из девяти самолетов были орудиями самоубийства. Четыре других сопровождали их для защиты от американцев. Руководил операцией лейтенант Иукио Секи.

В 10.45 пилоты заметили американские корабли. Это было соединение, выделенное для прикрытия берегового плацдарма в заливе Лейте. Настал момент наивысшей психологической напряженности. В течение нескольких часов американские корабли уходили от преследования японского флота под командованием адмирала Куриты, неожиданно появившегося из пролива Сан-Бернардино и направлявшегося на юг, чтобы уничтожить американский флот в заливе Лейте. Ко-

манды кораблей были измотаны изнурительной гонкой преследования. Прошло менее часа с тех пор, как японцы оставили их и возвратились, опасаясь ловушки, подстроенной другими американскими кораблями где-либо в нейтральных водах.

В 10.10 авианосец «Сент-Ло» и другие корабли почувствовали себя в безопасности, и команды ослабили свое внимание после счастливого избавления от нежелательной встречи. В это время их заметила группа Секи.

Японские самолеты пошли на снижение. В 10.50 авианосцы получили предупреждение: «Вражеский самолет быстро приближается из нависающего тумана». В 10.53 самолет проревел над авианосцем «Сент-Ло», вошел в крутое пике и разбился на взлетной палубе недалеко от средней линии. В 10.56 загорелись топливные резервуары, расположенные под палубами. Двумя минутами позже прогремел сильный взрыв, и огромная часть взлетной палубы откололась от корабля. Пламя поднялось на 30 метров вверх и к 11.04 «Сент-Ло» превратился в гигантский факел. Двадцать одну минуту спустя корабль затонул.

В то время как горел «Сент-Ло», оставшиеся самолеты-камикадзе точно долетели до своих целей и поразили их. Пять самолетов нанесли удар по четырем судам. Один авианосец затонул, другим были нанесены существенные повреждения. Этот полет камикадзе оказался удачным, так же как и другой, с базы Минданао ранее в тот же день. Ониси немедленно приступил к формированию новых групп.

В течение следующих месяцев корабли Соединенных Штатов стали все чаще встречаться с самолетами-самоубийцами. В январе 1945 года, когда Макартур отправил свой флот в залив Лингаен для высадки на острове Лусон, почти сорок военных кораблей получили повреждения в результате нападения самолетов-камикадзе. Хотя высадка 6-й армии генерала Крюгера оказалась успешной, обеспокоенные американские моряки надеялись, что камикадзе — это временное явление,

которое не будет широко распространено. Они не знали о создании подразделения японского воздушного флота под командованием адмирала Ониси — Специального корпуса нападения. Не знали они также о планах увеличения численности этого корпуса в несколько раз.

В марте 1945 года японская разведка сообщила об увеличивающемся интересе вражеских спецслужб к острову Окинава, расположенному в шестистах километрах к югу от Японии. Ониси интегрировал свой Корпус в план защиты этого острова. На самом высоком уровне в Токио чиновники и офицеры и чиновники армии и флота убеждали себя в том, что самолеты-самоубийцы смогут изменить ход войны.

* * *

В течение нескольких месяцев после падения Сайпана в июле 1944 года американские стратеги выбирали наиболее удобные и стратегически важные острова на пути к Японии. После конференции в Гонолулу летом того же года Макартур провел в октябре удачную операцию и захватил острова Лейте и Лусон. Заняв остров Иводзима, адмирал Нимиц планировал нападение на Формозу, однако в конечном счете остановил свой выбор на острове Окинава*. Самый большой из островов Рюкю — сто километров в длину — Окинава мог бы использоваться Соединенными Штатами и как стартовая площадка для вторжения в Японию, и как плацдарм для интенсивных бомбежек японских островов Кюсю и Хонсю.

Новые отряды недавно сформированной 10-й армии должны были начать вторжение в пасхальное воскресенье, 1 апреля 1945 года. Под командованием Саймона Боливара Бакнера, сына генерала Конфедерации**, 10-я армия была укомплектована из частей, прошед-

* Окинава — один из островов архипелага Рюкю, входящих в состав Японии (*прим. ред.*).

** Конфедерация — союз рабовладельческих штатов юга США, потерпевших поражение в гражданской войне в США в 1861—1865 годов.

ших бсвое крещение в Тихом океане: морских пехотинцев 1-й дивизии, участвовавших в сражениях при Гуадалканале, Пелелиу и в Новой Британии; морских пехотинцев 2-й дивизии, сыгравших роль резерва при взятии Таравы и Сайпана; частей 7-й дивизии с островов Атту и Лейте; 77-й и 96-й с Гуама и Лейте; 27-й с Сайпана и Маршалловых островов; недавно сформированных частей морских пехотинцев 6-й армии с островов Эниветок, Сайпан и Гуам. Отряды солдат и морских пехотинцев из элитных частей, дислоцированных в Тихом океане, имели военный опыт, полученный в бесчисленных стычках с японскими войсками. Новая тактика обороны японцев, избранная для защиты острова Иводзима, принесла свои плоды, а потому экспедиция американских солдат к берегам Окинавы была отнюдь не безопасна.

Императорский штаб вооруженных сил в Токио решил, что тактика «банзай» оказалась слишком дорогостоящей, и идею встречи противника на берегу заменили на тактику заманивания. Японцы устроили засады в пещерах и поливали непрерывным огнем морских пехотинцев, которые даже не понимали, откуда ведется огонь. Кроме того, использовалась тяжелая артиллерия, и берега, усыпанные трупами, ясно показывали, что впервые на длинном пути к Японии от острова к острову американские войска были разбиты наголову.

Та же самая тактика ждала 10-ю армию на Окинаве. Командующим вооруженными силами на острове был генерал Мицуру Усидзима, высокий крепкий ветеран войны в Бирме, занимавший последнее время пост суперинтенданта военной школы в Заме. Будучи реалистом, Усидзима понимал, какие силы будут брошены против него. Не желая расходовать имеющиеся ресурсы впустую, он организовал глухую оборону южной части острова. Тактика защиты Окинавы до последней капли крови включала в себя максимальное использование камикадзе. Усидзима планировал захлопнуть расстав-

ленную ловушку после прибытия с Японских островов камикадзе, которые должны были вывести из строя сотни кораблей противника. После этого Усидзима мог напасть на американские сухопутные войска, отрезанные от своих баз и каналов жизнеобеспечения, и наконец одержать победу, ускользящую из рук японских военных. Камикадзе являлись ключевым моментом плана. В случае его провала Усидзиму с его войсками ждала смерть.

Генерал наблюдал, как армия США в конце марта занимает атолл Керама, он также не предпринял никаких действий, когда 1 апреля первый американский солдат вышел на побережье острова Окинава.

Сорок восемь часов спустя 96-я дивизия США пересекла остров и достигла восточного побережья. Морские пехотинцы 6-й армии направились на север, остальные части двинулись на юг — к столице острова, городу Наха.

5 апреля основная часть 10-й армии попала в зону действия скрытых укреплений генерала Усидзимы. Самая большая концентрация артиллерии, достигнутая японской армией за все время войны, преподнесла неприятный сюрприз американцам. 287 орудий открыли яростный огонь из вырытых укреплений. Американские войска понесли многочисленные потери, и наступление на юг захлебнулось.

6 апреля камикадзе Ониси вступили в действие. С Оиты, Канои и других аэродромов, разбросанных по острову Кюсю, в небо поднялись сотни самолетов, чтобы нанести последний удар по врагу. Белые хашимаки были повязаны на лбах пилотов, а их прощальные письма были отправлены семьям.

Первыми самолеты-самоубийцы встречали сторожевые суда — эсминцы, бороздившие океан к северу от Окинавы. Операторы этих кораблей, не отрываясь, следили за локаторами. Эсминцы являлись одновременно защитниками и жертвами. Предупреждая и за-

щищая основную массу боевого флота, расположенного к югу, они служили мишенями для камикадзе, вызывая огонь на себя.

Камикадзе появлялись по одному, парами или группами. В основном они пикировали на эсминцы, и лишь некоторые направлялись далее, к побережью острова. Именно сторожевые суда понесли наибольшие потери в сражении. Создавалось ощущение смерча, пронесшегося над кораблями. Небо заполнили облака черной стальной пыли, которая оседала тонкой пленкой на водную гладь моря. Хотя японцы понесли тяжелые потери, взорванные эсминцы также представляли собой жалкое зрелище, по крайней мере пятнадцать кораблей были значительно повреждены.

Эсминец «Буш» оказался счастливым тем утром 6 апреля. Корабль с более чем тремястами членами экипажа успешно избегал ударов камикадзе до трех часов дня. Но затем сражение обернулось для всех изматывающей войной нервов. В 15.13 команда заметила низколетящий одномоторный самолет камикадзе, пикирующий на корабль. Вражеский самолет применял тактику маневрирования, уходя от снарядов, выпущенных из орудий «Буша». Он поднимался и опускался, иногда проходя всего в десяти футах над океаном. Корабль отчаянно пытался избежать столкновения. В 15.15 самолет врезался в палубу эсминца между первым и вторым отсеками, снеся при этом камбуз, прачечную, лазарет, ремонтную мастерскую и выведя из строя систему пожаротушения. Несмотря на то, что корабль охватило пламя, казалось, что еще не все потеряно. Для оказания помощи к «Бушу» подошел эсминец «Колхаун».

В течение всего следующего часа команда отчаянно пыталась спасти корабль. Раненым была оказана медицинская помощь. «Буш» оставался на плаву.

В 16.35 экипаж с ужасом заметил, что американские воздушные силы прикрытия без предупреждения уходят к югу. Поврежденные корабли остались один на один с усиливающимися атаками камикадзе. С севера

приближались полтора десятка самолетов-самоубийц. Они окружили эсминцы. Один из них направился в сторону «Буша», непрерывно обстреливая его. Камикадзе врезался в борт корабля, почти расколов его надвое. Корабль казался заброшенным обломком кораблекрушения с пробитыми бортами и таящейся в его чреве смертью.

Перед закатом солнца показался еще один самолет, он снизился до уровня мачт, развернулся и, заходя со стороны левого борта чуть выше воды, отправился в свой последний полет. Людей, наблюдавших эту картину с палубы, парализовало. Корабль был приговорен. После столкновения носовая и кормовая части корабля смотрели в небо. Моряки начали прыгать за борт. Вода хлынула в отсеки корабля, и эсминец стал медленно тонуть. В свете луны выжившие в этой мясорубке усеяли океан. Часы яростной борьбы с фанатиками сказались на психологическом настрое команды. Офицеры и матросы стали один за другим истерично срывать с себя спасательные жилеты. Охваченные некоей неистовой силой, они поплыли к воображаемым небесам, убежищу, избавлению от сводящего с ума страха и ужаса перед камикадзе. Тридцать три человека отправились в плавание без жилетов и надежды на спасение. Один за другим они утонули.

Оставшиеся терпеливо ждали кораблей, которые должны были их подобрать. Когда эсминцы приблизились к тонущим морякам, разыгрался последний акт трагедии. Некоторые моряки, подплывая к бортам эсминцев, разбивались о них и тонули. Других затягивало в винты кораблей, и они исчезали в водовороте крови. Так погибло 10 моряков из 87 членов экипажа «Буша».

В это время камикадзе потопили и искорежили 24 американских корабля. Хотя самолеты-самоубийцы не достигли побережья острова, цена, которую заплатили ВМФ США, оказалась слишком велика, а 6 апреля стало только прелюдией к всеобщему террору, начавшемуся около острова Окинава.

Самолеты Ониси не были единственным средством, при помощи которого японские военно-морские силы надеялись одержать победу на Окинаве. Из порта Токуяма, расположенного на побережье Внутреннего моря, к острову Бунго Суидо между Кюсю и Сикоку отправился громадный боевой корабль «Ямато» водоизмещением 72909 тонн. За ним следовали 2 крейсера и 6 эсминцев. Их точкой назначения была Окинава. Цель «Ямато» заключалась в уничтожении американских транспортных судов и береговых плацдармов. Топлива на корабле было ровно столько, чтобы добраться до острова, и после того как весь боевой запас его 18-дюймовых батарей будет выпущен в американский флот, «Ямато» должен был сесть на мель. Это был корабль-самоубийца.

Около 5 часов утра 6 апреля командиры субмарин «Тредфин» и «Хаклбек» с восхищением наблюдали, как громадный монстр «Ямато» проплывает мимо их перископов. Заметив направление движения каравана, они отправили сообщение американским авианосцам и тяжелым кораблям, что 9 судов противника отправляются, по всей видимости, в сторону Окинавы. С наступлением темноты японские военные корабли отклонились к западу от намеченного курса, чтобы уйти от ударов американской авиации: у японцев не было воздушной защиты.

Как игроки в шахматы, американцы маневрировали, чтобы расстроить планы противника. Авианосцы пришли в движение, планируя перехватить «Ямато» при свете дня. Около трех тысяч моряков «Ямато» с напряжением ожидали рассвета, когда должно было произойти их последнее сражение. В 8.22 самолет, поднявшийся с авианосца «Эссекс», заметил группу кораблей,двигающуюся со скоростью 22 узла. В течение последующих суток американские воздушные суда «Каталина» наблюдали за японским конвоем,двигающимся к Окинаве. Вскоре после полудня началась массированная атака. Появляясь из низколетящих дожде-

вых облаков, американские самолеты бомбили «Ямато» и его эскорт в течение двух часов. Непрерывные бомбовые и торпедные удары нанесли флагману колоссальные повреждения, однако «Ямато» оставался на плаву, непрерывно стреляя по нападающим.

Наконец, когда корабль стал тяжело оседать, капитан отдал экипажу команду покинуть корабль. Несмотря на протесты своих помощников, капитан Ариго отказался уйти с корабля вместе с ними. Вместо этого он привязал себя к опоре прочным шнуром. Спасшиеся члены экипажа говорят, что с ним остался еще один моряк. Из своего кармана он вынул пачку печенья, надломил одно из них и сунул этот кусочек в губы капитану. Ариго взглянул на моряка, затем на кусочек печенья, улыбнулся и открыл рот. «Ямато» начал тонуть. Привязанные к своему кораблю, капитан Ариго и его товарищ по несчастью умерли вместе с ним в 14.23 7 апреля.

Последняя атака кораблей-самоубийц японских императорских военно-морских сил потерпела неудачу. Только четыре эсминца вернулись обратно в Японию, чтобы доложить о потере самого мощного военного судна в мире.

* * *

В смысле общей стратегии исход сражения за Окинаву, последнего наземного сражения в Тихом океане, был предрешен. Американское превосходство было очевидным. Но сражавшимся американским морским пехотинцам и солдатам показалось, что японцы никогда еще не боролись так яростно, с таким ожесточением и так эффективно. Чему удивляться — впервые японцы сражались на своей территории.

Каждый последующий апрельский день войны на острове подтверждал всю ее безжалостность и жестокость. Морские пехотинцы продвигались к возвышенности Вана Дро под градом огня, открытого из пистолетов, винтовок, гранатометов и другого оружия,

стрелявшего по любой движущейся мишени, находящейся на открытом пространстве. Американские огнеметы поливали склоны холмов галлонами жидкого воспламеняющегося вещества, вынуждая японцев выйти из укрытий в пещерах. Когда же выжившие японские солдаты выходили из своих убежищ, их встречали пули американских пехотинцев.

Тяжелая артиллерия Усидзимы вела непрерывный огонь, выискивая американцев в каждой низменности рельефа острова. В условиях постоянного рева оружейного огня пехотинцы и солдаты спали урывками, что вело к психическому и физическому истощению. Люди переутомлялись настолько, что до окончания кампании тринадцать тысяч американских солдат были доведены до сумасшествия.

Некогда тихий фермерский уголок, остров Окинава превратился в вонючую свалку разлагающихся трупов. Поля были испещрены воронками, дороги зияли многочисленными ямами. Бойцы обеих сторон затаились в ожидании врага, чтобы внезапно появиться перед ним и уничтожить, а затем скрыться. Они жили в норах, полузатопленных водой от непрекращающихся дождей, одежда была постоянно мокрой, ботинки и носки гнили прямо на человеке. И американцы, и японцы увязли в грязи острова. Опустившиеся, замученные люди думали только о противнике, который может появиться на пороге ущелья или прятаться за деревьями.

Американский флот оказывал поддержку с моря. Непрекращающиеся атаки японских камикадзе в течение всего апреля привели к небывалому нервному напряжению на кораблях американцев. Более сотни кораблей США были серьезно повреждены или потоплены. В этот период японцы потеряли около тысячи самолетов. Тем не менее мечта Усидзимы о полном уничтожении американского флота и изоляции сухопутных войск на острове оставалась неосуществленной.

3 мая японское командование предприняло последнюю попытку уничтожить вражеский флот при помо-

щи массированного налета камикадзе. Эта операция явилась результатом накопившегося раздражения и многочисленных раздоров в штабе Усидзимы. В его ставке, расположенной на глубине тридцати метров под замком Сури, группа жаждущих битвы офицеров, измученных пассивной тактикой защиты, настаивала на переходе в наступление. Один из радикально настроенных лидеров этой группировки, полковник Наомиши Дзин, не одобрял позиции консервативного окружения Усидзимы. По мере продвижения американцев в глубь острова Дзин и его последователи стали открыто угрожать полковнику Иахаре, основному борнику стратегии защиты. Генерал Усидзима столкнулся с мятежом в собственном лагере. Неизбежный конфликт произошел на встрече офицеров штаба, где генерал Исами Чо, человек, который в течение многих лет пользовался репутацией ярого экстремиста в военных кругах Японии, горячо поддержал идею налета на американские укрепления. Под нажимом Чо, Дзина и других радикалов Усидзима дал свое согласие на массированную атаку 4 мая. Целью операции являлось уничтожение 24-го корпуса американских войск и вытеснение их с острова. В военно-воздушных силах генерала Ониси были проведены все приготовления к запланированной на 3 мая интенсивной атаке камикадзе на американский флот. Японские военные задумали осуществить еще одну попытку изоляции сухопутных войск от флота, обеспечивающего подкрепление.

Эскадрильи Ониси поднялись с аэродромов острова Кюсю и смогли вывести из строя 18 кораблей противника. Один из них, эсминец «Аарон Ворд», принял 5 ударов камикадзе и потерял 98 человек убитыми и ранеными, все еще держась на плаву. Тем не менее основная масса кораблей американского флота осталась неповрежденной.

Сухопутное сражение, начавшееся на рассвете 4 мая, было хаотичным, с большим количеством потерь, а для японцев еще и безнадежным. После проведенной япон-

цами массивной артподготовки последовала форменная мясорубка ближнего боя. Целая бригада японских войск на марше попала в огневую зону 77-й пехотной дивизии американцев и была уничтожена на месте. Колонна американских солдат, отпуская шуточки и безмятежно покуривавших с зачехленными винтовками, неожиданно попала на линию фронта, была замечена японскими стрелками и уничтожена в течение нескольких секунд. Вечером 4 мая американские войска вынуждены были открыть сокрушительный огонь по одной из боевых групп противника, проникшей на полтора километра в глубь американских позиций.

События 4—5 мая явились последней наступательной операцией Императорских вооруженных сил во второй мировой войне. Для новых таких операций у Японии просто уже не было ресурсов. В конце концов генерал Усидзима приказал своим войскам вернуться в пещеры и бункеры и опять перейти к тактике глухой обороны. После событий 4—5 мая влияние Чо и Дзина в армии существенно ослабло.

В своей цитадели под замком Сури генерал Усидзима без особого успеха подбадривал своих помощников, а в стане противника генерал Саймон Боливар Бакнер готовил приказ перейти к наступлению. 8 мая инициатива полностью перешла к американцам.

Положение японских войск постепенно ухудшалось весь май и начало июня, по мере того как американские войска оттесняли их на южную оконечность острова. Войска генерала Усидзимы не могли противостоять непрерывному давлению превосходящей огневой мощи противника. С падением последнего бастиона — замка Сури — 31 мая битва подошла к завершению. Американские пехотинцы, проникшие в бывший штаб 32-й армии, застали полное опустошение. Взрывы бомб и тяжелых снарядов разрушили целый город, который служил основанием замку Сури. Осталась стоять только методистская церковь — двухэтажное бетонное зда-

ние. Сам замок тоже был разрушен. Ничего живого не осталось в этой крепости, откуда короли Окинавы управляли государством в течение многих веков. Японцы оставили своих мертвых товарищей и отступили к югу. Последний центр организованного сопротивления был уничтожен.

В течение трех последующих недель отступающий генерал Усидзима удерживал небольшую часть острова. Он знал, что не сможет долго сопротивляться. Конец был близок. К тому моменту даже японские солдаты осознавали это. Осыпавшиеся миллионами листовок, обещавших хорошее обращение в случае добровольной сдачи, они задумывались о том, чтобы сложить оружие. Участились случаи самоубийства. Впервые за время ведения военных действий сотни японских солдат выходили из пещер и с поднятыми руками отправлялись к американским позициям. В конечном итоге около семи тысяч японских военнослужащих добровольно сдались противнику.

* * *

В пещере на высоте 89 генерал Усидзима читал листовки союзников и смеялся. Его коллега, генерал Чо, попивая виски, слушал репортажи, приходящие с театра военных действий. Линия фронта была разорвана. Японские войска представляли из себя дезорганизованную толпу, прячущуюся в ущельях и пещерах, блуждающую по сельской местности в поисках воды и продовольствия. Надежда покинула их.

* * *

Сотни закутанных тел лежали ровными рядами на траве в открытом поле около воздушной базы Кадена. Это были американские моряки, выброшенные прибоем после крушения кораблей, уничтоженных камикадзе. Проходящие мимо солдаты впервые получили возможность задуматься о цене, которую заплатили моряки за поддержку сухопутных войск.

* * *

Одна из обширных пещер на территории, контролируемой японцами, служила полевым госпиталем для трех сотен раненых японских пехотинцев. Их командир, адмирал Ота, боясь атаки американских войск, применявших огнеметы, приказал главному врачу избавить пациентов от дальнейших страданий. Его бойцы должны были умереть достойно. Доктор и его ассистенты со слезами на глазах приготовили шприцы и ввели смертоносное вещество в три сотни вытянутых рук. В госпитале установилась гробовая тишина.

* * *

Другой японский врач, Маехара, оставил попытки справиться с нарастающим бедствием и решил найти убежище среди местных жителей Окинавы, которые бродили по полям битвы. Маехара присоединился к группе людей, живущих в пещерах. Там он познакомился с молодой аборигенкой, и они полюбили друг друга. На фоне разворачивающегося бедствия в объятиях друг друга они обсуждали неясное будущее.

В середине июня американцы окружили пещеру, в которой укрывались Маехара с девушкой. Влюбленные решили бежать по одному из вырытых под холмами тоннелей длиной несколько сотен метров, но охваченные страхом, все откладывали побег. Американские солдаты подошли к входу в пещеру и бросили внутрь динамитную шашку. Маехара с девушкой отступили в глубь пещеры. Когда пламя ворвалось внутрь, доктор велел девушке следовать за ним через один из запасных выходов. Пробираясь извилистыми проходами, врач достиг поверхности. За ним никто не шел. Обеспокоенный Маехара вернулся по своим следам в пещеру и обнаружил изуродованное тело. Девушка пала жертвой огня. Потеряв интерес к жизни, Маехара вышел из пещеры и сдался врагу.

18 июня генерал Саймон Боливар Бакнер приехал

на передовые позиции, чтобы контролировать ход наступления. Стоя на наблюдательном пункте, он следил за развитием событий. Внезапно осколок японского снаряда попал в скалу над наблюдательным пунктом. Кусок отколовшейся породы угодил Бакнеру в грудь. Через несколько минут он умер.

* * *

Вечером 21 июня генералы Усидзима и Чо ужинали в пещере высоты 89. Над их головами японские солдаты продолжали защищать каждую пядь своей земли. Генералы ели спокойно. Их помощники произносили тосты, офицеры пили виски, специально оставленное для этого случая. Полная луна взошла над холмом, когда был произнесен последний тост: «Да здравствует император!» В 4 часа утра 22 мая Усидзима и Чо проследовали к выходу из пещеры мимо двух рядов вытянувшихся по струнке подчиненных. Чо обернулся и сказал своему начальнику: «Я пойду первым». Генералы вышли наружу. За ними следовали несколько офицеров. Около выхода на матрасах было расстелено одеяло. Со всех сторон неслись звуки яростной канонады. В полусотне метров шел самый настоящий бой. Усидзима сел и начал молиться. Чо последовал примеру своего начальника. Не обращая внимания на звуки орудий, Усидзима низко поклонился земле и взял короткий меч из рук адъютанта. Генерал распорол себе живот и выронил меч. Немедленно подхватив его, адъютант отсек генералу голову. Голова упала на одеяло, обагрив зрителей кровью. Через несколько секунд генерал Чо умер таким же образом.

Битва за Окинаву закончилась. Более 12 тысяч американцев и 100 тысяч японцев были убиты. Американский флаг развевался всего лишь в 600 километрах от Японии.

Глава 2

ОПЕРАЦИЯ «МИТИНГХАУС»

Генерал Усидзима надеялся, что нанесение как можно большего ущерба американцам на Окинаве избавит его родные острова от ужасов войны, однако яростная защита острова 32-й армией оказалась тщетной. Японские города горели так же, как и населенные пункты Окинавы. На руинах собственных домов тысячи мужчин и женщин оплакивали любимых, захороненных в развалинах, оставленных после разрушительных налетов «Би-ни-дзу-ку» — бомбардировщиков В-29. Эти красивые серебряные машины все чаще и чаще появлялись с юга, наводя ужас на жителей Японии. Налеты продолжались несколько месяцев начиная с марта, когда генерал Куртис Лемей — командующий 21-й эскадрильей, расположенной на Марианских островах, — стал претворять в жизнь тактику устрашения.

Приступив к своей работе в январе 1945 года, Лемей обнаружил парадокс: такое превосходное оружие, как В-29, успешно осуществляет налеты на японские острова, но не справляется с другими военными задачами. Ошибка заключалась в тактике использования машины в воздушном бою. Доктрины, разработанные во время военных действий в Европе, не срабатывали в Азии. Лемей решил исправить ситуацию. В свои 38 лет он был крупным специалистом в области нанесения бомбовых ударов. Он придерживался мнения,

что тяжелый бомбардировщик может нанести поражение любому государству. Ветеран американских военно-воздушных сил, он начинал в группе обслуживания в тяжелую пору экономического кризиса 1929 года. После окончания университета штата Огайо Лемей стал лейтенантом армии. Он начинал в те времена, когда пилоты, поднимаясь в воздух на хрупких летательных аппаратах, боялись за свои жизни. Затем он был определен в секцию бомбометания, где получил начальный опыт в искусстве воздушных атак.

Когда Соединенные Штаты вступили во вторую мировую войну, Куртис Лемей стал претворять в жизнь свои теоретические наработки. Он совершал полеты с аэродромов в Англии против немецких «люфтваффе» и вскоре изучил стратегию современного воздушного боя. В условиях постоянного изменения тактики боевых действий Лемей оказался блестящим командующим, чьи боевые группы всегда проникали сквозь немецкие заградительные рубежи для поражения целей. Постоянно участвуя в налетах, бомбардировщик В-17 американских ВВС стал наносить серьезный урон военной мощи Германии и склонять чашу весов в сторону союзных войск. Куртис Лемей — командир 3-й бомбардировочной дивизии — был известен как требовательный, порой безжалостный командир. Исходя из этого генерал Хэп Арнольд увидел в его лице человека, который может справиться с проблемами, возникшими при использовании нового бомбардировщика на Тихоокеанском театре военных действий, и в июне 1944 пригласил Лемея в Штаты.

Бомбардировщик В-29 был устрашающим оружием, способным почти вдвое перекрыть отдачу проверенного временем В-17, используемого в Европе. Построенная корпорацией «Боинг», покрытая серебром машина с четырьмя двигателями составляла 30 метров в длину, 8 с половиной метров в высоту и имела размах крыльев чуть более 43 метров. Вооружение на борту состояло из двенадцати пулеметов калибра 12,7 милли-

метров и 20-миллиметровой пушки в хвостовой части. В-29 мог набрать высоту 11,5 километров, скорость — 600 километров в час. Он мог пролететь 6500 километров с бомбовой нагрузкой 4 тонны*. Военно-воздушные силы рассматривали бомбардировщик В-29 в качестве самолета дальнего действия. Он мог пересечь Тихий океан и нанести удар по промышленным объектам врага. Он мог за короткое время изменить баланс сил, однако на тот момент его использование не принесло ничего, кроме разочарования.

Все лето Лемей изучал бомбардировщик, постоянно летая на нем. Осенью он был отправлен в Китай, где принял командование рейдами на самолетах В-29 с аэродромов Ченгту. Его миссия была крайне сложна, так как район Ченгту был непригоден для выполнения подобных рейдов. Основной проблемой являлось материально-техническое обеспечение: все поставки топлива, боезапаса, продовольствия и т. д. осуществлялись транспортными самолетами через Гималаи. Несмотря на то, что объем перевозок рос каждый месяц, запасов, доставленных в Ченгту, не хватало для осуществления массированных атак, и для выполнения задания в небо поднималось не более сотни самолетов. Лемей был расстроен из-за неспособности его самолетов доказать свою разрушительную силу. Вашингтон также не устраивала ситуация в Ченгту, и постепенно акцент был перенесен с этого региона. В конце года Лемея перевели в Гуам. Там, на Марианских островах, маршруты материально-технического обеспечения были существенно короче, что устраняло основную проблему рейдов с китайской территории.

Однако операции в Ченгту не были полным провалом. Рузвельт и Черчилль оплатили свой «политический долг» Чан Кайши, разместив тяжелые бомбардировщики в Китае. Недовольный кажущимся «недостатком интереса» к его стране, генералиссимус был польщен

* Максимальная бомбовая нагрузка бомбардировщика Боинг В-29 достигала 9-ти тонн (прим. ред.).

принятым решением начать массированные бомбардировки Японии с его территории. Население Китая, измученное войной, с энтузиазмом приветствовало тяжелые бомбардировщики В-29, направляющиеся в сторону Японии. С практической точки зрения, китайский опыт был также неocenим. Ченгту явился стартовой точкой, обучающей основой для членов экипажей и командования нового бомбардировочного подразделения. Из опыта проведения китайских рейдов были извлечены практические уроки, которые были применены на Марианских островах, когда 21-я эскадрилья начала бомбардировки Японии.

В течение первых двух месяцев 1945 года Лемей осуществлял налеты с целью существенно понизить военный потенциал врага, тем самым доказывая свою теорию. К марту, однако, цель не была достигнута, и японцы не понесли сокрушительных потерь. Фактически дух гражданского населения Японии даже окреп: мирные жители привыкли к изменившимся условиям жизни. Некоторые японские лидеры заново обрели уверенность, так как видели, что японская военная машина все еще функционирует. Так что пока бомбардировщик В-29 не проявил себя в полной мере, и Куртис Лемей знал это.

Многие факторы оказали свое влияние на результаты бомбежек, и главным среди них была погода. Разница в погодных условиях на Японских и Марианских островах была принципиальной. Бомбардировщики неслись на скорости 360 километров в час в сплошном слое облаков, которые полностью скрывали наземные цели, а бомбы, сброшенные с высоты в девять тысяч метров, относились от цели ветром. За первые шесть недель после прибытия Лемея в Гуам лишь однажды выпала возможность визуального наблюдения. Все остальные рейды проводились при помощи радара. Его работа была ненадежна, что приводило к многочисленным промахам. Одиннадцать наиболее важных целей на Японских островах не понесли потерь,

несмотря на многочисленные атаки. Одна из таких целей — авиационный завод «Мусашино» в Токио — работал на 96 процентов производственных мощностей, хотя неоднократно подвергался бомбардировкам В-29. Кроме того, осуществляемые дальние полеты на высоте более девяти тысяч метров с высокими скоростями требовали предельных нагрузок на двигатели, что приводило к их поломкам. Ежедневные доклады о проведенных рейдах содержали данные о самолетах, не добравшихся до Японских островов. В начале марта Лемей решил проанализировать накопившийся опыт и переломить ситуацию.

В течение нескольких недель он вынашивал план, явившийся результатом его наблюдений и обмена мнениями с другими командующими ВВС на Марианских островах. Это было смелое решение, игра за главный приз — разрушение японской военной промышленности. Он не был уверен в положительной оценке его предложения генералом Арнольдом — командующим корпусом ВВС, и начал осуществление своего плана без согласования с начальством.

Приказы на операцию 9 марта были выданы 7 числа. В рейде участвовали 73-е, 313-е и 314-е авиакрылья. Целью атаки являлся северо-восточный сектор Токио, которому было присвоено кодовое название Митингхаус*. Бомбардировка должна была начаться сразу после полуночи. Бомбы сбрасывались с высоты от полутора до двух с половиной тысяч метров. С бортов В-29 было удалено все огнестрельное оружие, кроме зажигательных бомб, используемых для бомбардировки деревянных домов Митингхауса. Для членов экипажей самолетов идея полета на высоте полтора километра над наиболее защищенным городом Японии без оружия казалась шокирующей. По оценке экспертов, в районе Токио было сосредоточено 331 зенитное орудие большого калибра, 307 автоматических пушек,

* Митингхаус — место встречи (англ.)

312 одномоторных истребителей и 105 двухмоторных перехватчиков. Тем не менее Лемей решил бросить вызов этому арсеналу защиты, появившись ночью на низкой высоте без оружия.

Его доводы отличались простотой. Ключевыми моментами плана были ночное время и небольшая высота полетов. Оба фактора учитывали наиболее уязвимые места в системе защиты города. На тот момент у Японии не было адекватного истребителя для ведения боя в ночное время, который мог бы поразить В-29. Также в Японии не было и радаров для раннего обнаружения самолетов. Таким образом, нападение на низких высотах внесло бы сумятицу в ряды защищающих Митингхаус. Если бы эти предположения оказались правильными, Лемей не нуждался бы в огнестрельном оружии на бортах самолетов, чем увеличил бы их грузоподъемность.

Были и другие преимущества такого полета. Так как В-29 не набирал большие высоты, требовалось меньшее количество топлива, что опять же позволяло увеличить полезную нагрузку. Низкие высоты к тому же уменьшали нагрузку на двигатели, что снижало вероятность выхода их из строя во время полета или после него.

Генерал Лемей надеялся сбросить две тысячи тонн зажигательных бомб на жителей Токио и сжечь частные дома и по крайней мере небольшие японские фабрики.

Одна опасность была очевидна: японцы могли быстро приспособиться к новой тактике налетов и нанести серьезный урон беззащитным бомбардировщикам. Если бы это случилось, летчики понесли бы тяжелые потери, а репутация Куртиса Лемея была бы испорчена.

Рейд на Митингхаус прошел, как было запланировано. Вечером 9 марта 1300 моторов разорвали тишину ночи, и 325 массивных В-29 отправились с места стоянки, образуя непрерывную линию, уходящую за горизонт к концу взлетно-посадочной полосы. Один за другим они поднимались в небо. Согласно полетному заданию В-29 двигались строго на север, постепенно

набирая высоту. Первые 12 самолетов каждого авиакрыла были направляющими. В их задачу входило отметить бомбами область целей в районе Митингхауса в виде огромной буквы X по всей площади района. Сотни канистр напалма, фосфора и магнезии* должны были превратиться в огромный факел.

* * *

Над островом Сисидзима, расположенным в районе впадины Бонин, японцы открыли беспорядочный огонь по американским самолетам, однако не поразили ни одного. Используя радар и контрольные точки полуострова Бозе, В-29 под покровом ночи приблизились к побережью острова Хоккайдо и взяли курс на Токио. Около полуночи они появились над домами, прилепившимися друг к другу на побережье реки Сумида в нескольких километрах к северо-востоку от императорского дворца. Луна отражалась в холодных водах Токийского залива. Холодный порывистый ветер гонял мусор по узким улицам города.

Самолеты наведения пересекли город и на небольшой высоте сбросили бомбы Е-46, каждая из которых взорвалась на высоте семисот метров, выбросив 38 цилиндрических канистр. Эти канистры длиной 60 сантиметров обрушивались на деревянные дома, поджигая их. Когда мирное население высыпало на улицы, самолеты-направляющие удалились в южную часть города, оставляя позади себя полыхающую букву X, которая отмечала район целей для бомбардировщиков В-29. Самолеты появлялись группами или по одному, выпуская в море пламени свой смертоносный груз. «Это было похоже на лесной пожар», — писал один из летчиков.

Огонь невозможно было остановить. Пламя достигало нескольких десятков метров в высоту, быстро распространяясь в округе. Ветер раздувал его языки, вклю-

* Магнезия (устар.) — оксид магния.

чая в пожарище все новые и новые районы, а самолеты, разбрасывающие зажигательные бомбы, продолжали прибывать. Казалось, пунктиры трассирующих снарядов перечертили все пространство над Токио. Небо превратилось в невероятную панораму света, шума и непрерывного движения.

По мере расширения и распространения пожара бомбардировщики начали испытывать определенные проблемы. Сильные восходящие тепловые потоки воздействовали на фюзеляжи самолетов, грозя разорвать их на части. Вместо того чтобы следить за снарядами, выпускаемыми по самолетам, пилоты вынуждены были уделить особое внимание контролю за траекторией полета. Турбулентные потоки подбрасывали машины на многие сотни метров вверх, после чего они с головокружительной скоростью возвращались на исходную высоту. Когда смертоносные канистры М-47 и М-69 были сброшены в этот ад, ошарашенные члены экипажа, держась из последних сил, кричали: «Убираемся отсюда к чертовой матери!»

Один самолет продолжал летать вокруг зоны пожара. На его борту находился генерал Том Пауэр — начальник штаба, к которому относилась эскадрилья Лемей. Генерал хотел лично наблюдать результаты рейда. Пауэр не мог оторвать взгляд от устрашающего зрелища: целый район города умирал под его ногами. Пауэр отправил радиogramму в Гуам о том, что они сорвали банк. Лемей произвел революцию в технике бомбометания.

Самолет Пауэра наконец отправился домой, а на улицах Токио не осталось ничего живого. Безумие росло вместе с температурой. Люди бежали и падали, выбиваясь из сил и задыхаясь от дыма. Некоторые сгорели в собственных домах, не успев выйти. Гора мертвых тел в театре «Мейдзиза» составила два с половиной метра в высоту. Те, кто хотели покинуть театр, вынуждены были яростно бороться со своими соседями. Люди задыхались от дыма и недостатка кислорода. Полиция и пожарные не могли прибыть на место про-

исшествия из-за диких толп на улицах. Противопожарное оборудование было выведено из строя очень высокой температурой.

Единственным путем спасения были мосты через реку Сумида. Там, за рекой, в темноте абсолютно не тронутой части города люди видели свое спасение. Тысячи мужчин и женщин бежали в этом направлении, крича и толкаясь. Многие из них были покалечены. Некоторые падали в считанных метрах от спасительного берега. Других толпа выталкивала в воду, и они тонули. Мосты представляли из себя настоящее царство паники.

В 3 часа утра последний В-29 выплеснул семь тонн горючего в полыхающее пожарище, после чего звук самолетов, удалявшихся к югу, стал затихать. Из 325 бомбардировщиков 279 поразили цель.

В самолетах, возвращающихся из рейда, экипажи пытались отогнать воспоминания, связанные с операцией. Их тошнило до резей в желудке от отвратительного запаха, который нельзя было забыть, — запаха сожженной человеческой плоти. Некоторых рвало на одежду и пол кабины, когда морской бриз пробивался в кабину В-29. Только тогда летчики ощутили всю величину причиненного бедствия. Они летели назад и все еще ощущали запах обуглившихся тел.

В 6 часов утра 10 марта японская студентка стояла на крыше своего дома в шести километрах к западу от Митингхауса. Она увидела зарево на востоке и позвала свою семью полюбоваться восходом солнца. Однако это был не восход солнца, а погребальный костер для более чем ста тысяч человек, погибших в одну из самых страшных ночей, пережитых человечеством.

Почти 20 квадратных километров Токио было стерто с лица земли. В некоторых местах расстояние прямой видимости достигало нескольких километров. Около двух тысяч тонн зажигательных бомб было обрушено на один из самых густонаселенных районов мира. Более 250 тысяч зданий исчезли в огне, температура которого достигала 2000 градусов.

Члены спасательных команд в то утро были потрясены — им пришлось иметь дело с горами трупов своих соотечественников. Несмотря на маски, которые носили спасатели, их тошнило, когда они поднимали и разделяли останки обуглившихся тел.

В оставшейся части города люди отправились на работу. Постепенно население Токио узнавало подробности об ужасных результатах налета. Впервые в своей истории В-29 сыграл столь значительную и страшную роль.

На острове Гуам старшие офицеры 21-й эскадрильи просматривали фотографии и отчеты о проведенном рейде. Куртис Лемей, поставивший карьеру на карту своей дерзкой и отчаянной операцией, знал, что нашел новую тактику, которая приведет к падению Японии. Он потерял всего лишь 14 самолетов, разрушив половину столицы. В ближайшие дни В-29, загруженные зажигательными бомбами, отправились в Нагою, Осаку, Кобе и другие промышленные города. В апреле и мае, пока 32-я японская армия умирала на Окинаве, экипажи Лемея убили многие тысячи мирных жителей Японии. По ночам небо над этими городами окрашивалось в красный цвет от горящих фабрик и домов. С наступлением дня гражданское население страны в массовом порядке отправлялось в деревни. Им было нечего взять с собой, кроме одежды, оставшейся на них. Ужасный смрад позади них — это все, что осталось от их родных и близких.

Большая часть Токио лежала в руинах. После первого рейда 9 марта В-29 возвращались еще три раза. К концу мая более половины столицы было разрушено. Несколько миллионов людей было эвакуировано. Император Хирохито появлялся на опустошенных улицах столицы, пытаясь подбодрить выживших своим присутствием. Они почтительно склонялись перед Его Величеством и тайком утирали слезы.

Глава 3

ДИПЛОМАТИЯ ПОРАЖЕНИЯ

После удаления Хидэки Тодзио с должности премьер-министра летом 1944 года дзусин не изменил милитаристской направленности внешней политики государства, которая проводилась в течение всей войны. Генерал Куниаки Койсо, сменивший Хидэки Тодзио на посту премьер-министра, являлся компромиссной фигурой. Он не питал иллюзий относительно исхода войны, но одновременно был уверен в том, что мирные переговоры с американцами будут достаточно сложными. Императорская армия согласилась на эту кандидатуру ради того, что можно было игнорировать его мнение при формировании военной стратегии. Дзусин, в свою очередь, согласился на кандидатуру Койсо потому, что теперь имел возможность контролировать действия генерала через своего посредника, бывшего премьер-министра Ионаи.

Новый премьер вряд ли мог оказаться действенной фигурой. Когда Макартур высадился на острове Лейте в октябре 1944 года, Койсо заявил, что грядущая битва будет решающим сражением войны, из которой Япония выйдет победительницей. Он был ошеломлен, узнав что японская армия изменила план и перенесла решающее сражение на остров Лусон.

После того как американские войска в январе 1945 года заняли остров Лусон, а в феврале Иводзиму, премьер-министр Койсо стал еще более убежденным

сторонником пересмотра структуры управления своей командой. Армия продолжала действовать без уведомления Койсо о своих планах или стратегических решениях. Когда премьер спросил, куда будет нанесен следующий удар американцев, единодушным ответом было: остров Формоза. Когда же американцы 1 апреля высадились на Окинаве, Койсо охватил безумный смех: незадолго до этого один сумасшедший появился в его офисе и вполне серьезно заявил, что ближайшее сражение развернется именно на этом острове. Так премьер получил точный ответ из уст сумасшедшего, а не коллег-генералов.

5 апреля 1945 года Койсо опять потребовал, чтобы структура военного управления была изменена таким образом, чтобы премьер мог принимать участие в принятии решений. В тот же день генералитет отказался принять это предложение, и Койсо ничего не оставалось, кроме как подать в отставку, что он и сделал через несколько часов. Преемником Койсо стал адмирал в отставке Кантаро Судзуки. Новое предложение явилось для него сюрпризом. 5 апреля Судзуки был вызван в дзусин. Узнав, что именно на него пал выбор советников, адмирал неистово возражал против этой затеи и решил отговорить сторонников своей кандидатуры. Обсуждение протекало во время обеда. Когда было подано последнее блюдо, один из членов дзусина, маркиз Коиси Кидо, приблизился к кандидату и сказал: «Удалимся на минутку, Судзуки-сан», — и вышел с адмиралом в смежную комнату.

Усатый аристократ в пенсне, Кидо был лордом-хранителем печати, а также самым близким доверенным лицом императора. Кидо выполнял роль буфера между Хирохито и внешним миром. И в этой своей роли главного советника Трона он имел огромное влияние. Им было разрушено и создано множество карьер.

Когда они остались наедине, Коиси Кидо сказал: «Ситуация, в которую попала Япония, критическая, и я как лорд-хранитель вынужден умолять вас принять

нелегкое решение и спасти нацию». Это обращение сломило сопротивление Судзуки.

Несколько часов спустя Судзуки был вызван к императору для того, чтобы сформировать новый кабинет. Перед тем как дать официальное согласие, адмирал чувствовал себя обязанным напомнить императору о своем возрасте, здоровье и недостатке политического опыта. Император парировал его замечания: «Недостаток политического опыта не имеет значения, неважно также и то, что вы плохо слышите». Хирохито хотел, чтобы Судзуки возглавил кабинет потому, что он чувствовал себя уютно в его обществе, он мог довериться адмиралу и вместе с ним встать во главе нации. Хотя император и не сказал Судзуки, что хотел бы видеть в его лице своего союзника, адмирал почувствовал, что было на уме у Хирохито.

Судзуки стал премьером в то время, когда в 600 километрах к юго-западу продолжалась кровавая битва за остров Окинава. Американцы даже не подозревали, что японский император вручает судьбу нации человеку, который, как он надеялся, будет бороться за мир. Судзуки, в свою очередь, тоже не представлял себе масштабов беды, в которой оказалась его страна.

* * *

По иронии судьбы несколько дней спустя США также лишились своего лидера. 12 апреля президент Франклин Делано Рузвельт, пробывший у власти 12 лет, умер в городке Уорм-Спрингс штата Джорджия и оставил озадаченного вице-президента завершать войну и договариваться о мире.

Прямо с момента приведения к присяге президент Гарри Трумэн был подготовлен своими советниками к глобальным решениям, ожидавшим его. Ко дню победы, 8 мая 1945 года, Трумэн был президентом всего лишь 26 дней. Накануне окончательно переехав со своей семьей в Белый дом, он впервые провел там ночь. В своем офисе 8 мая он объявил представителям

прессе об окончательной капитуляции Германии: «Генерал Эйзенхауэр проинформировал меня о том, что немецкие войска окружены вооруженными силами союзников. Флаги свободы развеваются по всей Европе... Только работой мы можем возместить наш долг Господу, павшим и нашим детям. Если бы я мог дать вам совет на ближайшие месяцы, это был бы совет работать, работать и работать больше. Мы должны работать для того, чтобы закончить войну. Мы еще только на полпути к победе».

Трумэн не преувеличивал, в самом деле военные и дипломатические проблемы, с которыми столкнулись Соединенные Штаты, были весьма значительны. Трумэн очень быстро понял, что отношения между США и их военным союзником — СССР — ухудшаются. Тем не менее он знал, что его советники еще надеялись на участие Советского Союза в войне против Японии. К тому моменту президент Рузвельт согласился в Ялте на территориальные претензии Сталина на Дальнем Востоке. Однако два главных американских дипломата в Москве, посол Аверелл Гарриман и Джордж Кеннан, придерживались жесткой линии в отношениях с СССР*. Явно встревоженные отношениями между Кремлем и Белым домом, они опасались того, что цена участия СССР в Тихоокеанской войне окажется слишком высокой.

Что же касается самой войны на Тихом океане, не было сомнений в точке зрения президента на ее результат: она унесла слишком много жизней американских солдат и продолжала их уносить все больше и больше. Количество жертв в войсках США росло с ужасающей скоростью по мере того, как сопротивле-

* Гарриман Уильям Аверелл — американский финансист, политический деятель и дипломат. В 1943—1946 гг. — посол США в СССР, участник Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций.

Кеннан Джордж Фраст — американский дипломат и историк. На дипломатической службе с 1925 года. В 1945 году был назначен советником посольства США в СССР в ранге посланника (*прим. ред.*).

ние японцев становилось все более и более отчаянным. Как Верховный главнокомандующий вооруженными силами Соединенных Штатов Гарри Трумэн понимал, что платит слишком дорогой ценой за победы своей страны на Тихом океане. Не удивительно, что ликование Трумэна было омрачено при объявлении окончания войны в Европе.

* * *

В то время как новый американский президент пытался решить проблемы надвигающейся победы, а новый японский премьер прилагал все усилия для создания какой-либо альтернативы полному поражению, дипломатическая и интеллектуальная элита обоих государств отчаянно, но все же с надеждой пыталась найти пути скорейшего разрешения конфликта. Ближе к концу войны в Европе, когда союзные войска находились на подступах к Берлину, некоторые сотрудники японского посольства были переведены в Швейцарию, в японскую дипломатическую миссию в Берне. Одним из них был высокий с мягким выговором морской офицер Иосира Фудзимур. В Швейцарии он возобновил свое старое знакомство с доктором Фридрихом Хэком, японоски настроенным немецким националистом.

У Хэка было множество близких друзей в Японии. В 1910 году он занимался бизнесом на Дальнем Востоке, где и сошелся с некоторыми молодыми офицерами японского флота. Эти связи он поддерживал в течение многих лет, и они понадобились Хэку в 1938 году, когда он попал в серьезную передрыгу в фашистской Германии. Как давний друг министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа Хэк был допущен в круг близкого общения Гитлера. На свою беду он частенько выступал против политики правительства и в результате оказался персоной нон грата. Риббентроп решил заставить Хэка замолчать. По ложному обвинению Хэк был приговорен к длительному заключению в концентрационном лагере. Однако Риббентроп не учел его

связи с военными в Японии. Узнав об опале Хэка, морские офицеры отправились к японскому послу в Германии и потребовали его освобождения, после чего наци, не желая расстроить отношения между Японией и Германией, освободили Хэка, который был на всякий случай отправлен в Токио.

Даже там беглец чувствовал себя в опасности: германская миссия в Японии получила задание убить его. Японские военно-морские офицеры правильно оценили ситуацию и еще раз спасли своего друга, отправив Хэка в Швейцарию в качестве полномочного представителя по закупке стратегических материалов для Японии. Когда Германия увязла в войне, нацисты забыли о Хэке, и он осел в Швейцарии. Благополучно живя на своей новой родине, Хэк был счастлив что-либо сделать для своих благодетелей из Японии. Встревожившись военными действиями Японии, предпринятыми с 1939 по 1941 годы, он в своем письме предупредил друзей о том, что их ждут многочисленные проблемы на Дальнем Востоке. Когда же в декабре 1941 года японцы напали на Пёрл-Харбор, он крайне обеспокоился. Хэк трезво оценивал военную мощь Америки, а потому победы императорских военно-морских сил его не очень впечатлили. Накануне Рождества он написал письмо, полное отчаяния, одному из своих друзей в японском посольстве в Берлине Фудзимуре. В нем говорилось, что Япония совершила фатальную ошибку, напав на Соединенные Штаты. Фудзимура обнаружил письмо по возвращении в свой офис после рождественской вечеринки, устроенной для сотрудников посольства. Опьяненный рождественским ликером и последними военными успехами Японии, Фудзимура открыл письмо, находясь в приподнятом настроении. Однако по мере прочтения письма настроение его ухудшалось. «Что случилось с Хэком?» — Фудзимура не мог понять мрачного пессимизма из Берна. Хэк предупреждал, что Япония должна отказаться от войны как можно быстрее и вступить в мирные переговоры до того, как

Америка обрушится всей своей индустриальной мощью на маленькое государство.

Фудзимура отложил письмо и посмотрел в темноту зимнего Берлина. После размышления над рождественским сообщением Хэка офицера охватило беспокойство: «Может быть, он прав, и Япония обречена на полное поражение?» Фудзимура просидел несколько часов за своим столом и в конце концов понял логику Хэка. Американская индустриальная мощь была слишком велика для Японии. Мир, заключенный в результате недолгих переговоров, был единственно разумным решением.

Они довольно часто переписывались, а пророчество Хэка тем временем сбывалось. Мидуэй, Гуадалканал, Сайпан, Лейте; названия менялись, а результат был один и тот же: Японию ставили на колени. В Берлине Фудзимура ничем не мог помочь своей стране и только наблюдал. Хэк в Берне читал газеты и раздражался все больше и больше из-за своей неспособности оказать реальное содействие Японии.

Фудзимура застал последние дни нацистской военной машины в Берлине. Находясь под многочисленными бомбежками, он понимал, что это конец войны для союзника Японии. Его потрясла жестокость режима Гитлера, преследование евреев, которым он стал помогать единственным доступным ему способом. Как привилегированный член дружественного посольства он имел доступ к черному рынку продуктов питания. Снабжая офицеров гестапо отборными бифштексами и дорогим кофе, он вошел в доверие к людям, которые могли бы быть ему полезны в его тайных операциях. Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, он сумел спасти семь евреев от газовой камеры, тайно вывезя их из страны.

Когда в 1945 году Германии пришел конец, Фудзимура пересек границу со Швейцарией с твердым решением спасти свою нацию. Он встретился со старым другом Хэком, чтобы разработать план выхода Японии

из войны. Очевидной стратегией являлось завязывание контактов с Америкой здесь, в Берне. На тихой Херрен-стрит располагался Центр стратегических задач (ЦСЗ), который действовал по всей Европе. Эта огромная разведывательная организация имела прямой выход на президента Рузвельта, который был буквально очарован ее лидером — мнимым «экс-адвокатом Donovanом» по кличке «генерал Дикий закон». Рузвельт развязал Donovanу руки в выполнении секретных операций. Агентура ЦСЗ опутала Европу плотной сетью. Наряду с многочисленными успехами имелись и крупные провалы. Однажды их успешно выполненное задание привело к окружению немецкой армии в Италии. Когда генерал Вольф, один из командующих наци, решил сдать со всем личным составом в распоряжение союзных войск, чтобы предотвратить кровопролитие, через ЦСЗ была налажена связь генерала с британскими и американскими военными, которые выработали детали операции. Во время переговоров Вольф был чуть не схвачен гестапо. Однако благодаря помощи, оказанной американскими разведчиками, сумел спастись и проложить одну из первых дорожек к миру.

Фудзимуро и Хэк знали об этом инциденте. Хэк вышел на связь с ЦСЗ, после чего была организована неформальная встреча. Местом встречи был ресторан, расположенный у подножья горы Дзункфрау. Фудзимуро и Хэк вошли в ресторан и проследовали на балкон. Глядя на белую гору и вдыхая морозный воздух, они вели неторопливую беседу. Мужчины резко отличались внешне. Прямая осанка японца выдавала годы военной службы. Хэк, в твидовом костюме, котелке и с зонтиком, удобно откинулся на поручень, представляя собой типичного европейского джентльмена, любящего пейзажем. Он был очень похож на бывшего британского премьера Невилла Чемберлена.

Двое людей наблюдали за ними из зала ресторана. Затем они вышли на балкон и встали поблизости. Две

группы завязали между собой разговор, после чего вернулись в зал, сели за угловой столик и заказали ланч.

Американцы представились как Поль Блюм и мистер Уайт. Они говорили об общих вещах, никоим образом не упоминая войну. И все же Фудзимуре чувствовал себя неуютно под оценивающими взглядами людей с противоположной стороны стола. Несмотря на то, что атмосфера встречи никого и ни к чему не обязывала, произведенное им впечатление могло оказать влияние на судьбу страны. Завтрак закончился непринужденными шутками, и американцы отбыли безо всякого упоминания о том, что они заинтересованы в дальнейших переговорах.

Три дня Фудзимуре ждал какого-нибудь известия о том, что ЦСЗ планирует продолжение работы с ним. Затем один из американцев позвонил Хэку и сказал, что дальнейшие переговоры будут продолжены. Солнечным днем 3 мая Хэк отправился на Херрен-стрит для разговора с Полем Блюмом и передал ему записку следующего содержания: «Мистер Фудзимуре, японский военно-морской атташе в Германии, желает приложить все усилия для организации прямых переговоров между США и Японией и узнать мнение американской стороны по этому поводу». Условия мира не были даже упомянуты. Фудзимуре включил в записку свое звание в качестве гарантии, обеспечивающей продолжение разговора.

ЦСЗ после консультации с госдепартаментом США поручил Хэку выйти на контакт с Токио, после чего было вынесено положительное решение о переговорах. Когда Хэк доложил Фудзимуре о решении американцев, японец был очень обрадован. Он провел несколько дней, составляя зашифрованное сообщение для высшего эшелона военно-морского министерства Японии. В день победы, 8 мая, сообщение отправилось адмиралам Тоёде и Ионаи. Реальные факты в нем были искажены. Вместо того чтобы сказать о том, что Фудзимуре сам вышел с инициативой мирных переговоров,

в письме говорилось, что американцы первыми обратились к нему с подобным предложением. В письме содержалось краткое описание Алена Даллеса, главы ЦСЗ в Европе: «Он является одной из ведущих политических фигур Америки, пользуется безусловным доверием президента Рузвельта, имеет связи с Липманом и Стеттиниусом. ...Ваши инструкции требуются немедленно».

Фудзимура спешил в то время, когда другие не собирались этого делать. Два дня спустя, когда сообщение осталось без ответа, он отправил еще один запрос в Министерство военно-морского флота. Ответа опять не последовало. Военный атташе послал еще два запроса, в которых перечислил американские пехотные дивизии, располагающиеся на кораблях, стоящих в европейских портах, готовые к отправке на Дальний Восток. Ответа из Токио не было. 16 мая Фудзимура доложил о работе Алена Даллеса, связанной с переговорами о сдаче немецких войск в Италии. Четыре дня спустя он отправил письмо с описанием полной разрухи, царящей в Германии. На следующий день, 21 мая, ответ из Токио наконец-то был получен. Он содержал предписание тщательно рассмотреть вопрос. Военно-морские силы были заинтересованы в переговорах, однако не в том ключе, который предполагал Фудзимура. Адмиралы были подозрительны. В телеграмме, в частности, говорилось: «Основной вопрос ваших переговоров с ЦСЗ понятен, однако существует ряд моментов, которые выглядят как вражеский заговор, в связи с чем мы советуем вам быть предельно осторожным». Фудзимура был подавлен. За словами сообщения он видел махинации консервативной части военно-морского флота, возглавляемой адмиралом Соему Тоёдой. Атташе был прав. Тоёда боялся развязать руки в деле проведения мирных переговоров молодым офицерам, дабы фанатики войны не узнали о них и не расценили эти переговоры как предательство.

Фудзимура стоял на своем. Он сообщал в очеред-

ном послании: «Насколько мы можем судить, заговора не существует». Токио проигнорировал это сообщение из Берна, а также семь последующих. В июне Фудзимуре отправил свою шестнадцатую шифровку. Как и предполагалось, ответа он не получил. «Есть только один выход: я лично отправлюсь в Японию, чтобы самому умолять адмиралов решиться на этот шаг», — сказал он Хэку. Хэк сообщил ЦСЗ о сложностях Фудзимуре. Услышав о планах японца, Поль Блюм предложил альтернативу: «США в курсе ситуации в Токио, — Блюм выдержал паузу. — А почему бы Японии не направить в Швейцарию адмирала или генерала в качестве полномочного представителя? Соединенные Штаты гарантируют безопасность его перелета в Европу». Это предложение преследовало две цели: во-первых, оно выводило военного атташе из-под удара, а во-вторых, повышало дипломатический уровень переговоров.

Хэк отправился в японскую миссию рассказать Фудзимуре о предложении Блюма. Атташе предпринял еще одну попытку достучаться до Токио. Изложив предложение ЦСЗ, он заметил: «Видит ли министерство военно-морского флота какую-либо альтернативу, кроме заключения мира с Соединенными Штатами, в свете нашего отчаянного положения?» Ответ был получен через пять дней: «Ваша точка зрения понятна. Вы настаиваете на соответствующих мерах, которые должны быть предприняты министром и другими заинтересованными лицами». Сообщение было подписано: «Ионаи, военно-морской министр».

Ионаи всегда был очень осторожным человеком. В той ситуации он предпочел бы отправить в Швейцарию для встречи с американцами фигуру более высокого ранга, однако он понимал, что военные экстремисты еще в силе, и не решился этого сделать: этот человек был бы непременно убит до того, как покинул пределы Токио. Внутренний голос Ионаи подсказал ему пренебречь этой возможностью начать переговоры и ждать

следующей. Также он поступал и с противоречивой корреспонденцией Фудзимурой на имя министерства иностранных дел.

Инициатива Фудзимурой заглохла, его надежды таяли на глазах. Он написал сообщение японскому послу в Швейцарии Суниси Касе, который запросил дополнительные детали. Больше ответов от правительства Фудзимурой не получал.

После войны адмирал Ионаи извинился перед ним. Он встретил бывшего атташе в Токио и сказал: «Я чувствую, что именно на мне лежит ответственность за провал подготовки к мирным переговорам с агентством Даллеса. Я не могу это выразить словами».

* * *

Фудзимурой проиграл свое сражение в отличие от американского морского офицера Элиса Захариаса, который не желал сдаваться. Начав приблизительно в то же самое время, что и Фудзимурой, Захариас тщательно разработал тактику. Один из немногих людей в Соединенных Штатах, который вплотную столкнулся с японским менталитетом, он был уверен, что противник пойдет на мирные переговоры только в условиях интенсивного психологического давления. При помощи военного информбюро Захариас и его сторонники разработали план под кодовым названием «I-45», который предполагал трансляцию серии пропагандистских передач из Вашингтона на территорию Японии.

Американец наблюдал за японцами в течение двадцати лет. В период президентства Уоррена Хардинга Захариас работал переводчиком в Японии, изучая страну и искусство разведки. За много лет до нападения на Пёрл-Харбор он шпионил за японским флотом и, как и Фридрих Хэк, завел близкие знакомства с адмиралами военно-морского флота. И сейчас на четвертом году войны он охарактеризовал основные черты японской нации, на учет которых опиралась его стратегия. «Долгое наблюдение японцев в различных жизненных об-

стоятельствах, таких как конференции, военные инспекции, учения и т. д., привели меня к выводу о том, что любой японец вне зависимости от его ранга или общественной позиции не желает взять на себя ответственность за принятие важного решения без бесконечно долгих обсуждений и дискуссий, которые убедят его в том, что не вся ответственность лежит на нем. Эта индивидуальная черта характера, проявляющаяся всегда и везде, должна быть использована как слабое место японской нации».

В его первой передаче 8 мая, в тот же самый день, когда Фудзимура отправил свое первое сообщение о контакте с ЦСЗ, говорилось о том, что немецкие войска окружены и полное разрушение Японии является только вопросом времени. Бегло говоря на японском языке, Захариас упомянул о своих отношениях с премьером Судзуки, принцем Такамацу, братом Хирохито, и адмиралом Ионаи, чем надеялся завоевать доверие японской аудитории. В течение суток Захариас выяснил, что его информация дошла до слушателей. Японское правительство начало заочный разговор с ним: информационное агентство Домей включило в свою вечернюю сводку новостей неважную на первый взгляд информацию: «Принц Такамацу был вызван в резиденцию своего брата, императора Хирохито, — дворец Изе Шрин». Захариас понял значение этого сообщения: упоминание принца, почти забытого населением Японии, было сделано для того, чтобы дать понять американскому ведущему, что его передача воспринята и ожидаются новые. Две последующие передачи были разработаны в том же ключе. В своем четвертом радиобрращении он сделал упор на поименном перечислении генералов, ответственных за прискорбное состояние театра военных действий. Предприняв такие индивидуальные выпады, он надеялся на официальный отклик, который и получил 27 мая.

Доктор Исаму Иноуе обращался от имени правительства. В крайне завуалированной форме Иноуе дал

понять, что его государство заинтересовано в установлении мира. Японский профессор процитировал притчу: «Однажды Солнце и Ветер решили отобрать у человека плащ. Ветер начал дуть сильнее и сильнее, но человек держал плащ все крепче и крепче. Ветер не смог его отобрать. Солнце мягко улыбнулось, согрело прохожего своими лучами, и он выпустил плащ из рук». Намек Захариасу был ясен: профессор предупреждал, что силовое давление будет встречено непрерывным сопротивлением, однако разумные условия сдачи могут привести к сотрудничеству с Японией. В конце своего радиообращения Иноуэ сказал: «Я бы хотел знать, что Захариас-кан думает об этих словах». Частица «кан» употребляется только между близкими друзьями.

В начале июня Захариас расширил кампанию. В распоряжении швейцарского бюро ЦСЗ оказалась копия доклада министру иностранных дел Того, составленного Дзиро Тобуси — представителем агентства Домей в Европе. Бывший ярый сторонник военных действий Тобуси предупреждал Того о том, что ему нужно предпринять активные действия, в противном случае страну ждет печальная участь Германии. В своей следующей передаче Захариас открыто ссылался на отчет. Он отмечал его справедливость и напоминал о том, что безоговорочная капитуляция не означает поражение.

До середины июня 1945 года Захариас подбирал группу для работы в студии. Через передачи он обращался к высшим эшелонам японских властных структур. Казалось, его подход начал приносить свои плоды. В июле Захариас провел новую серию передач. К нему присоединился еще один офицер — полковник Сидни Машбир, который проводил еженедельную передачу из Манилы, содержащую анализ военных действий. Машбир также обращался к японскому кабинету и старинным приятелям довоенной поры. Биография Машбира была похожа на биографию Захариаса. Оба работали в

Токио много лет назад, где занимались разведкой в пользу Соединенных Штатов. Но Машбир пошел дальше своего коллеги. В начале двадцатых годов в чине капитана он пытался создать целую шпионскую сеть на Японских островах на случай войны США с Японией. В 1923 году, раздраженный армейскими бюрократами, он вышел в отставку и попытался продолжить свою подпольную деятельность с «истинными патриотами», имена которых он никогда не раскрывал. Однако его активность не увенчалась успехом.

Во время второй мировой войны в чине полковника штаба генерала Макарура Сидни Машбир командовал огромной группой переводчиков, в основном с японского, которые декодировали сообщения и допрашивали пленных. Радиопередачи из Манилы летом 1945 года явились удачным аккомпанементом передачам Захариаса.

Намеки Захариаса из Вашингтона становились все более прозрачны: «Лидерам Японии было поручено спасти государство, а не полностью разрушить его. Как я сказал ранее, руководители Японии стоят перед альтернативой: либо практически полное разрушение страны и мир на условиях победителя, либо безоговорочная капитуляция в рамках, установленных Атлантической хартией, предусматривающих ряд послаблений».

Кроме этого радиообращения, Захариас разместил в газете «Вашингтон пост» анонимное письмо, содержащее совет японцам обратиться к союзникам с вопросом о возможных условиях капитуляции. Эта статья была замечена японским послом в Швейцарии, который отправил ее в Токио без комментариев.

Радиообращение быстро принесло результат. 24 июля японский ведущий, еще один доктор Иноуэ (его имя Киёси), бывший профессор университета Южной Калифорнии, отвечал на английском из Токио: «Если Америка будет последовательна в претворении в практику принципов, которые она проповедует, например, Атлантической хартии, исключая пункты, относящиеся

к карательным мерам, японская нация, а фактически японские военные, автоматически, если даже не по собственной воле, остановят конфликт, и канонада военных действий прекратится на Востоке и Западе».

Это явное подтверждение готовности вести переговоры было последним. Токио не мог пойти дальше, и продолжения диалога у Захариаса не получилось.

* * *

Хотя капитан Элис Захариас продолжал свои передачи из Вашингтона, а Иосира Фудзимура томился в Берне в ожидании шанса помочь своей стране выбраться из войны, руководство Японии выбрало советское посредничество в качестве многообещающего пути к приемлемому миру. Оно решило пойти по пути переговоров с Москвой.

22 июня через несколько часов после смерти генерала Усидзимы на острове Окинава император направил указание Высшему военному совету — «внутреннему кабинету» Японии — начать официальные переговоры через советские организации.

Из-за запрета японских военных вопрос о прямых переговорах с Соединенными Штатами даже не обсуждался. Чиновники в Токио рассматривали СССР в качестве альтернативы, так как это давало военным два видимых преимущества. За два месяца до этого, когда Судзуки формировал свой кабинет, министр иностранных дел СССР Молотов проинформировал японского посла Наосоке Сато, что Советский Союз не собирается возобновлять договор о нейтралитете с Японией. Таким образом, он прекращал свое действие через год. Следствия были очевидны. Однако в случае, если Советы будут привлечены в качестве посредника между Японией и США, сохранялась возможность того, что СССР не вступит в войну на Дальнем Востоке. Кроме того, если Япония предложит Сталину определенные территориальные приобретения на Дальнем Востоке, то она может рассчитывать на поставку материалов,

необходимых для продолжения войны. Неважно, каков бы был результат переговоров в течение ближайших месяцев, лидеры японской армии чувствовали, что их стратегическая позиция будет улучшена с помощью этой уловки.

В течение нескольких недель, еще до указа императора, бывший премьер Коки Хирота неформально пытался установить контакт с Советским Союзом через посла в Японии Якова Малика. Эти действия потерпели полный провал, так как Малик прекрасно понимал маневры японского руководства. В этой ситуации император был вынужден пойти на переговоры самого высокого уровня с Москвой.

Пятнадцать дней спустя, 7 июня, Хирохито вызвал премьера Судзуки во дворец, чтобы осведомиться о результатах выполненной работы. Когда Судзуки доложил о том, что подходы к Советам еще не найдены, император предложил отправить специальное послание за собственной подписью.

Неделю спустя принц Фумимаро Коноэ, три раза занимавший должность премьера, на встрече с императором получил специальное задание. А в это время в Москве японский посол Наосоке Сато уже который час пытался встретиться с Молотовым, чтобы проинформировать его о предстоящем визите. Министр иностранных дел отказывался от встречи по причине своего скорого отъезда на Потсдамскую конференцию. Сато встретился с заместителем министра Александром Лозовским и уделил особое внимание разъяснению важности предстоящего визита Коноэ. Лозовский уклонился от каких-либо обещаний, заявив при этом, что он подождет возвращения Молотова со встречи Большой тройки. Сато умолял Лозовского позвонить в Потсдам и сообщить Молотову о новом развитии событий. Лозовский обещал ему это.

Несколько дней спустя Советы передумали. Сталин строил планы развязывания войны против Японии — шага, который относительно малой ценой для Совет-

ского Союза обеспечит желаемый для него передел территорий на Дальнем Востоке.

В июле 1945 года, когда японские дипломаты прилагали титанические усилия для начала переговоров при посредничестве СССР, генералитет Императорской армии Японии опубликовал отчет, содержащий оценку военной мощи США. В документе перечислялись дивизии, расположенные в Тихоокеанском регионе и прибывающие из Европы, а также военно-воздушные силы с точностью до подразделения. Проведенная оценка не являлась ни пессимистичной, ни слепо оптимистичной, и лишь указывала на огромную военную мощь врага.

Еще один документ был пущен в обращение в кругу офицеров армии и флота. Это был стратегический план защиты под названием «Кецу-го», ставящей своей целью предотвращение захвата Японских островов. План «Кецу-го» вводился в действие в случае попытки захвата вражескими войсками таких оффшорных* островов, как Чедзудо, или основных островов Сикоку, Хонсю или Кюсю. Он включал в себя использование всего оставшегося арсенала: самолетов, кораблей, всех видов огнестрельного оружия. Предполагалось использовать 5225 самолетов-камикадзе. Большинство из них находилось в укрытиях. В их баках было залито топлива ровно на один полет — до места высадки противника, а взлетными полосами им служили узкие полевые дороги, проложенные через луга, что не создавало никаких условий для приземления.

Японские стратеги понимали, что можно было выиграть только одну битву, которая начнется и закончится на побережье. Самолеты-камикадзе должны были сконцентрировать свое внимание на транспортных судах и баржах. В отличие от предыдущих военных действий самыми важными целями на этот раз являлись

* Офф-шор (англ.) — буквально, «вдали от берега», в данном случае — не на основной территории страны (прим. ред.).

транспортные корабли, перевозящие солдат и морских пехотинцев. Преследовалась цель убить как можно больше живой силы противника, посеяв смятение в ряды американцев. Надежда на переговоры о мире зиждилась на попытке нанести огромный вред. Это была единственная цель, которую преследовал план «Кецу-го», это была стратегия отчаяния, разработанная людьми, которые прекрасно понимали, что сражение на Окинаве было последней реальной возможностью остановить американцев.

Японские военные эксперты непрерывно анализировали все доступные данные, чтобы предсказать время и место нанесения удара. Аналитические группы слушали радиопередачи, читали газеты и отчеты, выискивая информацию о перемещении войск. Хотя множество дипломатических каналов было перекрыто в связи с тем, что большое количество государств отвернулось от Японии, японские аналитики за рубежом переработали достаточно большой объем информации, чтобы сформировать реальную картину военных передвижений и промышленных показателей Соединенных Штатов. На основе этих разрозненных кусочков информации группа аналитиков определила предполагаемый день «Д».

Японские радиолокационные установки наблюдали за торговыми судами, передвигающимися между тихоокеанскими портами. Экипажи этих кораблей общались друг с другом, а также с начальством на суше открытым текстом. Когда необычно большие объемы перевозимых грузов двинулись в направлении Окинавы и в район Филиппин, японцы предположили, что нападение на острова не за горами. Владея всей информацией о схемах нападения и последовательности действий, предпринимаемых американцами во время атак на острова в тихоокеанском регионе, а также о приблизительном количестве кораблей, которые должны быть использованы для наступления, японцы решили, что американцы высадятся в Японии не позже 1 ноября 1945 года.

Хотя мнения разделились, большинство военных экспертов сошлись на том, что первый удар будет нанесен по острову Кюсю. Он должен быть захвачен перед нападением на главный остров Хонсю. С этой точки зрения, американские военно-воздушные силы должны были охватить всю территорию Японии.

Предполагая, что первый удар будет нанесен по острову Кюсю, японцы пришли к выводу, что их основные силы должны быть в районе атаки. Следовательно, необходимо было определить предполагаемый район высадки противника. Остановились на побережье залива Ариаке и районе порта Кагосима. За песчаными пляжами этих побережий началось интенсивное строительство. Японцы строили стратегию защиты острова Кюсю на предположении, что американцы попытаются пересечь эти открытые участки суши.

Их предположения оказались правильными. 28 мая 1945 года среди старших офицеров армии США, базирующейся в Тихом океане, был распространен документ. На обложке стояло простое название: «Высадка. Стратегический план». Это и был проект захвата Японских островов, который преследовал следующие цели: 1) принудить Японию к безоговорочной капитуляции посредством деморализации японского населения и снижения японской военной мощи путем блокирования островов и проведения усиленных воздушных бомбардировок; 2) захватить промышленные объекты особой важности.

Операции на Японских островах подразделялись на две стадии. На первой предполагался захват острова Кюсю, затем захват острова Хонсю, в частности, района Токио. Дата нападения на Кюсю, которому было присвоено кодовое название Олимпик, была 1 ноября 1945 года. Основными участками высадки были побережье залива Ариаке и район города Кагосима.

6-я армия генерала Вальтера Крюгера, 2-я, 3-я и 5-я дивизий морской пехоты и 1-ая кавалерийская дивизия должны были высадиться в районе интенсивного

огня в самом центре японской линии защиты. Сражение обещало быть кровопролитным. И лишь одно упущение было в планах американских и японских стратегов. 8 мая в сводке командования японской армии при перечислении эскадрилий В-29, было сделано примечание: «Есть еще одно подразделение американских военно-воздушных сил, назначение которого пока не установлено». Это была суперзасекреченная 393-я эскадрилья, расположенная на острове Тиниан Марианских островов. Организационно она входила в 509-ю сводную авиагруппу. Ее целью было сбросить атомные бомбы на города Японии.

Глава 4

ПРОЕКТ

Разработка атомной бомбы длилась в течение шести лет. А началась она с открытия, сделанного в лаборатории Берлинского института имени кайзера Вильгельма. В конце 1938 года, перед тем как Европу охватили конвульсии надвигающейся войны, двое ученых Отто Ган и Фриц Штрассман повторили опыт, впервые поставленный в 1934 году итальянцем Энрико Ферми. Результаты бомбардировки урана быстрыми нейтронами привели их к заключению о том, что ядро урана расщепилось на два более легких элемента с выделением огромного количества энергии, которая требовалась для удержания этих частиц вместе.

Они сообщили о достигнутых результатах своей коллеге Лизе Мейтнер, которая участвовала в предварительных экспериментах, но впоследствии была вынуждена покинуть Германию, так как была еврейкой. Она поделилась этой теорией расщепления со своим другом Нильсом Бором, датским физиком, который провел дальнейшие эксперименты с целью подтвердить выводы Гана и Штрассмана.

Именно Бор донес эту теорию до Соединенных Штатов. Вскоре после его приезда в Нью-Йорк из Копенгагена в январе 1939 года он получил телеграмму от племянника Лизы Мейтнер, в которой говорилось о том, что изложенная теория была полностью подтверждена дальнейшими экспериментами. Атом действи-

тельно расщеплялся. Бор отправился в Принстонский институт экспериментальных исследований и поделился этой информацией со своими коллегами, а позже опубликовал статью в журнале «Физикл ревью». В условиях второй мировой войны, развязанной Адольфом Гитлером, это открытие приобретало особое значение. Колоссальное количество энергии, высвобождаемое в реакции, могло привести к созданию оружия, способного изменить весь ход истории. Сама мысль о том, что эта мощь может оказаться в руках диктатора, казалась чудовищной.

11 октября 1939 года Франклин Рузвельт принимал старого друга Александра Сакса, директора корпорации «Леман», влиятельного экономиста, вхожего в научные круги. Сакс появился в Белом доме с крайне важным сообщением, содержащимся в письме, которое он решил прочитать президенту: *«Сэр, последние работы Э. Ферми и Л. Сциларда, о которых я узнал из документов, присланных мне, навели меня на мысль о том, что уран может стать новым важным источником энергии в ближайшем будущем. Определенные аспекты этой ситуации требуют уделить особое внимание этому вопросу, а также предпринять незамедлительные действия со стороны администрации. Появляется возможность запустить цепную реакцию в большой массе урана, в результате которой будет выделяться колоссальное количество энергии и элементы типа радия. Можно сделать вывод о том, хотя и с меньшей уверенностью, что возможно открытие нового типа бомбы...»* Письмо было подписано Альбертом Эйнштейном.

Хотя сообщение произвело на Рузвельта большое впечатление, казалось, что он занят другими вещами. Он остановил дискуссию, однако попросил Сакса зайти на следующий день во время завтрака. Экономист вернулся в День Колумба* и возобновил атаку на пре-

* День Колумба — день открытия Америки, 12 октября.

зидента. Хорошо зная Рузвельта, он выбрал другую тактику преподнесения атомной идеи.

Сакс рассказал Рузвельту одну историю. Он вернул президента в 1805 год, когда Наполеон был полон желания захватить Англию, однако не имел средств, чтобы переплыть через Ла-Манш. Американский изобретатель Роберт Фултон пришел к диктатору и предложил построить флотилию кораблей с паровыми двигателями. Наполеон подумал над предложением несколько секунд, а затем выставил Фултона. В этом месте Сакс сделал паузу, а затем обратился к Рузвельту с вопросом: «Как повернулась бы история, выслушай Наполеон изобретателя?»

Президент сразу уловил суть дела. Он посмотрел на своего друга и спросил: «Алекс, ты хочешь сказать, что наци нас не надуют?» А секретарю сказал: «Уотсон, нужно принять меры».

Вскоре Рузвельт сформировал комиссию по изучению использования урана. Ее возглавил ученый и член правительства Лаймен Бриггс. В состав комиссии были включены Гилберт Гувер и полковник Кит Адамсон. Лучшие мозги Америки включились в гонку для того, чтобы опередить Германию в создании бомбы. Среди них были Джеймс Б. Конант, президент Гарвардского университета, Эрнст Лоуренс, талантливый и напористый глава научных лабораторий университета Калифорнии, Энрико Ферми, чьи работы послужили базисом для дальнейших исследований, венгерский физик Лео Сцилард, профессор из Гарварда Кеннет Бейнбридж, который работал в Британии над этой же темой, гениальные братья Артур Комптон — заведующий кафедрой физики Чикагского университета и Карл Комптон — президент Массачусетского технологического института. Работа этих ученых координировалась Бюро научных исследований и разработок под руководством доктора Ваннеvara Буша. Это бюро являлось одним из подразделений урановой комиссии. С этого момента

проект управлялся и финансировался напрямую через президента.

Почти два года спустя, после того как Александр Сакс впервые появился у президента с письмом от Эйнштейна, доктор Буш встретился с Рузвельтом и вице-президентом Уоллесом и описал им последние достижения. Он сообщил, что британские физики уверены в том, что они определили приблизительное количество урана, необходимое для производства бомбы. Он назвал предварительную стоимость возведения завода, необходимого для обогащения металла, и приблизительный срок производства бомбы. Рузвельт, Уоллес и Буш сошлись во мнении, что необходимо перейти от теоретических изысканий к практической деятельности. Они обсудили военную политику, возможное продвижение немецких ученых в этом вопросе, а также проблемы, связанные с послевоенным контролем за оружием. Франклин Рузвельт согласился с ускорением работ и финансированием проекта из секретных фондов правительственного бюджета. Ванневар Буш покинул Белый Дом с твердой уверенностью в том, что его коллеги приложат все усилия для достижения окончательного результата.

* * *

Два месяца спустя после японской атаки на Пёрл-Харбор и вступления США в войну Рузвельт выделил дополнительные суммы на атомную программу. Тысячи рабочих были задействованы в производстве, официально известном под названием «Манхэттенский инженерный район», позже названном «Манхэттенский проект». Проект включал обширную программу строительства для производства всех компонентов атомной бомбы. Сорокашестилетний инженер из Уэст-Пойнта*, генерал Лесли Гровз, принимавший участие в строительстве Пентагона, был координатором строительной

* Уэст-Пойнт — Центральная Военная академия США.

программы. Прямолинейный и импульсивный Гровз приобрел репутацию невыдержанного человека. Его первая встреча с доктором Бушем прошла крайне неудачно. К сожалению, Буш не был проинформирован о новом статусе генерала и осадил его неумеренное любопытство. Гровз был ошеломлен таким приемом и гадал, что же произошло. Буш, в свою очередь, позвонил наверх с целью выяснить позиции Гровза в административной иерархии. Когда же ученый узнал, что генерал является координатором строительной программы, он выразил серьезные сомнения относительно возможности Гровза работать с людьми.

Несмотря на запоминающуюся первую встречу, Гровз и Буш замечательно сработались, строя свои отношения на взаимном уважении. С точки зрения Гровза, комитет четырех, включавший Буша, Конанта, генерала Уильяма Стайера и адмирала Уильяма Парнелла, бездействовал, в то время как он вел «Манхэттенский проект» к его конечной цели. Упомянутая четверка находила генерала замечательным человеком в том смысле, что он превосходно справлялся с задачей возведения нового промышленного комплекса.

Исследования и производство концентрировались на трех удаленных друг от друга площадках: Лос-Аламос, штат Нью-Мексико; Ок-Ридж, штат Теннесси и Ханфорд, штат Вашингтон. В Лос-Аламосе шли теоретические разработки под руководством Джулиуса Роберта Оппенгеймера, застенчивого, щуплого человека, типичного физика-теоретика. Оппенгеймер был эстетом, разбиравшимся в восточной литературе, ненавидящим насилие и войны. В молодости он был связан с различными коммунистическими организациями и левыми группами, состоял в «Братстве путешественников» и поддерживал различные утопические идеи, проповедуемые Москвой. Когда он впервые оказался в засекреченном «Манхэттенском проекте», его прошлое вызвало сомнение в его пригодности. В тот момент генерал Гровз персонально настоял на кандидатуре

Оппенгеймера как человека, незаменимого для проекта. Оппенгеймер приложил все усилия, чтобы доказать мудрость Гровза.

В Ок-Ридже, в уединенном месте горного массива Теннесси, располагался комплекс заводов, целью которого было отделение легко расщепляющегося урана-235 от преобладающего природного изотопа урана-238. Для получения необходимого материала использовались электромагнитный метод и метод газовой диффузии. В двух горных долинах были возведены огромные здания для сбора этого редкого металла, количество которого можно было измерить наперстком. Тысячи человек трудились день и ночь не покладая рук. Подавляющее большинство рабочих не догадывалось об окончательной цели своего труда. С конвейера завода не сходила продукция, грузовики не вывозили товар. Единственным результатом их деятельности были два здания, сооруженных для ученых.

В восточной части штата Вашингтон, в Ханфорде, был построен еще один комплекс. Именно там располагалась самая интересная часть атомного проекта. В здании без окон выделяли плутоний — химический элемент, полученный человеком из природного урана.

Весной 1940 года доктора Эдвин М. Макмиллан и Филип Х. Абельсон идентифицировали новый элемент в своей лаборатории в Беркли. Девяносто третий элемент, нептуний, образовывался после испускания электрона ураном-239, который в свою очередь получался после захвата нейтрона ураном-238, одним из изотопов природного урана. Особое внимание в научном отчете было уделено открытию другого элемента с номером девяносто четыре, который, несомненно, возникал, когда нептуний в процессе реакции испускал электрон. Это состояние зафиксировать не удалось из-за его неустойчивости.

Когда работа Абельсона и Макмиллана была прервана, доктор Глен Сиборг, исследователь из Беркли, продолжил работу по выделению неуловимого элемен-

та. 1 марта 1941 года он вместе с доктором Джозефом Кеннеди, Артуром Уоллом и доктором Эмилио Сегре бомбардировал один килограмм урана нейтронным пучком. Эксперимент длился шесть дней. Внезапно уран превратился в нептуний, а затем преобразовался в элемент девяносто четыре — плутоний.

Двадцать два дня спустя та же группа ученых бомбардировала четверть микрограмма плутония медленными нейтронами. Каково же было их ликование, когда они обнаружили, что он расщепляется так же, как уран-235. Человек произвел свой первый элемент в периодической таблице Менделеева. Теперь отпадала надобность в редком уране-235, так как можно было получить неограниченное количество легко расщепляемого материала. В процессе развития «Манхэттенского проекта» ученые поняли, что в виде плутония Соединенные Штаты обладают тем самым компонентом для производства атомной бомбы, который изменит баланс сил. Основной проблемой являлось строительство заводов для его производства.

* * *

2 декабря 1942 года Энрико Ферми наблюдал первую порцию атомного вещества, способного к самоподдерживающейся цепной реакции. Позже в тот день Артур Комптон позвонил своему другу Джеймсу Конанту в Гарвард и сказал: «Джим, наверно, тебе будет интересно узнать, что итальянский мореплаватель высадился в Новом Свете». Конант спросил, были ли дружелюбны туземцы. Комптон заверил его в том, что ему был оказан теплый прием.

* * *

На южном берегу реки Колумбии в Ханфорде было выстроено несколько огромных заводских корпусов. В них не раздавалось ни звука, стояла жуткая тишина, противоречащая невероятной драме, происходившей за толстыми стенами. Не было заметно и следа творив-

шейся там алхимии. Через сложную систему контрольных панелей, отвечающих каждому процессу, металл продвигался к окончательной стадии. Огромное количество атомного вещества этой первой на Земле атомной электростанции давало космический огонь в виде микроскопических порций плутония. Здесь, в Ханфорде, человек добился слияния утилитарного и интеллектуального усилий для изготовления бомбы.

* * *

Удовлетворенный достигнутыми результатами в строительстве объектов генерал Гровз объявил о следующей стадии «Манхэттенского проекта» — операции «Серебряная тарелка», которая должна заканчиваться непосредственно сбросом бомбы. К концу сентября 1944 года с военных баз, разбросанных по всему миру, на секретный объект в пустыне штата Юта были вызваны полторы тысячи служащих. Вендовер-Филд под кодовым названием «Кингмэн» или «W-47» представлял собой оазис всего лишь в 175 километрах к западу от города Солт-Лейк Сити и в одном световом годе от цивилизации.

Командир Фред Ашворт, главный баллистик полевых испытаний бомбы в Вендовере, впервые увидел базу в воскресенье после обеда и был шокирован. Он был вынужден курсировать между Лос-Аламосом, где жила его семья, и Вендовером, так как не хотел, чтобы его близкие терпели все неудобства летного поля, расположенного в пустыне.

Персонал Вендовера включал военных специалистов всех мастей. Из них была составлена 509-ая группа во главе с двадцатидевятилетним полковником Полом Тиббетсом. Послужной список Пола был блестящим. Он одним из первых вывел В-17 в небо Европы, где все еще доминировали «люфтваффе». Награжденный несколько раз, он вернулся в Соединенные Штаты, где возглавил работу по «доводке» В-29, только что начавшего сходиться с конвейера. Летом 1944 года срочным

телефонным звонком он был вызван в Колорадо Спрингс. Там Тиббетс встретился с капитаном Уильямом Парсонсом, шефом научной группы под руководством Оппенгеймера в Лос-Аламосе, и доктором Норманном Рамси, профессором Гарварда и членом этой группы. Они ввели его в курс работы, поручаемой ему правительством: провести тренировки сформированной 509-ой группы с целью выброса «изделия» стоимостью миллиарды долларов на неизвестную цель в неизвестный день.

Летом 1944 года Тиббетс вызвал в Вендовер своих коллег по полетам в Европе, чтобы они составили костяк 393-й бомбардировочной эскадрильи. Именно это подразделение 509-й группы отвечало за доставку оружия. Среди друзей Тиббетса были майор Том Фэриби, усатый пилот, принимавший участие в бомбардировках с территории Англии, и датчанин Ван Кирк, который летал с ним над Европой. Остальные члены группы — отличный пилот Боб Люис и майор Чак Суини, который налетал на В-29 больше часов, чем кто бы то ни было, — были приглашены для работы с Тиббетсом, так как они участвовали в программе модификации В-29 в Соединенных Штатах. Суини служил на базе Гранд Айленд, штат Небраска, где он проводил тренировки с пилотами, управляющими новым бомбардировщиком, среди которых был Куртис Лемей, впоследствии командовавший массированными налетами в Тихоокеанском регионе. Суини, розовощекий тяжеловес-ирландец из Бостона, был крайне обаятельным и волевым человеком. Он заслужил уважение и доверие своих подчиненных. Под руководством полковника Тиббетса майор Суини должен был тренировать экипаж номер пятнадцать.

Экипаж номер пятнадцать был сформирован в конце 1944 года. Штурманом экипажа стал Джим Ван Пелт, статный отзывчивый уроженец Вирджинии, закончивший школу штурманов в сентябре 1942 года. Он подружился с Томом Фэриби за игральным столом в

кости в Ардморе, штат Оклахома, и именно по его рекомендации попал в Вендовер. Вместе с Джимом из Ардмора пришел Кермит Бихан — стрелок и самолетный техник от бога — родом из Техаса, известный сослуживцам по кличке Артист. Герой воздушных боев в Европе, он был несколько раз сбит, и однажды спас жизнь хвостового стрелка, поделившись с ним кислородной маской.

Капитан Дон Албури был еще одним пилотом, чьи отличные летные навыки на В-29 были хорошо известны Тиббетсу и Суини. Отец одного ребенка, уроженец Майами, штат Флорида, он получил прозвище Бывалый. Летчики и механики подразделения постоянно обращались к нему со своими проблемами.

Лейтенант Фред Оливи работал вторым пилотом экипажа. Грузный итальянец двадцати трех лет из Чикаго не пил и не курил и служил постоянным объектом шуток своих товарищей.

Сержант Джон Кухарек, прослуживший четырнадцать лет в саперных частях, был очень толковым инженером. Радистом борта был сержант Эйб Спитцер, тридцатипятилетний уроженец Бронкса. Стрелком и помощником инженера был сержант Рей Гэллахер, самый младший из группы, двадцати трех лет. Сержант Пэппи Дихард - хвостовой стрелок — был фермером из Техаса с грустными глазами, страстно ненавидящим войну, но смиренно выполняющим свои обязанности. Сержант Эд Бакли вместе с Ван Пелтом обслуживал радар, выполнял обязанности механика, радиооператора и просто подручного.

509-я группа имела наивысший приоритет в вопросах обеспечения. Четырнадцать новых В-29 «исчезли» из различных подразделений военно-воздушных сил. Генералы, выступившие с жалобами на перевод техники из их эскадрилий, получили специальные разъяснения по телефону: главнокомандующий военно-воздушными силами генерал Арнольд сказал, что на то имеются особые причины.

Под руководством Тиббетса экипажи приступили к пробным полетам над западной частью Соединенных Штатов. Каждый самолет совершал полеты на девятикилометровой высоте с имитацией бомбы на борту. Бомбы сбрасывались на большие белые круги, нанесенные в пустыне, после чего самолеты резко разворачивались под углом 60 градусов и возвращались на базу. В конце периода тренировочных полетов фиктивные бомбы загружались взрывчаткой. Каждый раз полет бомбы снимался на пленку с других самолетов с целью определения ее наилучших баллистических параметров (персонал Вендовера включал двадцать семь баллистиков, работающих над этой проблемой). Хотя пятнадцатый экипаж постоянно обсуждал будущий объект атаки, никто не мог догадаться об истинной цели тренировок.

Инструкции по секретности в Вендовере были очень строги. Специальные агенты следили за сотрудниками, отправлявшимися в близлежащие города, и подслушивали их разговоры. Один из высокопоставленных офицеров, в частной беседе рассказавший чуть более дозволенного, вернувшись на базу в Вендовер, обнаружил приказ о срочном переводе и уже упакованные чемоданы. Остаток войны он провел около Северного полярного круга. Лишь некоторые участники 509-й группы постепенно начали понимать специфику задания. Однажды Чака Суини увезли в уединенное место в пустыне и изложили ему суть проекта, но подавляющее большинство пилотов по-прежнему оставалось в неведении.

К январю 1945 года большая часть 509-й группы перебазировалась на Кубу на двухмесячный срок. Там в условиях изоляции экипажи практиковались в бомбометании по водным целям при помощи радара.

Предполагаемая база на Марианских островах была выбрана генералом Фредом Ашвортом, который в феврале встретился в Гуаме с адмиралом Честером Нимицом. В натальном поясе генерала было письмо, подписанное адмиралом Эрнестом Кингом, руководителем

военно-морских операций, и содержащее описание атомной бомбы, что придавало визиту Ашворта крайнюю важность. Нимиц интересовался новым подразделением, которое должно было перебазироваться в этот регион, и визит Ашворта внес ясность в этот вопрос. Командующий выбрал в качестве базы 509-й группы северо-западную оконечность острова Тиниан. На выбор повлияли следующие факторы: морской прибой создал эту идеально ровную коралловую площадку, словно непотопляемый носитель самолетов; Тиниан был на сто пятьдесят километров ближе к Японии, чем Гуам, а большой вес бомбы мог стать критичным для этих расстояний; Тиниан имел лучший подход с моря.

А в это время, весной 1945 года, в США «Манхэттенский проект» получил свое дальнейшее развитие. Работали заводы в Ок-Ридже и Ханфорде, где в небольших количествах производился уран-235 и плутоний. Эти основные наполнители, а затем и бомбы, сделанные из них, получили прозвища. Узкая урановая бомба была названа «Худышка» в честь Рузвельта, а объемная плутониевая — «Толстяк» в честь Черчилля. На окончательной стадии «Манхэттенского проекта» длина «Худышки» была уменьшена, из-за чего бомба получила новое название — «Малыш».

Проведенные эксперименты не оставляли сомнения в том, что урановая бомба сработает. «Малыш» не нуждался в дальнейшей проверке перед взрывом в Японии. Единственной проблемой было получение достаточного количества урана-235 для наполнения бомбы.

Плутониевая же бомба нуждалась в испытании. Никто не был полностью уверен в том, что «Толстяк» взорвется. В пустыне штата Нью-Мексико ученые планировали возвести металлическую башню для эксперимента.

В марте 1945 года 509-я группа вернулась с Кубы для тренировочных полетов над западной частью США. Камеры регистрировали каждое падение каплеобразной бомбы. Чак Суини и Дон Албури гоняли свои В-29

на больших высотах. Джим Ван Пелт практиковался в одиночку.

Весной 509-я группа начала перемещаться из своего уединенного убежища. В мае восемь сотен человек отплыли из порта Сиэтл, а вскоре после них в свой путь отправился и воздушный караван.

Хотя война в Европе закончилась 8 мая, военные действия в Тихоокеанском регионе становились день ото дня все более ожесточенными. На 509-ю группу возлагались большие надежды: она должна была положить конец затянувшемуся конфликту. Гарри Трумэн стоял перед серьезным решением.

18 июня на встрече в Вашингтоне Трумэн беседовал с военными и гражданскими советниками.

Т р у м э н: Насколько я понимаю, взвесив все за и против, оценив ситуацию сегодняшнего дня, а также все возможные планы, Объединенный комитет* пришел к выводу, что операция на Кюсю (высадка на японских островах) является наилучшим решением.

Ответ: Да.

Т р у м э н: Мистер Стимсон, каково ваше мнение?

С т и м с о н:** Я согласен, что другой альтернативы нет. Я также полагаю, что в Японии существует определенный круг лиц, не одобряющих военные действия, чье мнение пока еще не чувствуется в общем русле политической жизни Японии. В данной ситуации необходимо предпринять какое-либо действие, которое подтолкнет их к активным поступкам и увеличит их политический вес до того, как они придут к власти.

Трумэн поинтересовался также мнением адмирала Уильяма Ли.

Л и: Я не согласен с теми, кто говорит, будто мы

* Имеется в виду объединенный комитет начальников штабов — высший оперативный и административный орган вооруженных сил США и одновременно консультативный орган президента США. Создан в 1942 г. (прим. ред.).

** Военный министр (прим. ред.).

проиграем войну, если не добьемся безоговорочной капитуляции Японии. Наша настойчивость в достижении безоговорочной капитуляции, я боюсь, приведет прежде всего к ожесточенности японских войск, а следовательно, к увеличению наших потерь. Не думаю, что мы добиваемся именно этого.

Т р у м э н: Я полагаю, что мнение по этому вопросу сложилось, и уверен в том, что Объединенный комитет должен продолжить подготовку к операции на Кюсю

Когда собрание закончилось, Трумэн попросил помощника министра обороны Джона Макклоя прокомментировать встречу. Макклой заявил, что проект нападения на Японские острова кажется фантастическим. Он спросил: «А почему бы не использовать атомную бомбу?»

Для обсуждения предложения Макклоя совещание было созвано еще раз. Предлагалось выдвинуть ультиматум, а затем использовать новое оружие в случае отказа Японии капитулировать. Однако разговор являлся беспредметным, ибо никто из присутствующих еще не мог сказать, сработает ли новое оружие, разрабатываемое в Нью-Мексико. Трумэн во второй раз одобрил нападение на Кюсю.

Экипаж номер пятнадцать оставался в Вендове до конца июня. Суини, теперь уже в должности командира 393-й эскадрильи, получил новый самолет с серийным номером АС 44-27353, модифицированный В-29, включающий в себя все последние усовершенствования. Кроме инжекторной системы впрыска топлива, самолет имел пропеллеры, вращающиеся в обе стороны, которые использовались при посадке в качестве тормозов. Однажды это спасло жизнь целому экипажу.

21 июня Чак Суини в последний раз поднялся с аэродрома штата Юта и взял курс на Гавайи. На следующее утро его В-29 был освящен католическим священником, перед тем как взять курс на юго-запад.

27 июня Суини посадил свою машину на взлетно-посадочную полосу базы Нортфилд острова Тиниан.

Со времени последнего визита Фреда Ашворта в феврале остров преобразился. Сотни В-29 стояли стройными рядами. На острове были проложены широкие асфальтовые улицы в полном соответствии с планом Нью-Йорка. Там был Бродвей, 42-я улица и 8-е авеню. 509-я группа разместилась в верхнем Манхэттене.

Тиниан — белый коралловый остров, расположенный в тропической зоне, на котором японцы выращивали сахарный тростник. Жители Кореи и Окинавы были привезены на остров в качестве рабочей силы. Некоторые из них теперь прятались в горах, боясь выйти и сдать. Вместе с японскими солдатами они иногда делали «набеги» на мусорные бачки базы, надеясь найти остатки еды. Личный состав 509-й группы старался не замечать этих мусорщиков, которые могли и напасть. Условия секретности подразумевали полную изоляцию 509-й от других подразделений, базирующихся на Тиниане. Окруженная колючей проволокой, под защитой вооруженных охранников, секретная группа служила объектом критики со стороны пилотов, которые летали в Японию еженедельно и теряли своих друзей в бою.

Один из самолетов 509-й вылетел на Японские острова с ознакомительной целью, неся на борту большую оранжевую бомбу под названием «Тыква», которая была сброшена и разорвалась над целью. Экипажи самолетов задавались вопросом, не было ли это целью их годичной тренировки; они надеялись, что нет. Пилоты стали привыкать к новому месту, они плавали, пили пиво, резались в карты, читали и делали все, что делает человек в повседневной жизни. Кермит Бихан уговорил Фреда Оливи впервые попробовать виски, в результате последний слег на несколько дней в постель. Том Фериви поставил «профессиональный» стол для игры в кости, за которым игроки проводили по восемь часов в день. Каждый вечер офицерам показы-

вали кино, а раз в неделю можно было купить бутылку ликера за один доллар тридцать центов. Они интересовались, когда же придет время для решающего полета. Летчики чувствовали нарастающее напряжение вокруг них.

16 июля, когда пятнадцатый экипаж бездельничал на базе или барахтался в океане, экспериментальная плутониевая бомба взорвалась в пустыне Нью-Мексико. Человек высвободил немыслимое количество той энергии, которая зажигает звезды. Лесли Гровз, Ванневар Буш и Джеймс Конант молча пожали друг другу руки, когда белый свет озарил их лица: их детище, плод многолетних мечтаний и трудов, сработало.

* * *

В Потсдаме военный министр Генри Стимсон получил следующую депешу от своего помощника в Вашингтоне: «Министру обороны от Гаррисона. Доктор только что вернулся, полон радужных надежд и уверен в том, что малыш так же силен, как и его старший брат. Свет в его глазах можно видеть в Хайхолде, а его крики слышны даже на моей ферме». Хайхолд — это летняя резиденция Стимсона под Лонг-Айлендом и в трехстах пятидесяти километрах от Вашингтона, а ферма Гаррисона располагалась в сотне километров, в Вирджинии. Стимсон ликовал. Хотя его постоянно заботили моральные аспекты использования нового смертоносного оружия, он ни секунды не сомневался в том, что его следует применить для окончания войны. В письме жене после испытаний в Нью-Мексико Генри писал, что он только что получил «хорошие новости от малыша на родине». Утром 17 июля в городе Бабельсберг около Потсдама Стимсон доложил отрядные вести президенту Трумэну и высказал пожелание о том, чтобы японцы были должным образом предупреждены о чрезвычайно тяжелых последствиях в случае продолжения ими военных действий.

Успех испытаний плутониевой бомбы внес измене-

ния в позицию американцев в Потсдаме. Премьер-министр Черчилль позже писал, что начиная с 17 июля Трумэн, новичок в Большой тройке, избавился от комплекса подчиненного положения в компании с ним и Сталиным. По мере того как продолжались встречи и советский руководитель менял свои взгляды на некоторые предложения, Трумэн запросто обрезаю его, демонстрируя даже некоторую агрессивность.

Одним из основных пунктов повестки дня в Потсдаме было вступление СССР в войну на Тихом океане. Согласно Ялтинским соглашениям Сталин должен был вступить в войну в течение трех месяцев после окончания военных действий в Европе. Хотя последний срок начала военных действий истек через несколько недель, генерал Джордж Маршалл выступал за вторжение Советского Союза в Маньчжурию, чтобы оттянуть японские войска с островов. Однако с 16 июля нужда в советской военной помощи в Азии полностью отпала.

Президент Трумэн знал это. Уже разочарованный в позиции Сталина, он не хотел присутствия красных войск в Японии, как не хотел и сталинских интриг на вновь освобожденных азиатских территориях. Тем не менее он понимал, что удержать Советы от нападения на Японию согласно Ялтинским соглашениям невозможно. Трумэн лишь перестал настаивать на выполнении обязательств СССР и ждал развития событий в ближайшие недели. Циничный раунд переговоров в Потсдаме продолжался.

* * *

20 июля шеф ЦСЗ (УСС)* Аллен Даллес прибыл в Потсдам с важным сообщением. Он заявил министру Стимсону, что шведский банкир Пер Якобсон беседовал с ним в качестве посредника от японских офици-

* УСС — Управление стратегических служб; до 1947 г. — координационный центр разведки и контрразведки США (прим. ред.).

альных лиц, работающих в Международном торговом банке в Швейцарии. Японцы хотели выработать условия мира в переговорах с Даллесом, а затем сообщить о них в Токио. Как и Фудзимура, они надеялись уговорить правительство согласиться немедленно положить конец войне. Даллес был особенно заинтересован в этих действиях, тем более что он уважал Якобсона и доверял ему. Стимсон произвел на Даллеса впечатление бесконечно занятого человека, который по уши влез в дела конференции. Он проявил слабый интерес к предложению Даллеса.

Оба были в курсе ухудшающейся ситуации в Японии. Даллес перехватывал японские телеграммы в Германию до падения нацистского режима. Через своего агента в министерстве иностранных дел Германии он прочитал массу депеш, отправленных из Токио японскому атташе в Берлине. Сообщения описывали безрадостное состояние дел на Дальнем Востоке. Стимсон в свою очередь читал перехваченные телеграммы от министра иностранных дел Того послу Сато в Москве. Вместе с Трумэном они обсуждали тот факт, что японцы искали какой-либо путь выхода из создавшейся ситуации, хотя и на основе определенных условий. Разведывательно-аналитическая группа правительства Соединенных Штатов выпустила отчет, описывающий ситуацию в стране.

* * *

«...В целом Япония будет использовать все возможные политические средства для того, чтобы избежать полного поражения или безоговорочной капитуляции.

а) будут продолжаться попытки закрепить полное внутреннее политическое единство;

б) определенные усилия будут приложены к распространению мнения в стане противников Японии о слишком высокой стоимости ведения боевых действий, а также о затяжном характере войны;

в) будет предпринята отчаянная попытка уговорить СССР поддерживать нейтралитет на фоне использования каждой возможности посеять рознь между Советами и их союзниками — американцами и англичанами. По мере ухудшения ситуации Япония может даже предпринять попытку привлечения СССР в качестве посредника в переговорах об окончании войны;

г) будут организовываться группы проведения мирных переговоров с целью получения приемлемых условий окончания войны и ослабления позиции Объединенных наций, направленной на доведение войны до победного конца.

Японское руководство пытается выиграть время на надежде на усталость союзных войск, отсутствие единства в их стане или на чудо, которое даст возможность прийти к компромиссному варианту заключения мира.

Японцы полагают, что безоговорочная капитуляция обернется национальной катастрофой, в связи с чем на сегодняшний день еще нет признаков, говорящих о готовности Японии пойти на этот шаг...»

* * *

В свете подозрительности в отношении намерений Японии и значительного успеха, достигнутого в производстве атомной бомбы, на официальных лиц в США не могли произвести должного впечатления окольные японские мирные инициативы. Пер Якобсон пришел к Алену Даллесу слишком поздно для дипломатических игр высокого уровня.

* * *

Экипаж номер пятнадцать с острова Тиниан совершил два полета на своем В-29 с надписью «Большой артист», нанесенной на нос самолета. Один из них, двадцать первого числа, был прерван из-за поломки двигателя. Второй был более удачным. С «Тыквой» в бомбовом отсеке Чак Суини довел В-29 до Японии и

сбросил груз на Кобе. Затем он выполнил обманное движение, отработанное над пустынями Юты и Карибами, и направился обратно к Марианским островам.

* * *

В тот же день Генри Стимсон записал в своем дневнике, что США больше не нуждаются в СССР.

* * *

24 июля Гарри Трумэн именно это имел в виду, когда заявил на встрече с Иосифом Сталиным, что Америка разработала новое оружие, необычайное по своей мощности. Сталин, казалось, не сильно заинтересовался этим сообщением и не стал выяснять дальнейшие детали. На следующий день Генри Стимсон отправился во дворец Цецилиенхоф, огромное здание из коричневого камня, расположенное в садах около руин Берлина. Там на встрече со Сталиным он снова заговорил об участии СССР в борьбе против Японии. На это Сталин ответил, что, так как обе страны участвовали в разрешении европейского конфликта, он будет рад принять адекватные меры и против Японии. Они уже знали, что S-1 — атомная бомба — будет вскоре применена. Стимсон — благодаря своему служебному положению, Сталин — по каналам шпионской сети. И все же они следовали формальностям дипломатической встречи, создавая сердечную атмосферу и игнорируя тот факт, что новое чудовищное оружие безвозвратно изменит стиль отношений обоих государств.

24 и 26 числа американские и советские военные группы встретились для обсуждения деталей участия СССР в конфликте на Дальнем Востоке. Встречи носили дружеский характер, однако были абсолютно бесполезны.

* * *

Внимание Токио концентрировалось на Москве. Посол Сато чувствовал холодный ветер, дующий из

Потсдама. 20 июля он отправил Того сообщение: «Я рекомендую принять любые условия...» Того был раздражен своим посланцем в Москве. Этот канал, ведущий к мирным переговорам, был для него крайне важен.

«25 июля 1945 года, 19.00

Кому: Сато

От кого: Того

Номер: 914 (срочно, посольский код)

...Захариас 21 числа заявил, что Япония стоит перед выбором: либо принять навязанные победителем условия окончания войны после полного разрушения страны, либо безоговорочно капитулировать, приняв Атлантическую хартию. Было бы ошибкой принимать во внимание подобные пропагандистские трюки. Мы должны допустить, что они приглашают нас к переговорам. С нашей стороны мы хотели бы проинформировать Соединенные Штаты, что в любой ситуации не сможем принять безоговорочной капитуляции, однако готовы к заключению мира на основе Атлантической хартии».

Когда Сато читал эту телеграмму в Москве, американский крейсер «Индианаполис» стоял в гавани Тинниана, разгружая компоненты атомной бомбы. Еще до ответа Сато на это сообщение союзники выпустили Потсдамскую декларацию, содержащую последнее предупреждение Японской империи. Потсдамская встреча продолжительностью в месяц* закончилась ультиматумом, обещающим Японии полное разрушение, если она не сдастся. Коммюнике было датировано 26 июля, днем, предшествующим прибытию в Потсдам Клементы Эттли — нового премьер-министра Англии.

На стадии разработки Декларации Стимсон уделил большое внимание вопросу об отношении японского населения к институту монархии и императору Хиро-

* Потсдамская (Берлинская) конференция руководителей трех держав проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г. (прим. ред.).

хито. Как бывший студент, изучавший Японию, и резидент на Дальнем Востоке, он понимал важность императора в жизни Страны восходящего солнца и вытекающие из этого проблемы. Он знал, что отдельные представители американского правительства настаивают на удалении императора с политической сцены. В частности, Гарри Гопкинс, главный советник Рузвельта, и Дин Ачесон, заместитель государственного секретаря, были сторонниками жесткой линии в определении судьбы императорской династии. Президент Трумэн придерживался мягкой позиции. Учитывая, однако, общественное мнение в Соединенных Штатах, Трумэн решил использовать вопрос о будущем Хирохито и монархии в качестве козырной карты на любых переговорах с японцами.

* * *

27 июля в Токио японский кабинет министров на своем заседании обсуждал документ, присланный из другой части света. Особое внимание фокусировалось на следующих условиях капитуляции:

Пункт 6. Полномочия людей, обманувших население Японии и ввергнувших страну в войну, должны быть ликвидированы.

Пункт 7. Объекты японской территории, обозначенные союзниками, будут оккупированы для обеспечения целей настоящего документа.

Пункт 8. Согласно Каирской декларации суверенитет Японии будет распространяться на острова Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и ряд более мелких островов, определяемых союзниками.

Пункт 9. Японские военные силы после полного разоружения должны вернуться в места постоянного базирования для ведения мирной жизни на благо общества.

Пункт 10. Военные преступники, включая участников расправ над заключенными, должны быть переданы суду.

Пункт 12. Оккупационные силы союзников должны

быть выведены из Японии после достижения указанных целей в соответствии с волеизъявлением японского народа и нового правительства.

Пункт 13. Мы призываем правительство Японии объявить о безоговорочной капитуляции всех японских вооруженных сил и обеспечить все надлежащие адекватные меры, гарантирующие честность его намерений. В противном случае Японию ожидает незамедлительное и полное разрушение.

Термин «незамедлительное и полное разрушение» не мог быть воспринят в полном объеме в Токио, в стране, ежедневно подвергающейся бомбовым налетам. Пункты Декларации не стали откровением для японского кабинета, ожидавшего именно таких условий. Единственный вопрос, который не фигурировал в Потсдамской декларации и освещения которого очень ждали в Японии, — это будущее императора. Вместо того чтобы реагировать на Декларацию, Япония предпочла ждать вестей из Москвы. Когда репортеры спросили премьера Судзуки, какова будет реакция на послание союзников, он заявил, что правительство некоторое время воздержится от комментариев. К сожалению, он использовал слово «мокусацу» для описания своего отношения. В японском языке «мокусацу» означает «не замечать, относиться с молчаливым презрением, игнорировать». Агентства новостей разнесли эту весть в тот же день. Два дня спустя он подтвердил свою позицию на пресс-конференции, однако в тот момент у него не было выбора, потому что военные требовали жесткого противодействия Потсдаму. Союзникам было заявлено, что их ультиматум не стоит комментариев.

Ошибку Токио уже невозможно было исправить. Министр иностранных дел Того сконцентрировал все усилия на Москве, где посол Сато прекрасно понимал, что в Токио потеряли чувство реальности. Сато поспешил предупредить Того о том, что «у Сталина нет необходимости менять курс и заключать сейчас с Япо-

нией соглашения». Пророческие слова Сато оказались напрасными и не были услышаны на его родине.

В Потсдаме Гарри Трумэн реагировал на «мокусацу» Судзуки предсказуемым образом: началась подготовка к применению атомной бомбы. Военный министр Стимсон был согласен с такой позицией. «У нас остается только один путь демонстрации силы ультиматума — продолжать подготовку к взрыву».

К концу июля на Тиниан по воздуху и морем было доставлено такое количество расщепляющегося вещества, что оно могло убить все живое на острове. Оно складировалось в хорошо охраняемых зданиях. 31 июля из Тиниана в Вашингтон пришло сообщение: «Лемею требуется еще одиннадцать часов. Это будет 1 августа, 10 часов по восточному мировому времени». Трумэн настаивал на том, чтобы дать Японии еще несколько дней для ответа на ультиматум.

Глава 5

МАЛЫШ

4 августа семьдесят человек 509-й группы смотрели кино. Семь экипажей увидели огромный огненный шар, поднимающийся в пустыне Нью-Мексико и превращающий ночь в день. Пораженные эффектом и мощностью нового оружия, они сразу поняли истинный смысл их длительных тренировок. Сброс бомбы, быстрое возвращение — на все их вопросы ответил фильм, снятый всего лишь девятнадцать дней назад.

Капитан Парсонс выступил с речью, в которой описал важность нового оружия. Он не произнес слово «атомное» и сказал, что бомба взорвется в воздухе, что ее полный разрушительный эффект еще не известен, и что самолеты не должны летать поблизости от поднимающегося облака. Когда Парсонс упомянул термин «радиоактивность», некоторые слушатели вздрогнули, потому что в их понимании он ассоциировался с другим понятием — «бесплодие».

Затем Тиббетс описал все процедуры, связанные с первым полетом: планы спасения экипажей, расписание вылетов, маршруты и другие аспекты. Затем экипажи вышли из помещения с пониманием того, что через несколько дней они станут участниками незабываемых моментов в истории человечества. Хотя слова «атомная бомба» не были упомянуты, группа, просмотревшая фильм, уже знала, что с японцами должно произойти нечто ужасное.

В воскресенье, 5 августа, ученые начали упаковку «Малыша» для отправки в Хиросиму. Две части смертоносного урана-235 были бережно расположены на противоположных концах цилиндрической оболочки. За ними размещался заряд кордита. По команде эти порции урана двигались по направлению друг к другу со скоростью пули 45-миллиметрового калибра. При их столкновении температура над Хиросимой должна была сравняться с температурой солнца. Все эти вычисления были проделаны лучшими умами в Лос-Аламосе.

6 августа полковник Тиббетс отправился в Японию с «Малышом» на борту самолета «Энола Гей». Чак Суини и экипаж номер пятнадцать поднялись в небо на «Большом артисте» в качестве технического борта. В его задней части располагалась темная комната, занятая тремя учеными. Джордж Марквардт командовал третьим самолетом, оборудованным кинокамерами. В 7.30 утра в ярком солнечном свете они заметили побережье Японии. Штурман Клод Этерли сообщил, что погодные условия идеальны.

Тиббетс обратился к Суини: «Чак, это Хиросима». Самолеты развернулись к начальной точке совершения круга над городом. Редкие облака скользили по небу. Внизу появилась изящно изогнутая береговая линия Внутреннего Японского моря. Тиббетс повернул на запад на расстоянии шестидесяти миль от цели, и вскоре Хиросима раскинулась под самолетами. Суини и Албури могли видеть даже старый замок в центре города, используемый в качестве штаб-квартиры японской армии в регионе*. Экипаж «Большого артиста» постоянно напоминал Бихану о необходимости просигнализировать, как только «Малыш» вывалится из первого В-29, чтобы Суини смог безопасно улететь.

Ровно в 8 часов 15 минут и 17 секунд Бихан закричал: «Бомба выброшена!» Суини заложил вираж, а

* Имеется в виду, очевидно, штаб 2-й объединенной армии Японии, размещавшийся недалеко от центра Хиросимы (прим. ред.).

Бихан выбросил блок приборов для измерения интенсивности взрыва с прикрепленным к нему парашютом.

Черно-оранжевый «Малыш» весом около пяти тонн упал на головы 255 тысяч жителей Хиросимы*. На высоте приблизительно 570 метров четыре килограмма триста граммов кордита столкнули урановые части и 13500 тонн в тротиловом эквиваленте взорвались в небе.

Яркая вспышка осветила внутренность В-29. Тибетс был ослеплен на некоторое время. Капитан Парсонс, который снаряжал «Малыша» перед полетом, стараясь предотвратить малейшую опасность взрыва при взлете, был поражен вспышкой и масштабом разворачивающегося разрушения. В «Большом артисте» пленка, регистрирующая показания приборов, все еще висевших на парашютах, свидетельствовала о распространении смерти по городу.

В японской военно-морской академии на острове Итадзима в восьмидесяти пяти километрах к юго-востоку от Хиросимы студенты услышали глухой гром и почувствовали необычно теплый бриз, ворвавшийся к ним через открытые окна.

Три самолета В-29 улетали от сотворенного ими разрушения. Кермит Бихан был настолько впечатлен взрывом «Малыша», что забыл включить магнитофон, регистрирующий реплики экипажа. Снимающий самолет Джорджа Макквардта зарегистрировал растущее кипящее облако, однако под ним можно было разглядеть только пыль и смог. Более 64 тысяч человек были убиты или находились при смерти от полученных ранений. Майор Том Фериби сбросил бомбу, точно попав в заданную точку. «Малыш» был выпущен лишь на семнадцать секунд позже запланированного времени. Сброс первой атомной бомбы был блестяще завершен.

* По другим данным, в городе проживало около 350 тысяч человек (прим. ред.).

* * *

В другой части света Гарри Трумэн услышал новости за ланчем с экипажем крейсера «Августа», на котором президент возвращался в Штаты. Ему была вручена депеша: «Большая бомба была сброшена на Хиросиму 5 августа в 7.15 вечера по вашингтонскому времени. В отчетах говорится о полном успехе операции, результаты которой превзошли ожидания». Трумэн был удовлетворен.

* * *

Последовала реакция из Токио:

«6 августа 1945, 17.00

Кому: Сато

От кого: Того

Номер 991 (срочная, посольский код)

Стало известно, что Сталин и Молотов сегодня вернулись в Москву. Вам надлежит немедленно встретиться с Молотовым и потребовать от него как можно более быстрого ответа».

Не получив ответа от Сато, Того был вынужден послать еще одну телеграмму отчаяния. Очевидец взрыва ядерной бомбы вернулся в столицу с описанием, леденящим душу: целый город был разрушен в одно мгновение одной бомбой.

«7 августа 1945, 15.40

Кому: Сато

От кого: Того

Номер 993

В связи с номером 1519. Ситуация становится столь угрожающей, что мы должны знать позицию советского руководства как можно быстрее. Приложите все усилия для получения немедленного ответа».

Через несколько часов Сато ответил:

«7 августа 1945, 19.50, Москва

8 августа 1945, 12.00, Министерство иностранных дел, Токио

Кому: Того

От кого: Сато

Номер 1530 (срочная, посольский код)

В связи с номером 1519. Как только Молотов вернулся в Москву, я попросил его о встрече. Я также прибег к помощи Лозовского. 7 числа Молотов уведомил меня, что он встретится со мной завтра, 8 числа».

Молотов сдержал свое обещание. В 17.00 8 августа он встретился с послом Сато и объявил войну Японской империи.

* * *

Позже в этот же вечер в штаб-квартире секретной полиции в Осаке двое мужчин стояли над фигурой американского пилота, лейтенанта Маркуса Макдилды. Сбитый несколько дней назад, Макдилда был вытасчен из воды и доставлен на берег. Когда солдаты вели его по улицам города, гражданское население пыталось наброситься на него с кулаками. Весь в синяках и кровоподтеках, он был доставлен в здание, где японские офицеры приступили к его допросу. Ему задавались вопросы о базе на Иводзиме. Лейтенант сообщал заведомо ложные сведения о количестве самолетов на острове и деталях плана Р-51. Допрос длился несколько часов. В перерывах его жестоко избивали, а затем снова задавали одни и те же вопросы. Когда он сказал, что на Иводзиме базируется около трехсот самолетов, ему предъявили фотографию, на которой расположено примерно сто пятьдесят машин. Поймав на этой лжи, его били еще и еще. Допрос становился все более интенсивным. Один офицер потребовал, чтобы он рассказал все, что он знает об атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму. Макдилда уверил его в том, что об этом оружии он не знает ничего. Японцы продолжали воз-

вращаться к теме атомной бомбы, Макдилда отрицал какую-либо причастность к ней.

Перед самой полночью дверь отворилась, и в комнату зашел генерал. Он также настаивал на том, чтобы Макдилда рассказал о бомбе. Когда лейтенант не смог ответить, генерал вытащил саблю и приставил к лицу жертвы. Затем он сильно ударил по губам пленника, потоки крови хлынули на подбородок американца и его костюм. Генерал закричал: «Если ты не расскажешь мне о бомбе, я лично отрублю тебе голову!» — и вышел из комнаты.

Макдилда был потрясен. От его лица не осталось практически ничего, губы были рассечены, язык едва ворочался. Допрашивающие возобновили вопросы об атомной бомбе. Пилот задумался о том, что мог сказать им, чтобы остаться в живых. Он мог припомнить несколько слов, услышанных от кого-то на Иво о расщеплении атома, положительных и отрицательных зарядах. Маркус Макдилда начал рассказывать.

Надеясь, что его южный акцент сыграет злую шутку с переводчиком, пилот из Флориды начал: «Как вы знаете, при расщеплении атома получается много плюсов и минусов. Мы собрали их и положили в один большой контейнер, предварительно разделив свинцовой перегородкой. Когда коробка выпала из самолета, мы растопили свинцовый щит, в результате чего плюсы и минусы соединились. При этом получается большая вспышка, и атмосфера над городом выталкивается. Когда атмосфера возвращается, получается большой раскат грома, который сносит все под собой. Бомба составляет 10 метров в длину и 6 в ширину». Японцы спросили об очередной цели для этого оружия. Макдилда задумался на минуту, а затем выбрал два города, разрушение которых будет наиболее деморализующим. Он сказал: «Я полагаю, Киото и Токио. Бомбардировка Токио предполагается в ближайшие дни».

Пораженные его рассказом шпики, попытались

вытянуть из него дальнейшие детали, однако изображение Макдилды истощилось, и он вернулся к первоначальному вранью. Один из допрашивающих вышел позвонить в центральную штаб-квартиру секретной полиции в Токио. А в маленькой комнате остались офицеры, шокированные новостью о том, что Токио может стать следующей жертвой ужасной новой бомбы.

Глава 6

ДЖИНН

Вечером 8 августа Чак Суини поднял «Большого артиста» в небо над Тихим океаном и сбросил еще один макет бомбы в море. Он содержал в себе все детали «Толстяка», кроме заряда плутония. Все переключатели, предохранители и детонаторы сработали так, как надо. До этого момента все компоненты автоматики, необходимые для взрыва бомбы в полете, еще ни разу не были собраны в одном корпусе. Первый взрыв плутониевой бомбы в июле в Нью-Мексико был проведен в стационарной башне без автоматики, отвечающей за срабатывание бомбы при ее выбросе из В-29. Фред Ашворт, находящийся на борту самолета вместе с Суини, был очень доволен положительным результатом эксперимента. Он знал, что «Толстяк» будет сброшен на Японию в течение ближайших двадцати четырех часов.

Когда «Большой артист» вернулся на Тиниан, экипаж номер пятнадцать получил сообщение о том, что они вылетают на следующее утро. Так как прогнозы погоды в Японии были неблагоприятны на ближайшие пять дней после 9 августа, решено было сбросить «Толстяка» в течение ближайших часов. Адмирал Парнелл и генерал Гровз часто обсуждали важность сброса второй бомбы вскоре после первой. Эта акция говорила бы о том, что Соединенные Штаты поставили производство нового оружия на поток и что единственной

перспективой Японии является атомный кошмар. Именно Парнелл первоначально предположил, что потребуется именно две бомбы, чтобы положить конец войне. Гровз, как и Гарри Трумэн, был с ним согласен. При этом последний отдал приказание сбросить атомные бомбы на два города, которые он назовет по пути домой из Потсдама.

Пока Суини обсуждал со своими подчиненными детали предстоящего полета, ученые закончили сборку «Толстяка». Перед тем как вставить плутоний, генерал Том Фаррел, заместитель Гровза на Тиниане, подержал в руках темно-серый металл. Он чувствовал его тепло, ему казалось невероятным, что это количество вещества на самом деле может разрушить целый город. Офицеры экипажа номер пятнадцать получили карты целей и после короткого ужина отправились на утомительный инструктаж, связанный с вопросами секретности. В восемь часов офицеры разведки, казалось, были удовлетворены проведенной лекцией и отпустили уставших летчиков на короткий отдых.

Напряжение росло и среди сержантов экипажа «Большого артиста». Нормальное течение жизни было нарушено. Эйб Спитцер сидел как изваяние; Рэй Гэллахер думал о том, что он увидел над Хиросимой, и его подташнивало, он попытался написать письмо своей семье, но не смог сконцентрироваться. Эд Бакли и Паппи Дехарт не проронили за вечер ни слова, хотя обычно постоянно подшучивали над Гэллахером и Джоном Кухариком. Вскоре после одиннадцати вечера пятеро мужчин оставили свои бумажники на постелях своих друзей, не участвующих в операции, и отправились в специальную комнату для получения последних инструкций.

На карте была четко обозначена главная цель: Кокура, город в северной части Кюсю. Альтернативной целью был город Нагасаки, расположенный в западной части острова. Полковник Тиббетс поднялся и выступил с короткой речью, в которой сказал, что «Толстяк»

радикально отличается от бомбы, сброшенной на Хиросиму, а также гораздо мощнее. Он упомянул, что Вашингтон особо надеется на эту акцию, и пожелал летчикам удачи.

Задание выполняли три самолета. Чак Суини доставлял бомбу, Фред Бок — приборы, майор Джим Хопкинс — съемочное оборудование и научный персонал из Англии в качестве наблюдателей. Так как «Большой артист» в полете на Хиросиму участвовал в качестве технического борта, несущего приборы, было решено оставить ему эту роль и во втором полете. Фред Бок должен был лететь на «Большом артисте», в то время как Чак Суини вел самолет Бока — «Машину Бока» — с «Толстяком» на борту.

Трое офицеров были добавлены к десяти членам экипажа номер пятнадцать: Фред Ашворт и его ассистент Филипп Барнс — представители разработчиков бомбы и лейтенант Джейк Безер — специалист по электронике. Целью последнего являлось противодействие преждевременному срабатыванию «Толстяка». Он управлял радарной установкой противодействия волнам, испускаемым аппаратурой японцев, в результате воздействия которых на электронику Толстяка бомба могла взорваться раньше срока.

Синоптики предупредили экипажи о тайфуне, зарождающемся в районе Иводзимы. Встреча самолетов была запланирована за пятнадцать минут до сброса бомбы около острова Якосима недалеко от южного побережья Кюсю. Два самолета должны были доложить о погодных условиях над городами, руководствуясь которыми, Суини и Ашворт выбирали цель. Ашворт и Бихан были предупреждены о том, что бомба должна быть сброшена только в прямой видимости города невооруженным глазом. Официальные лица Вашингтона настаивали на этом требовании, чтобы исключить бесполезную трату материала.

На случай, если самолеты будут сбиты, предусматривался вариант спасения экипажей. Четыре В-29 уп-

равляли подводными лодками, ответственными за спасение летчиков на воде. Сами В-29 несли на своем борту все необходимое для экипажей, совершивших аварийную посадку.

Были установлены высоты полета и сброса бомбы. Высота приближения самолета Суини к цели составляла девять тысяч пятьсот метров. Полетное задание было расписано поминутно. План имел одно слабое место, не предусмотренное группой планирования и разведки: не учитывалась защита японцами острова Кюсю. После сброса бомбы на Хиросиму никто не мог предсказать реакцию японцев на небольшое количество самолетов, пытающихся прорваться на Японские острова.

Капеллан Дауни произнес короткую молитву перед едой. Летчики ели мало, так как сказывалось предполетное напряжение. Когда они подошли к взлетной полосе, несколько сотен человек толпилось около трех самолетов.

Самолет «Машина Бока», номер 77, стоял с «Толстяком» в бомбовом отсеке в лучах тридцати солнечных прожекторов. Большой черный «Толстяк» составлял три метра двадцать пять сантиметров в длину и полтора метра в диаметре. Внутри него располагались тщательно подобранные порции урана, соединение которых при высоком давлении принесет смерть населению одного из японских городов.

Операторы были готовы зафиксировать взлет. Было необходимо исключить любую возможность преждевременного взрыва бомбы. Так, например, в случае падения самолета авиационный газ мог воспламенить бомбу, что привело бы к ее взрыву. Три больших цилиндрических ящика с инструментами и приборами загрузили в отсеки «Большого артиста». К каждому цилиндру был прикреплен конверт с большим куском белой материи, на которых доктор Луис Альварес написал послание. Ранее он с двумя другими физиками на Тиниане, Филом Моррисоном и Робертом Сербером, вспомнил, что они учились в 1938 году в Кали-

форнийском университете вместе с профессором Риу-коси Сагане. Предполагая, что Сагане, будучи экспертом в области ядерной физики, сможет объяснить своему правительству ужасную правду о Хиросиме, Альварес составил это письмо своему коллеге в Японии.

*«Штаб-квартира группы сброса атомной бомбы
9 августа 1945*

Кому: профессору Р. Сагане

От кого: трое ваших коллег из США

Мы посылаем это письмо в качестве персонального послания для того, чтобы Вы, используя ваше влияние и репутацию физика-ядерщика, смогли донести до японского генералитета все возможные последствия ведения войны для вашего народа. Как вам известно, атомная бомба может быть создана путем многолетнего сбора необходимого материала. Теперь вы видите, что мы построили заводы, работающие двадцать четыре часа в сутки и производящие вещество, которое взорвется на вашей родине.

В течение трех недель мы испытали одну бомбу в американской пустыне, одну взорвали в Хиросиме и взрываем третью этим утром. Мы настоятельно советуем Вам донести эту информацию до Вашего руководства, а также приложить все усилия для окончания бессмысленных убийств, которые приведут к полному уничтожению вашей нации. Как ученые мы сожалеем, что это открытие используется для военных целей. Однако, если Япония не капитулирует, дождь атомных бомб будет продолжаться».

Без подписи.

* * *

Полковник Тиббетс подошел к «Машине Бока» и заговорил с экипажем. Когда они обсуждали детали полета, сержант Кухарик, инженер, спустился с самолета и обратился к полковнику и майору Суини. После его слов мороз пробежал по коже экипажа, так как на

борту была обнаружена серьезная неполадка: отказал насос запасного бака горючего, расположенного в задней части самолета. 600 галлонов топлива оказались недоступными. Это означало, что в длительный полет машина отправляется без резервного запаса топлива.

Суини и Тиббетс обсудили сложившуюся ситуацию с Ашвортом, адмиралом Парнеллом и генералом Фаррелом. Нужны были очень веские причины, чтобы отложить полет. Было крайне важно сбросить «Толстяка» вскоре после «Малыша», чтобы убедить японцев в неистощимости запасов нового оружия. Задержка давала противнику время для осмысления ситуации. В качестве полномочного представителя Гровза Фаррел приказал продолжать подготовку к полету. Суини кивнул и повернулся к летчикам: «К черту, мы улетаем». Самолет мог бы приземлиться на Иводзиме на обратном пути и дозаправиться.

Звездная ночь стояла над Тинианом. Чак Суини, опасаясь, что японцы прослушивают эфир, сохранял режим радиомолчания. «Машина Бока» отправилась на запад с новой взлетной полосы, что показалось Джиму Ван Пелту дурным предзнаменованием. Экипаж номер пятнадцать всегда поднимался в небо с взлетной полосы Нортфилда. Скорость ветра увеличивалась. «Машина Бока» с трудом набирала высоту с «Толстяком» на борту. В 1.56 по японскому времени ученые и генералы облегченно вздохнули, и доктор Рамси отправился к себе, чтобы написать письмо Роберту Оппенгеймеру, указывающее на необходимость дополнительных мер предосторожности при взлете с «Толстяком».

Вскоре после первого в небо поднялись оставшиеся два самолета. Час спустя доктор Роберт Сербер, которого высадили из самолета, выделенного для съемки сброса бомбы, неожиданно появился в штабе. Майор Хопкинс отказал ему в участии в полете, так как Сербер забыл свой парашют, в результате чего вынужден был отправиться на доклад к генералу Фаррелу. Фаррел был взбешен, так как Сербер был единственным чело-

веком, который мог управлять высокоскоростной кинокамерой. Генерал приказал нарушить режим радиомолчания и выйти на связь с самолетом, несущим камеру. В течение ближайшего часа Тиниан инструктировал Хопкинса о правилах использования аппарата. Расстроенный Сербер присоединился к оставшимся на Тиниане, ожидая вестей из Японии.

* * *

В 2.32 «Машина Бока» достигла высоты семь тысяч метров, поднявшись над облаками. Турбулентные потоки раскачивали самолет, приближавшийся к области тайфуна. Чак Суини отправился в специальный отсек, чтобы немного поспать. В его отсутствие машиной управлял Дон Албури. Джек Безер прикорнул около своего оборудования. В носовой части Кермит Бихан выполнял свое первое задание: фиксировал реплики экипажа на магнитную ленту. Закончив, он отправился поспать. Джон Кухарик крутился вокруг топливных манометров. Ему не давала покоя проблема топлива в запасном баке. Эйб Спитцер читал краткое изложение романа «Наши сердца были молоды и живы», а Паппи Дехарт глазел на облака. Он не мог допустить навигационной ошибки и периодически вместе с Эдом Бакли проверял работу радара. Фред Оливи спал на своем сиденье, слегка похрапывая. Ашворт и Барнс были ответственны за любые действия, предпринимаемые с бомбой. Они принимали решения по идентификации цели, выбору второй мишени, а также брали на себя ответственность в случае любой непредвиденной ситуации. При возникновении разногласий между ними последнее слово оставалось за Ашвортом. Сразу после взлета Ашворт и Барнс проверили автоматические системы бомбы при помощи специального блока приборов, помещенного в черный ящик. На полпути к Японии их ожидало неприятное открытие: на задней панели черного ящика загорелась красная лампочка. Это означало, что все цепи механизма сброса замкнуты. Барнс

хладнокровно открыл и проверил каждую цепь. Через полчаса он улыбнулся и сказал: «Я нашел». Выключатель цепи лампочки тревоги вышел из строя. Барнс быстро устранил неполадку.

Самолет номер 77 продолжал полет. На острове Иводзима стоял запасной В-29, готовый принять «Толстяка», если «Машина Бока» сломается. Но одинокий В-29 уверенно набирал высоту до положенных девяти тысяч пятисот метров. В его носу из плексигласа Кермит Бихан наблюдал ровный слой облаков, заслоняющий океан. В 7.45 щит из облаков рассеялся, и кто-то указал на остров впереди. Это была Якосима — точка встречи. Около нее находилась группа спасения: два В-29, летающие по большому кругу, и две субмарины, бороздящие океан.

Несколько минут спустя экипаж номер пятнадцать принял сообщение. Самолет-разведчик погоды над Нагасаки доложил: «Легкий туман. Покрытие облаками 2/10. Ветер 250 градусов при 50 узлах». Суини удовлетворенно улыбнулся. Ранее он получил такие же хорошие новости из района Кокуры. Погода над Японией казалась почти идеальной. Суини повернул В-29 в направлении юго-западной оконечности Якосимы.

* * *

В 8.09 по японскому времени сержант Рэй Гэллахер заметил еще один В-29, выходящий из облаков. «Машина Бока» и «Большой артист» встретились. Во втором самолете пилот Фред Бок разговаривал с маленьким седым человеком, сидящим в кресле второго пилота. Уильям Лоуренс являлся репортером «Нью-Йорк таймс». Миссия Лоуренса была уникальна: его взяли на борт военного самолета для того, чтобы засвидетельствовать самое выдающееся событие, на которое когда-либо был допущен журналист. Его статью прочитают во всем мире. Менее месяца назад Лоуренс стоял в пустыне Нью-Мексико и наблюдал начало атомной эры. Когда их самолет подошел к Якосиме, они с Фредом Боксом

обсуждали сочинения Платона* и Святого Фомы Аквинского**, произведения Св. Томаса Акинаса и Плато. Напротив них из облаков появился номер 77. Лоуренс покинул мир логики, чтобы надеть спасательный костюм и пояс. Радист Ральф Карри и штурман Лен Годфри помогли ему облачиться в эту громоздкую одежду.

Два самолета начали огибать юго-западную оконечность Якосимы в ожидании самолета для съемок майора Хопкинса. Утомительно тянулись минуты, В-29 кружили над островом. Экипаж «Машины Бока» начал терять терпение из-за растущих проблем с топливом, усугубляющихся с каждой потерянной минутой.

Самолет Хопкинса на самом деле был в районе встречи, однако на больших высотах и над другой точкой. Вместо того чтобы прибыть к юго-западной оконечности Якосимы, самолет огибал северо-восточную часть группы островов района встречи. На таких высотах было практически невозможно увидеть все три самолета одновременно, если только они не подойдут вплотную друг к другу.

Озабоченность Чака Суини росла с каждой минутой. На борту пропавшего самолета были два британских физика — доктор Уильям Пенни и капитан Чешир в качестве представителей правительства Ее Величества. На самолете Хопкинса также располагались камеры для съемки. Суини был в недоумении. Через сорок минут ожидания Чак Суини и Фред Бок направили свои машины к Кюсю.

* * *

Радар «Машины Бока» поймал Кокуру до того, как город стал виден невооруженным глазом. Двери бомбо-

* Платон (427–348 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, основатель знаменитой философской школы в Афинах, просуществовавшей ок. 300 лет, автор философских сочинений «Апология Сократа», «Федан», «Государство» и др. (прим. ред.).

** Фома Аквинский (1226–1274 гг.) — философ и теолог, сформулировал 5 доказательств бытия Бога. Основные труды: «Сумма теологии», «Сумма против Язычников». Был канонизирован католической церковью (прим. ред.).

вого отсека открылись, раздался соответствующий звуковой сигнал. Бомба была готова к сбросу. Большинство членов экипажа надели специальные очки с линзами «Поляроид», защищающими глаза от вспышки.

Целью Бихана был громадный арсенал, поставляющий оружие японской армии. Он поймал город в поле зрения и ждал момента, когда предприятие будет под ними. Он видел реку, улицы и дома Кокуры, но никак не мог разглядеть арсенал. Туманная дымка заволочла единственный интересующий пилотов объект. Бихан закричал: «Нет сброса». Суини скомандовал «Отбой. Мы заходим на следующий круг». Самолет развернулся, чтобы приблизиться к Кокуре с другой стороны. Эйб Спитцер сильно нервничал, когда думал о японских зенитных батареях, расположенных внизу. Он знал, что это был один из самых защищенных районов Японской империи. К западу располагались сталелитейные заводы Явато, одна из целей предыдущих налетов. Вокруг этого промышленного комплекса был создан целый защитный пояс.

«Машина Бока» приблизилась к городу еще раз. Двери бомбового отсека открылись, прозвучал жужжащий сигнал. Фред Ашворт следил по черному ящику за исправностью механизмов «Толстяка». Город проплывал внизу. Появилась река, на берегу которой стоял арсенал. Самого же предприятия по-прежнему не было видно. «Сброс отменен». Бихан следовал письменным указаниям не сбрасывать бомбу до появления нужного объекта в пределах непосредственной видимости. Когда самолет сделал третий заход, Джим Ван Пелт увидел стадион, расположенный около арсенала. Однако стадион не являлся целью, и Бихан отменил сброс в третий раз.

Джон Кухарик был в панике. Задержка над Якосимой, а теперь и около Кокуры создали опасную ситуацию. Кухарик знал, что у «Машины Бока» нет шансов вернуться на Иводзиму. На последнем заходе Спитцер желал только одного: убраться отсюда побыстрее в район

Нагасаки. Когда Эд Бакли обратился к нему, Спитцер попросил его заткнуться. Он думал только о системе ПВО японцев. К этому времени ее орудия были нацелены на «Машину Бока», а зенитчики прикидывали ее скорость и высоту. В-29 летал слишком долго. Жители Кокуры высыпали на улицу и наблюдали за необычным поведением самолета.

Паппи Дехарт связался с Суини по внутренней связи:

- Майор, нас достает зенитный огонь.
- Вас понял, — ответил Суини.
- Майор, огонь все ближе.
- Вас понял.
- Снаряды уже на хвосте.
- Забудь об этом, Паппи, мы на ответственном задании.

Когда Бихан закричал «нет сброса» еще раз, Паппи Бихан сообщил по внутренней связи:

- Бомбардировщики внизу, поднимаемся.
- Джон Кухарик доложил Суини:
- Топливо убывает.

Во втором самолете репортер «Таймс» с опозданием заметил шарообразные вспышки справа и слева по борту. Будучи новичком на войне, Лоуренс не сразу понял, что это зенитный огонь. Взорвались по крайней мере пятнадцать снарядов, прежде чем он понял, что ожидает самолет. Он сосредоточился на маленькой книжке, где делал заметки о полете. Затем он подошел к радисту Ральфу Карри и сказал: «Воф, сынок, возьми эту книжку. Если со мной что-нибудь случится, отдай ее первому попавшемуся офицеру, когда вернешься. Если мы должны будем выпрыгнуть, у тебя будет больше шансов выжить. Обязательно скажи офицеру, что это последняя история Билла Лоуренса». Карри взял книгу.

В «Машине Бока» Чак Суини после разговора с Биханом и Ашвортом понял, что оставаться над Коку-

рой чистое безумие. Несколько истребителей пытались достичь высоты В-29, а зенитный огонь подбирался все ближе. Чак Суини и Фред Бок развернулись, а Эйб Спитцер, непрерывно приговаривающий: «Как насчет Нагасаки?» — посчитал свои молитвы услышанными.

Сразу после того как бомбардировщики покинули район цели, самолет Бока исчез из видимости Суини. Неожиданно экипажи обоих самолетов услышали голос Хопкинса из пропавшего самолета с камерой: «Чак, где, черт возьми, тебя носит?» Суини предпочел не нарушать режим радиомолчания и, не ответив, выключил радиопередатчик. Третий самолет остался потерян-ным.

У Суини было достаточно своих проблем: сержант Кухарик сообщил показания датчиков, регистрирующих запасы топлива. Майор вынужден был взять прямой курс на Нагасаки, потому что для огибания побережья с востока и захода на город с западной стороны топлива уже не хватало.

Ашворт пытался спрогнозировать ситуацию над Нагасаки. «Что если «Машину Бока» постигнет та же участь? Я должен выработать альтернативный план». Ему пришла в голову мысль сбросить бомбу на Токио. На Тиниане часто обсуждался этот вариант, приводивший к полному разрушению города, свержению правительства и императора. Он попытался отогнать эту мысль, учитывая проблемы с топливом и отсутствие приказа на выполнение этой операции. «Толстяк» продолжал двигаться к Нагасаки.

* * *

На тот момент один город был спасен, другой ждала незавидная судьба. Население Нагасаки не чувствовало надвигающейся угрозы. Было тихое утро, город жил своей обычной жизнью. 200 тысяч жителей работали, как обычно. Велосипеды и военные машины передвигались по улицам. Дети ловили стрекоз в парке.

Предупреждение о воздушном нападении прозвучало раньше, в 8.30, когда был замечен одиночный американский самолет-разведчик. Несмотря на это, две тысячи жителей все еще оставались в убежищах, не зная о том, что другие давным-давно отправились на работу.

Девяносто процентов трудоспособного населения города работало в долине Ураками в северо-западной части города. Здесь располагался комплекс военных заводов «Мицубиси», производящий реактивные снаряды и другое вооружение для Императорской армии. В тот день завод работал на полную мощность, хотя недостаток материалов обещал сократить объем продукции в ближайшие недели. Рабочие завода знали, что военное положение неблагоприятно, но продолжали надеяться на чудо, которое спасет их страну от поражения. Были разработаны планы на случай американского вторжения на остров. Гражданское население обязано было оказывать сопротивление на улицах и в горах, защищая свою родину. Другого выхода не было.

8 августа префект Нагасаки Нагано встретился с официальными лицами муниципалитета, чтобы обсудить новости из Хиросимы. Гостем этой встречи был Такедзира Нишиока, издатель местной газеты «Миню». Нишиока только что приехал из обреченного города, где подвергся ожогам и радиационному заражению. Он хотел предупредить население о поражающих факторах атомного взрыва и предложить ему меры защиты. Рекомендации Нишиоки включали эвакуацию всего населения в массовые убежища при приближении любого одиночного самолета. Если это невозможно, при белой вспышке над головой он посоветовал падать на землю или уходить в любое укрытие. Нагано был впечатлен рассказом издателя о событиях в Хиросиме и запланировал широкомасштабные действия по обеспечению безопасности населения на следующую неделю. Этим утром он приступил к написанию всех необходимых документов для начала акции.

С правой стороны долины Ураками на краю обры-

ва располагалась огромная церковь, в которой скопились сотни людей. Нагасаки являлся центром католицизма в Японии. Храм Пресвятой Девы был крупнейшим римско-католическим собором Дальнего Востока. Преследуемые в течение трех веков правителями Японии католики получили свободу вероисповедания в 1853 году под давлением американца Мэтью Перри, заставившего императора Шогуна признать за ними это право*. Утром, в четверг, 9 августа, католики пришли в собор накануне праздника Успения Божьей Матери.

В медицинском колледже Нагасаки хирург Сирабе заканчивал лекцию. В комнате на втором этаже находился доктор Цунео. Он пытался забыть кошмар разрушения Хиросимы, свидетелем которого стал. Цунео чудом избежал серьезных последствий взрыва и вернулся в колледж.

На железнодорожной станции Ураками носильщик готовился выйти на платформу, чтобы встретить прибывающий поезд. Двадцатилетняя Аико Тагава в отдельной комнате сортировала посылки. Часы на стене показывали 10.55. В северной части станции мужчина смотрел в бинокль, направленный на восток. Когда гул моторов разорвал тихое утро, раздался громкий вой сирены. Мужчина с биноклем разглядел самолет, направляющийся в сторону Нагасаки...

* Имеется в виду военно-дипломатическая миссия во главе с командором Мэтью Перри, направленная по решению конгресса США в конце 1852 года в Японию с целью открытия страны для торговли. Под угрозой применения силы Перри, дважды посетивший японские порты во главе эскадры из 7 военных судов, вынудил Японию подписать неравноправный договор. В Японии до сих пор не утрачена память о «черных кораблях» американского командора («Черные — из-за черного дыма из трубок пароходо-фрегатов Перри).

Что касается императора Шогуна, то здесь автор допускает ту же ошибку, которую за сто с лишним лет до описываемых событий допускали Перри и его спутники. Монарха под таким именем в истории Японии не было. С ё г у н буквально означает «военачальник». Так назывались правители Японии, при которых с конца XVII века по 1867 год императорская династия была лишена реальной власти (*прим. ред.*).

Запасов топлива на В-29 хватало только на один заход на город, после чего самолет должен был немедленно отправляться на Окинаву, куда, впрочем, топлива тоже могло не хватить. Любая другая задержка означала аварийное приземление в Японии или сброс атомной бомбы в океан. Суини приказал Спитцеру вызвать по радио спасательную команду к южному побережью Кюсю на случай аварийной посадки на воду. Спитцер выходил на связь несколько раз, но так и не смог получить ответ. Напряжение экипажа номер пятнадцать росло с каждой минутой. Их нервы были окончательно измотаны долгим полетом над Японскими островами. Полет превратился в кошмар, сыграв с ними злую шутку. Сначала проблемы с резервным топливом, затем пропущенная встреча, а после этого туман над Кокурой. Ни один этап не прошел нормально. Беспокойство нарастало по мере приближения к Нагасаки. Облачность увеличилась с 2/10 до 9/10. За последние три часа город закрыло тучами, как покрывалом.

Суини вызвал Ашворта и спросил: «У нас достаточно топлива всего лишь на один проход над Нагасаки, только на один проход. В противном случае мы не дотянем до Окинавы. Как насчет сброса по радару?» Это был вопрос, которого Ашворт боялся больше всего. Согласно приказу из Вашингтона бомба должна быть сброшена только в условиях непосредственной видимости объекта. Именно поэтому Кермит Бихан три раза отказывался от сброса «Толстяка» на Кокуру. Сейчас Чак Суини предлагал недопустимый вариант. Ашворт колебался, но потом твердо сказал «нет». Суини продолжал: «Я гарантирую, мы сбросим с точностью не более тысячи футов от цели, что будет лучше, чем выпустить ее просто в океан. Я уверен, радар работает исправно».

Услышав это, штурман Ван Пелт вздрогнул: имен-

но на нем лежала теперь ответственность за точность сброса бомбы по радару, и он не разделял уверенности Суини.

Ашворт знал, что последнее слово будет за ним. Если он откажется от предложения Суини, у «Толстяка» есть шанс оказаться в океане. Официального приказа сброса на Токио не было, а другой стоящей цели в пределах досягаемости не наблюдалось. Более того, у него не было права сбросить бомбу на любой другой город. Еще один город, Ниигата, был первоначально одобрен в списке городов-целей, однако потом его исключили, так как он располагался слишком далеко от Тиниана. Сейчас он был вне досягаемости «Машины Бока», чтобы использовать его в качестве запасной цели. Ашворт сказал: «Чак, дай мне немного подумать».

Он вернулся на свое место и в последний раз проанализировал ситуацию. Сбросить бомбу в океан означало свести к нулю все усилия, затраченные на «Манхэттенский проект». Попытка донести бомбу до Окинавы может привести к катастрофе, так как ее масса увеличивала потребление топлива. И вместе с тем было так легко подчиниться директивам Вашингтона и не разрешить сброс бомбы по радару. Ашворт балансировал на грани. Зная, что он нарушает приказ, он вернулся к Суини и сказал: «Разрешаю сбросить бомбу по радару в случае отсутствия видимости объекта». Судьба Нагасаки была решена.

* * *

Официальные лица на Тиниане были крайне встревожены. Со времени прибытия Суини в район Кокуры они не получили ни одного сообщения. Обеспокоенный генерал Том Фаррел отправился на ланч. По возвращении ему вручили радиограмму с потерявшегося самолета Хопкинса: «Вылет номера 77 отменен?» Генерала Фаррела вырвало.

Ван Пелт и Бакли сидели за радаром. Нагасаки показался на экране как светло-голубая точка на более темном фоне воды и гор, окружающих город. Это был сложный район для пеленга и идентификации цели. Они попросили Ашворта подтвердить показания радара. Город имел форму буквы Х. Военные заводы и жилые районы верхней части города были отделены грядками гор от нижней части, в которой располагались коммерческие предприятия и крупный порт. Согласно стратегическим планам цель приходилась на юго-восток средней части буквы Х, в центр Нагасаки. Предполагалось, что «Толстяк» взорвется на равнине и достигнет максимума разрушения на относительно ровной площади, окружающей залив.

Ван Пелт приткнулся к экрану радара, на котором за последние тридцать секунд не наблюдалось никаких изменений. Пять секунд спустя, за двадцать пять секунд до сброса бомбы, раздался голос: «Я вижу ее!» Кермит Бихан обнаружил дыру в слое облаков и снял груз ответственности с плеч Ашворта и Суини. Ван Пелт и Бакли за радаром облегченно вздохнули.

В самолете раздался жужжащий сигнал. Машину качнуло, когда в открытые двери бомбового отсека ворвался поток воздуха. Бихан заметил овальный стадион, расположенный в двух километрах к северо-западу от цели в долине Ураками. Он попросил скорректировать курс вправо и молча стал ждать приближения к стадиону. Через несколько секунд жужжащий сигнал оборвался. «Машину Бока» резко бросило вверх, когда «Толстяк» отделился. Бихан сообщил по переговорному устройству: «Бомбы выброшены, — а затем быстро поправился: — Бомба выброшена». Суини резко бросил самолет влево под стоны фюзеляжа. В другом самолете кто-то закричал: «Она полетела!». Блок приборов и письмо профессору Сагану были сброшены, после чего Фред Бок выполнил такой же маневр.

Когда «Толстяк» покинул В-29, его питание перешло в автономный режим. Таймер обеспечения безопасного расстояния держал выключатели разомкнутыми, чтобы бомба не могла взорваться около самолета. По мере ее удаления из-за барометрического давления замкнулись дополнительные разъемы. Затем сработали радарные предохранители — датчики высоты. Когда сверкающая черная бомба приблизилась к высоте 475 метров, цепи пуска замкнулись и высокое напряжение было подано на детонаторы, присоединенные к слою взрывчатки. Ударная волна от взрыва быстро сжала разделенные части плутония. В свою очередь, плотная плутониевая сфера сжала маленький «курок» — частицы бериллия и полония. Альфа-частицы, испускаемые полонием, воздействовали на бериллий, который испускал пучок нейтронов в окружающий его темно-серый металл. Через миллисекунду город Нагасаки превратился в кладбище.

«Толстяк» взорвался в северо-западной ножке буквы Х, как раз к северо-востоку от стадиона в долине Ураками. В момент взрыва возникла интенсивная бело-голубая вспышка, как при взрыве большого количества магния. Весь район взрыва закрыло равномерным смогом. Одновременно распространялся ужасный грохот, сокрушительная ударная волна и обжигающее температурное поле.

В семистах пятидесяти метрах к северо-востоку крыша и купол католического храма обрушились на прихожан, которые сразу же погибли. В окружной тюрьме Нагасаки, расположенной к северу от эпицентра взрыва, 118 охранников и заключенных увидели яркую вспышку, и это было последнее, что они наблюдали в своей жизни. Носильщик так и не поднялся, чтобы встретить проходящий поезд: крыша здания упала ему на голову. Сортировщица посылок, порезавшись стеклом от выбитых окон, выбежала на улицу, где люди прыгали в воду, спасаясь от ожогов. Прибывающий поезд остановился, чтобы высадить пассажиров около

входа в долину Ураками. Большинство из них так и не вышло из вагонов. Выбитые окна превратили вагоны в форменную мясорубку. Несколько голов каталось по проходам между купе, а раненые японцы, натыкаясь на трупы, пытались выбраться из поезда.

В шести километрах к югу от эпицентра взрыва рухнули деревянные бараки в Камиго. Во время взрыва Фуса Кавауси была в пещере около водяного насоса. Она не видела вспышки, но слышала звук, похожий на звук приближающейся машины. Она посмотрела на девочку напротив пещеры и заметила, что ее лицо было покрыто гарью и копотью. Две девочки поднялись и направились к выходу из пещеры. То, что они увидели, было невероятно.

Огненный шар от взрыва через несколько секунд заполнил всю долину и перевалил за окружающие ее хребты. Ударная волна достигла морского порта. Горожане сотнями лежали среди обломков, прося дать воды. Живые создания, отдаленно похожие на людей, ходили, как фантомы, со свисающими кусками кожи и обожженными торсами.

В полутора милях к северу от центра огненного шара младший лейтенант голландских военно-морских сил Джолли лежал под столом в лагере военнопленных. Он видел, как были сброшены какие-то предметы на парашютах, а затем вспышку. Инстинктивно он нырнул под стол в тот момент, когда здание стало рушиться. Он смог выжить в отличие от других заключенных, умерших в первые же секунды. Еще одним военнопленным был американский машинист второго класса Джек Мэдисон, захваченный три года назад на Коррехидоре. Он стоял около мешка с углем в двух милях от взрыва. Его вместе с шестью другими заключенными охранял ленивый японский полицейский, который мельком взглянул на небо, когда «Машина Бока» пронеслась над ними. Никто не уделил большого внимания самолету, направившемуся к долине Ураками.

Мэдисон не увидел вспышки и не почувствовал взрыва, его просто бросило на мешок с углем, и он потерял сознание.

В медицинском колледже Нагасаки, расположенном к юго-востоку от эпицентра, доктор Сирабе услышал звук самолета и направился к выходу. Комната позади него в один момент превратилась в обломки, погрузившись в полную темноту. Когда стало светло, доктор Сирабе присоединился к тем немногим выжившим, пытавшимся найти выход из горящего здания. Им в спину неслись дикие крики пациентов, оказавшихся в своих постелях, как в ловушке.

Над тем, что осталось от долины Ураками, в стратосфере поднимался большой столб дыма, как огромный джинн, выпущенный после многолетнего заточения. У его ног развернулась картина полного разрушения, как будто это живое существо снесло все в отместку за свое заточение. Все преобразилось, меняя свою цветовую гамму на пурпурный, оранжевый, золотой и белый цвета. Джинн с огромной головой направился в безграничные просторы, оставляя за собой умирающую долину.

Экипажи «Машины Бока» и «Большого артиста» были ошеломлены открывшимся им зрелищем. Короткая сверкающая пурпурно-белая вспышка озарила небо. Внизу они могли видеть только круговорот дыма там, где раньше была долина Ураками. Центр города казался нетронутым. В периферийной части взрыва образовались многочисленные пожары на склонах гор. Паппи Дехарт сидел в хвостовой части «Машины Бока», снимая взрыв на кинокамеру, данную ему доктором Альваресом.

Однако два последствия разразившегося взрыва все еще угрожали жизни экипажей. Первый — серия ударных волн. Когда Суини развернулся к городу, чтобы убедиться в правильности точки сброса бомбы, они с Албури увидели проходящие через воздушное пространство волны, словно это была рябь на поверхности пруду.

да. Когда ударные волны достигли самолета, Ашворту показалось, что он находится в металлическом мусорном бачке, по крышке которого бьют бейсбольной битой. После третьего удара он предположил, что это зенитная артиллерия. Вместо двух или трех, как предполагал Джим Ван Пелт, он насчитал целых пять ударов этих волн.

В «Большом артисте» Лоуренс что-то яростно писал в своей записной книжке. Он также ощутил пять ударов, бросавших машину, как былинку. Штурман Лен Годфри был поражен мощностью взрыва. Пока он приходил в себя, наблюдатели в хвостовой части самолета заметили, что «гриб» преследует их.

В ведущем самолете Рэй Гэллахер увидел вторую опасность — приближающееся к ним снизу радиоактивное облако. Он закричал Суини по внутренней связи: «Майор, убираемся отсюда к черту!» Ван Пелт и Албури тоже заметили приближение облака. Албури сказал Бихану: «Смотри, Би, вот тебе и сто тысяч японцев, которых ты только что убил». Бихан не ответил, не в силах оторваться от страшного зрелища.

Суини увеличил скорость, и вскоре гриб поднялся выше уровня полета километрах в пятнадцати от машины. Он был черно-серый в основании и бело-розовый сверху. Ашворт подумал, что это просто ужасающее зрелище. «Машина Бока» и «Большой артист» взяли курс от Нагасаки.

Пять минут спустя после ухода из района взрыва Спитцер передал сообщение на Тиниан: «В отсутствие самолетов противника и зенитной артиллерии проведена бомбардировка Нагасаки 090158Z. Технические результаты превосходные, однако необходимо обсудить другие факторы, оказавшие влияние на операцию, перед тем как предпринимать дальнейшие шаги. Эффект приблизительно равен Хиросиме. Техническая неисправность самолета вынуждает нас взять курс на Окинаву. Запас топлива только до Окинавы».

Когда «Машина Бока» покинула район Нагасаки, напряжение экипажа спало. Даже серьезность положения с топливом не могла ухудшить настроение летчиков. Они поздравляли друг друга по внутренней связи. Бакли сказал Гэллахеру: «Я крайне редко обращался к молитве, но сегодня я действительно молился».

Имея скудный запас топлива в сто двадцать литров, Суини снизил высоту полета над грядой островов между Кюсю и Окинавой. Он приказал Спитцеру выйти на связь со спасательной командой и предупредить их о возможности падения в океан в этом районе. Сообщения одно за другим отправлялись с самолета и оставались без ответа. Спасательная команда отправилась домой. Им ничего не было известно о задержке над Якосимой и облачности над Кокурой и, предположив, что бомба была удачно сброшена на Кокуру, они решили, что самолеты благополучно вернулись на Тиниан.

В часе полета до авиабазы Ионтан на Окинаве «Машина Бока» попыталась выйти на связь с руководителем полетов. Ответа экипаж не получил. По мере приближения В-29 к базе все более отчаянные сообщения посылались на остров. Ни одно из них не было принято. Суини и Албури уже двенадцать часов управляли самолетом и были совершенно обессилены. Теперь, когда удача забрезжила на горизонте, их ожидало новое испытание. Сигнальная башня не зафиксировала приближение самолета, и группы Р-38 и В-25* уходили в небо или заходили на посадку. Из-за недостатка топлива «Машина Бока» не могла сделать круг над аэродромом и была вынуждена совершить прямую посадку. По приказу пилота Ван Пелт и Спитцер выпустили сигнальные ракеты. Никто на земле не обратил внимания на эти сигналы.

* Р-38 (Локхид Р-38 «Лайтнинг») — американский истребитель и разведчик. В-25 (Норт Америкен В-25 «Митчел») — американский двухмоторный бомбардировщик (прим. ред.).

Позади Суини Ашворт сел на пол и прижался к стене, ожидая жесткой посадки. Суини проревел: «Я хочу связаться с кем-нибудь на этой чертовой вышке на Окинаве! Выстрелите все сигнальные огни, которые у нас есть». Двадцать четыре сигнальные ракеты всех цветов озарили небо. Внутренность самолета осветилась, как поле боя в канонаду. Многочисленные разноцветные сигналы, означающие «мертвые и раненые на борту», привели аэропорт в оцепенение. Этот салют наконец-то привлек внимание внизу. «Машина Бока» начала снижаться и коснулась взлетно-посадочной полосы на скорости 170 км/час. Самолет подпрыгнул и побежал по полосе. Неожиданно его повело влево на группу В-24*, припаркованных слева от полосы. Пытаясь остановить машину, Суини включил обратное вращение пропеллеров. Усовершенствование Куртиса помогло остановить скачку В-29 до того, как он вылетел за бетонную полосу. В эти секунды, пассажиры в задней части самолета летали от стенки к стенке, как монеты при игре в орлянку.

На взлетной полосе появился джип для сопровождения «Машины Бока» к месту стоянки. Автомобили скорой помощи и пожарные ожидали полной остановки самолета. Когда Суини выключил моторы, внутри В-29 установилась жуткая тишина. После открытия дверей к самолету подошел человек и спросил, где мертвые и раненые. Таких в самолете не оказалось, но в нескольких сотнях миль к северу их были тысячи.

* * *

Грибообразное облако в Нагасаки разносилось ветром, и картина, открывавшаяся под ним, становилась все более ужасающей.

* В-24 (Консолитейед В-24 «Либерейтор») — американский тяжелый четырехмоторный бомбардировщик (*при. ред.*).

Через двадцать минут Джек Мэдисон очнулся на дне угольной ямы. У него кровоточила голова, и были сломаны два ребра. Около него окровавленный британский пленный держался руками за голову. Мэдисон посмотрел вверх и увидел серебряный В-29, медленно летящий вокруг гриба. Это был потерявшийся самолет-«фотограф», привлеченный в этот район вспышкой от взрыва «Толстяка». Держа курс на юг, пилот Хопкинс пролетел над изувеченной долиной на высоте одиннадцати километров. Бомбардир Майрон Фарино заметил, что северо-западная часть Нагасаки окутана покрывалом из пыли и дыма. В других частях города они могли видеть нетронутые строения. Высота атомного облака под самолетом с камерой составляла еще около 6 километров. Хопкинс направился на Окинаву.

Джек Мэдисон встал на ноги. В его группе не было убитых, так как все они находились за холмом, смягчившим удар. В это время появились японские охранники и приказали следовать за ними.

Большая часть города была охвачена огнем. Целые потоки беженцев пытались вырваться из этого ада. Многие передвигались с трудом, требуя воды, и падали на землю, умирая в конвульсиях. На их коже были ожоги, но что гораздо страшнее, невидимое гамма-излучение проникло в кровь, поставив на них знак смерти.

Почти половина медицинского персонала Нагасаки умерло в первые минуты, в результате чего раненые не получили медицинской помощи. Одним из погибших был доктор Цунео, только что вернувшийся из Хиросимы. Вторая атомная бомба застала его в кабинете медицинского колледжа. Хотя друзья помогли ему выбраться на близлежащую возвышенность, спасти его было невозможно. Некоторые врачи и медсестры были настолько потрясены масштабностью катастрофы, что обратились в бегство от страждущих их помощи. Было уже слишком поздно, когда совесть заставила их рассказать в содеянном.

Вскоре после полудня в долине Ураками начался легкий дождь. Капли были черными из-за сажи и пыли атомного гриба. Дождь помог остановить распространение огня, пожирающего остатки деревянных строений, и омыл лица людей, выползающих из тлеющих развалин.

Деревья были вырваны с корнем. В десяти километрах от точки взрыва в деревне Моги разбилось каждое десятое окно. На площади в 400 гектаров от эпицентра были разрушены все здания, кроме железобетонных, внутри которых, в свою очередь, царило полное опустошение. Каждое строение в долине и северо-восточной оконечности гавани было либо разрушено, либо сильно повреждено. Восемнадцать школ были снесены до фундамента. От парка трамвайных вагонов практически ничего не осталось. Металлургический комплекс «Мицубиси» превратился в руины. Огромный завод по производству снарядов в свете кроваво-красного солнца напоминал скелет доисторического животного с ребрами и внутренностями, опаленными взрывом и огнем.

Губернатор Нагано смог выжить в этом кошмаре для того, чтобы бороться за спасение своего города. Когда его озарила вспышка, он, помня советы издателя Нишиоки, распластался на земле, благодаря чему и остался в живых. Все противопожарное оборудование сгорело дотла. Телефонные линии были оборваны, а водопроводные магистрали имели утечки в сотнях мест. Нагано обратился за помощью. Хотя семь километров основного шоссе на Омуру были полностью разрушены, спасательные команды вскоре после полудня приступили к своим обязанностям.

К часу дня потоки беженцев хлынули в восточном направлении к подножью гор — в Нишияму и в менее разрушенные кварталы города в районе гавани. Подавляющее большинство горожан было обнажено, волосы опалены либо выжжены вовсе, люди жалобно стонали от черных раздувшихся ожогов. На лицах были замет-

ны только впадины от глаз и выступ на том месте, где был нос. Одних непрерывно рвало, другие жестоко страдали от диареи. Спасатели проходили мимо этой адской процессии в направлении долины, над которой все еще колебался атомный гриб. Когда американские самолеты-разведчики прилетели для того, чтобы установить масштаб причиненного ущерба, на них почти не обратили внимания.

По склону горы за медицинской школой шел персонал госпиталя, помогая передвигаться обожженным пациентам. Менее пострадавшие несли на своих спинах детей.

К четырем часам спасатели расчистили железнодорожную ветку в долину Ураками, и первый поезд с ранеными направился в военно-морской госпиталь Омуры, расположенный в сорока километрах от Нагаоки. Летняя жара ускоряла разложение тысяч трупов, разбросанных на улицах города. Понимая это, губернатор Нагано приказал начать массовую кремацию как можно быстрее.

В тот день сумерки в Ураками наступили раньше из-за смога, висевшего над землей. Море огня полыхало в долине. Ее жители, расположившись на склонах гор, наблюдали за тем, как горят их дома. С наступлением темноты добровольцы в свете пожаров стали собирать трупы. Тела складывали штабелями. Семьи сжигали отдельно останки своих родных и близких, чтобы их не сожгли в общей куче. Множество костров, разведенных в долине, дополняло пейзаж. Людям некуда было идти, и выжившие возвращались к руинам своих домов в долину реки Ураками.

* * *

Экипаж «Машины Бока» провел на Окинаве не менее двух часов. Через несколько минут после его аварийной посадки приземлился «Большой артист» Фреда Бока. А еще через час к ним присоединился потерявшийся самолет-«фотограф», экипаж которого

был встречен с нескрываемым сарказмом. В это время Суини и Ашворт докладывали о полете генералу Джими Дулитлу — командиру 8-го воздушного корпуса, базирующегося на Окинаве. К тому моменту, когда они покинули остров, взяв курс на Тиниан, только он из всех военных на Окинаве знал, какое задание выполняла «Машина Бока».

По пути на Марианские острова большинство летчиков уснуло. В 22.25 самолеты приземлились на Тиниане — двадцать часов спустя после начала операции.

Парнелл, Фаррел, Рамси, Тиббетс и другие собрались на короткое совещание, после чего экипажи были отпущены на отдых. Репортер «Таймс» Бил Лоуренс сел писать очерк о совершенном рейде, который принес ему впоследствии Пулитцеровскую премию. Полностью опустошенный Кермит Бихан отправился в постель. В этот день ему исполнилось двадцать семь лет. Другие были слишком напряжены, чтобы отдыхать. Двое офицеров 509-й группы пили в баре офицерского клуба до пяти утра. Затем они угнали генеральский джип и попытались на нем добраться до барака, где ночевали Бихан и Дон Албури. Многим на Тиниане было очень трудно заснуть в ту ночь.

В центре связи Том Фаррел отправил закодированное сообщение своему начальнику в Вашингтон:

«Гровзу. Лично. От Фаррела. APCOM 5479. Совершенно секретно.»

Ударный самолет и самолеты сопровождения вернулись на Тиниан. Сообщение Ашворта №44 с Окинавы подтверждено всеми наблюдателями. Во время взрыва образовалось огромное атомное облако, поэтому для выявления конкретной точки удара необходимо дожждаться фотографий. После отчета создается впечатление о превосходно выполненной работе. Особую роль в успехе операции сыграли Ашворт и Суини. Следует отметить их стойкость».

В двух тысячах километров к северу враг тоже не мог уснуть. Люди сидели в токийском убежище и ждали новых сообщений. Прошедший день явился полной катастрофой. СССР напал на Маньчжурию, а вторая атомная бомба унесла жизни тысяч японцев. Люди в убежище обсуждали страшное слово «капитуляция». Окончательное решение ожидалось в ближайшие часы.

Глава 7

БОМБОУБЕЖИЩЕ

Одиннадцать человек собрались на необычное заседание. Они сидели за длинным столом, покрытым скатертью. Комната была маленькая: пять с половиной на девять метров, с металлическим потолком, облицованными деревом стенами и очень плохой вентиляцией. Был влажный августовский вечер. В помещении сказывался недостаток свежего воздуха. Присутствующие были в мундирах с стоячими воротниками, и это еще больше затрудняло их дыхание.

Четверо являлись секретарями, один — гостем, оставшиеся назывались Большой шестеркой — тайным кабинетом Японии, формально носящим название Высший военный совет*. Этим шестерым, четверем членам кабинета министров и двум главнокомандующим было поручено формирование политической линии государства, подлежащей дальнейшему утверждению кабинетом министров. А это фактически решение судьбы восьмидесяти миллионов подданных Японской империи.

Тайный кабинет действовал очень осторожно, так как летом 1945 года реальная власть в Японии принадлежала командованию армии и военно-морского флота. Парламент Японии, сходный по структуре с конг-

*Автор имеет в виду Высший совет по руководству войной, некоторые заседания которого проходили при участии императора. В таких случаях употреблялось название Императорский совет (*прим. ред.*).

рессом США, играл роль чисто бюрократического органа. Некогда могущественный Тайный совет* — группа советников Трона — обо всем извещался постфактум. Экс-премьеры, или дзусины, не обладали официальными полномочиями, однако могли оказывать давление, как, например, в случае с удалением генерала Тодзио в 1944 году. Кабинет, смоделированный по примеру американского и английского, практически утратил самостоятельность и попал под влияние военных. Над всеми этими структурами находился император Японии, который мог выражать свое мнение, но по традиции не проводил своей политической линии. Он не имел права вето, и, например, в эту ночь мог только предложить свой вариант развития событий участникам собрания в бомбоубежище.

Официальным лидером Большой шестерки был премьер Кантаро Судзуки, прославленный и почитаемый герой Войны 1904—1905 годов с Россией. Тогда, будучи молодым офицером, он возглавил рискованную акцию против царского флота у острова Цусима. Восьмидесятилетний адмирал в ранге премьера часто озадачивал окружение своими противоречивыми высказываниями. Сегодня, например, он мог заявить, что будет стоять в войне до победного конца, а уже завтра убеждать сторонников мирных переговоров в том, что им необходимо немедленно приступить к активным действиям. Некоторые полагали, что это неоднозначное поведение являлось результатом его преклонного возраста. Глухой на одно ухо, Судзуки частенько засыпал на советах, пропуская целые разделы обсуждаемой темы и позволял другим проводить их линию, отсиживаясь в тени. Будучи злостным курильщиком в прошлом, сейчас, в 1945 году, он выкуривал всего лишь две сигары в день. Он любил посидеть, раскладывая пасьянс или

* Тайный совет - государственный орган, членов которого назначал император. Тайный совет утверждал законы, договоры с другими государствами и назначение на высшие гражданские и военные посты (*прим. ред.*).

читая книги по даосизму, потягивая при этом рюмочку сакэ, одну из своих ежедневных пяти. У него были огромные уши и морщинистое усатое лицо, на котором часто играла улыбка. Даже люди, находящиеся в оппозиции, обожали его. Судзуки был одним из немногих в правящей верхушке, кто не имел личных врагов.

И все же премьер опасался политического убийства. Он не понаслышке знал силу военных фанатиков. Девятью годами раньше, 26 февраля 1936 года, сотни военных офицеров организовали дикую оргию. Судзуки еле выжил, получив три ранения. Он все еще помнил те события, а его тело хранило шрамы*. Летом 1945 года на руинах обожаемой им империи он пытался выполнить поручение императора прекратить войну, однако не мог предпринять активных действий. Во время обсуждений на высоком уровне он постоянно колебался, противоречил себе, осторожно выведывая обстановку в стане военных. Судзуки намеревался привести Японию к капитуляции, но так же, как и многие другие в Токио, он знал, что преждевременная огласка своих намерений приведет его к смерти. Бессмысленность продолжения войны была ему понятна и без бомбардировки Нагасаки. Когда утром 9 августа советские войска пересекли границу с Маньчжурией, премьер воскликнул: «Игра окончена». Сейчас, несколько часов спустя, на заседании со своими коллегами он

* 26 февраля 1936 года группа так называемых «молодых офицеров» предприняла попытку военного переворота, направленного на устранение видных лидеров умеренно-консервативного лагеря и приведение к власти наиболее агрессивно настроенных политиков и военных. Заговорщики убили бывшего премьера адмирала Сайто, министра финансов Такахаси, некоторых других высокопоставленных чиновников и военных. Премьер-министр Окада случайно избежал смерти — путчисты по ошибке убили его шурина. В течение трех дней участники переворота удерживали парламент, военное министерство, главное полицейское управление. 29 февраля мятежники, не получив поддержки со стороны гарнизона Токио и морского флота, сложили оружие. 17 главарей путча были расстреляны. На исход выступления экстремистов повлияло участие в нем до полутора тысяч рядовых солдат, что весьма напугало правящую верхушку Японии (прим. ред.).

был полон желания проявить свою волю и вывести страну из войны.

В императорском бомбоубежище около Судзуки сидел шестидесятитрехлетний министр иностранных дел Шигенори Того, ярый сторонник капитуляции. Хотя позже союзники привлекли его к суду как военного преступника за действия на посту министра иностранных дел в период нападения на Пёрл-Харбор, Того приложил максимальные усилия к выходу из войны летом 1945 года. Блестящий интеллект, с точки зрения людей, общающихся с ним ежедневно, он был очень черствым человеком. Будучи догматиком, Того презрительно относился к любому мнению, противоречащему его собственному, а вспышки его гнева выражались в ядовитом красноречии. Безобидная внешность и очки маскировали яркую индивидуальность, которая причиняла его друзьям массу трудностей, а его врагам множество неудобств.

С 1942 года Того был в отставке в результате спора, возникшего у него с военными, а в 1945 году, когда Судзуки стал премьером, Того по настоятельной просьбе дзусина опять возглавил министерство иностранных дел. Он согласился на этот шаг только после того, как Судзуки уверил его в том, что он намеревается положить конец войне как можно скорее. Так же как и Судзуки, он был вынужден проявлять осторожность, дабы не возникла возможность путча со стороны фанатиков-военных. Он тоже опасался за свою жизнь тем долгим летом 1945 года.

Третьим членом «мирной фракции» был министр военно-морского флота адмирал Мицумаса Ионаи, чье обветренное лицо было хорошо знакомо представителям высших правительственных кругов, в которых он пребывал в течение 20 лет. Черты лица выдавали в нем большого любителя виски. Под глазами его некогда красивого лица образовались огромные мешки, щеки были изрезаны складками, а на носу выступили вены.

И все же на его лице постоянно теплилась улыбка, которая привлекала его сторонников.

У Ионаи была масса противников, которые ненавидели его пацифистскую позицию. Будучи премьер-министром в 1940 году, он вошел в противоречия с японским генералитетом в вопросе о союзе с Германией и Италией, что и привело к его отставке. Выступая против войны с Соединенными Штатами, он был подвергнут гонениям и отправлен на пенсию во времена захвата Японией южной части Тихого океана в 1941 году. В течение трех долгих лет, пока американцы прокладывали свой путь на Марианские острова, Ионаи пребывал в забвении. С падением кабинета Тодзио в июле 1944 года Ионаи был приглашен в министерство военно-морского флота кабинета Койсо. Более того, фактически он являлся советником Койсо, оказывая нужное дзусину влияние. С приходом Судзуки он стал министром военно-морского флота.

Как было замечено в описании попыток, предпринятых Фудзимурой, Ионаи также действовал очень осторожно. Его одолевали те же страхи, что и Судзуки, и Того. Смерть таилась в бараках и казармах, офицерских клубах и сердцах молодых военных, не желающих мириться с поражением. Ионаи должен был ждать удобного момента, когда чаша весов склонится в его сторону. Сегодня он сидел около своего неизменного спутника Кантаро Судзуки и готовился к нанесению решающего удара. События последних дней: Хиросима, Нагасаки, захват Маньчжурии СССР — склонили чашу весов в его пользу.

Остальные члены Большой шестерки были против Того, Ионаи и Судзуки. Их лидером был генерал Корешика Анами — министр обороны, представитель интересов армии и самый влиятельный человек в Японии.

Всего лишь несколько месяцев назад пятидесятилетний генерал был назначен министром обороны в

кабинете Судзуки. Однако это назначение не удовлетворило его амбиции. Империя находилась в руинах. Многомиллионная армия Анами была обречена. Ее запасы начали истощаться. Хотя тактически императорские войска еще могли причинить немалый вред противнику, война была проиграна. Однако Анами мог разыграть последнюю карту. Его солдаты могли нанести такой большой урон американцам на побережье Кюсю и Хонсю, что Япония в конце концов оказалась бы в состоянии добиться приемлемых условий заключения мира с победителями.

Генерал был упрямым человеком, карьера которого говорила о его стремлении преуспеть любой ценой. В свое время он поступил в военную академию только с четвертого раза. После окончания школы он отслужил в армии в период после первой мировой войны и в 1926 году был назначен на престижную должность помощника Хирохито. Там он познакомился с маркизом Кидо, также помощником императора, впоследствии ставшим самым влиятельным советником Хирохито.

Анами не был одним из фанатиков, узурпировавших власть в Маньчжурии. Во времена жарких дебатов между различными фракциями военной клики в бурные тридцатые годы он старался держаться центристской позиции. Он стремительно поднимался по служебной лестнице. После Пёрл-Харбора Анами уже командовал японской армией в голландской Ост-Индии, а затем его опять поглотили токийские интриги. С падением кабинета Койсо его кандидатура на роль министра обороны казалась приемлемой сторонникам и войны, и мира.

Анами казался серой личностью, особенно по сравнению со своими предшественниками, такими как Тодзио. Тщательно выбритые и подстриженные усы были единственной яркой чертой его внешности доброго дедушки. Плотный, но не тучный генерал был в прекрасной форме благодаря его увлечениям стрельбой

из лука и кендо*. Каждое утро он уделял несколько минут стрельбе из лука, полагая, что это поможет ему сосредоточиться.

К молодым офицерам Анами относился по-отечески. Он яростно выступал против тех, кто высказывался в пользу заключения мира. Генерал часто соглашался с основным тезисом обсуждаемой проблемы, после чего вступал в бурную дискуссию относительно второстепенных деталей. Именно такой человек возглавлял ведущую силу Японии — армию. Он должен был либо разоружить ее, либо увидеть ее поражение. Никто не мог уговорить Анами не вступать в последнее сражение, на котором он настаивал.

Его начальник штаба сидел рядом. Генерал Иосидзиро Умедзу, выглядевший, как восточная версия Бенито Муссолини, ассоциировался у американцев с образом типичного японского военачальника: бритая голова, узкие щелочки глаз, таящие в себе скрытую угрозу. Его губы были постоянно поджаты, из-за чего казалось, что он всегда чем-то недоволен.

Умедзу был жестким, грубым солдафоном — типичным представителем Квантунской армии. Как и Тодзио, он был в центре событий, развернувшихся в 1931—1940 годах, во время захвата Маньчжурии и Китая. Один из представителей маленькой группы, определившей судьбу Японии в тот период, он был ответственен за все несчастья, охватившие нацию впоследствии. Тем не менее Умедзу видел надвигающееся поражение. Он лишь хотел получить более выгодные условия мира, чем предлагаемые в Потсдамской декларации. От козырька фуражки до кончика шпор его блестящих сапог Умедзу являлся воплощением дилеммы, стоящей перед Японией: армия должна либо заключить мир с честью, либо бороться до последней капли крови.

Шестым членом совета был адмирал Соему Тоёда,

* Кендо — фехтование бамбуковыми палками.

тучный мужчина с рябым лицом, — начальник штаба военно-морского флота. Он был назначен на должность самым последним из присутствующих по рекомендации Ионаи в силу своей компетентности, а также по другой, менее очевидной причине: Тоёда был выходцем из того же самого клана и той же самой местности, что и генерал Умедзу. Предполагая, что Тоёда склоняется к заключению мира, Ионаи думал, что адмирал окажет положительное влияние на Умедзу во время дискуссии. Его расчеты оказались неверными.

Во время этих встреч Тоёда яростно защищал позицию армии. После абсолютного поражения военно-морского флота в Тихом океане адмирал оказал полную моральную поддержку своим коллегам. Будучи самым проницательным из тройки, он блестяще разбивал аргументы оппозиции и находил недостатки в каждом ее предложении. Его речи были рассудительными и красноречивыми. Шестидесятилетний Тоёда был известен как крайний националист. И вместо сопротивления генералам он выступил в их поддержку.

Гостем заседания был пожилой барон Кийсиро Хиранума, не имевший официального права находиться там. Как председатель Тайного совета, консультационного органа императора, он одобрял решения, представленные всем кабинетом. Хиранума был приглашен в качестве наблюдателя, который затем представит отчет о заседании членов Тайного совета, чтобы ускорить процесс принятия решения в парламенте. Тем не менее он намеревался не только слушать, но и участвовать в обсуждении, выдвигать аргументы, задавать вопросы и вообще оказать давление на участников, чтобы помочь им прийти к решению.

Ветеран переговоров на высоком уровне в Японии, Хиранума идеально подходил для этой работы. В свои восемьдесят лет он пережил десятилетия внутренней политической борьбы, которая характерна для японской политики. Ловкий и коварный тактик, барон не понес больших потерь за время своей карьеры. Он был

ультранационалистом, жестким конституционалистом, оказывал поддержку различным националистическим группам, чья общепризнанная цель состояла в усилении имперских институтов. Как лидер крайне правой организации «Кукахонша» он обладал огромным влиянием на формирование кабинетов в бурные годы после первой мировой войны. В 1927 году он сумел убрать реформаторский кабинет Вакацуки и способствовал назначению премьером генерала Танака. Именно с этого момента японская политика все более и более определялась амбициозными военными группами, в результате чего Хиранума стал раскаиваться в проведенной замене.

В 1939 году Хиранума стал премьером. Он попытался ослабить реакционные тенденции и остановить захват армией Китая, но не достиг успеха ни в одном из этих начинаний. Всю жизнь посвятив укреплению империи, он не хотел образования диктаторского монстра, который появился из Маньчжурии в облике Квантунской армии, постепенно доставая своими щупальцами все государственные институты. По сравнению с другими представителями правящей элиты барон был светочем реформ. Даже после того как армейская верхушка удалила его от власти, Хиранума продолжал сражаться против нее. В 1941 году на него было совершено покушение, тогда же он выступил против войны с Америкой. Когда Тодзио стал премьер-министром, влияние Хиранумы сошло на нет. Когда война подходила к концу, он предпринял еще одну попытку свести враждующие фракции в правительстве для выработки ответа на предложение союзников.

Большая шестерка, их помощники и Хиранума ждали двадцать пять минут, прежде чем дверь в императорские покои открылась и вошел правитель с аьютантом. Хирохито быстро прошел к стулу с прямой спинкой во главе стола. Подчиненные поклонились ему и снова заняли свои места. Все были очень встревожены, увидев, что волосы императора не причесаны и беспор-

рядочно свисают на лоб. Его сумрачный взгляд не имел ничего общего со взором солнцеподобного императора. Хирохито откашлялся и стал ждать начала дебатов.

* * *

Фигура императора не была внушительна. В очках, невысокий, со скошенным подбородком, он был крайне застенчив. Его правая щека и плечи постоянно дергались из-за нервного тика. У него был высокий голос. И все же для миллионов подданных он являлся божественным существом, вне мирской критики и выше любого сравнения с простым смертным.

Император считался потомком богини солнца Аматерасу. Рожденный в 1901 году, Хирохито получил традиционное воспитание. Его миром управляли советники, внушавшие ему миф о божественном происхождении его предков. В подростковом возрасте он поссорился с профессором Ширатори, учителем истории, из-за мифа о его происхождении. Юный принц отказался принять тезис учителя, мотивируя это биологической невозможностью. Не на шутку встревоженный Ширатори доложил о богохульстве Хирохито, к которому был срочно вызван принц Сайондзи для увещевания ученика. Сайондзи также не верил в божественное происхождение и вынужден был прибегнуть к компромиссу. До тех пор, пока Хирохито держит свои сомнения о происхождении при себе, общественному имиджу императорской фамилии не будет нанесен ущерб, народные массы могут почитать императора и черпать в нем жизненные силы. Хирохито согласился не разрушать устой государства. Он проводил все меньше времени с профессором истории и занялся биологией моря, в которой со временем стал всемирно признанным экспертом.

Будучи кронпринцем, он шокировал консервативную часть двора, настояв на своей поездке в Европу. Еще никогда японский наследник не покидал пределов страны. Несмотря на сильные возражения, в компании

с принцем Уэльским Эдвардом он посетил Лондон, Париж и Рим и был взволнован блеском западной жизни.

Спустя два года после возвращения в свой уединенный мир в императорском дворце, он женился на принцессе Нагако, с которой был обручен уже пять лет. На тот момент он видел ее всего лишь девять раз. Их помолвка положила начало распрям при дворе, так как различные группы начали противоборство за высокую честь представления невесты будущему императору. Хотя Нагако была оклеветана своими завистниками, она стойко продержалась весь период помолвки и вышла замуж за нервного принца 26 января 1924 года. Чуть менее двух лет спустя, в декабре 1926 года, Хирохито стал сто двадцать четвертым императором Японии. Его отец Тайсё* был безумен большую часть своего правления и умер, не вызвав сожаления у большей части двора. Тайсё пребывал в нереальном мире. Однажды он сидел в парламенте, глаза на законодателей через газету, свернутую трубочкой. Тайсё лишь назывался правителем.

Его старший сын продолжил императорские традиции. Как и предыдущие монархи, он выбрал новый девиз для своего царствования. Хирохито назвал его Сёва, что означает Мир**.

Вместе с Нагако он растил детей и отдавался второй своей привязанности — изучению моря. Он пассивно наблюдал, как Япония пала под напором военных, что имело пагубные последствия. Возможно, император мог возвысить свой голос, но он не должен был вмешиваться в мирские интриги. Он сидел за серыми стенами дворца, а его подданные в это время зажигали огонь войны в Тихом океане. Спустя три года и восемь месяцев после нападения на Пёрл-Харбор

* Тайсё — девиз правления 123-го императора Японии, означающий «великая справедливость» (прим. ред.).

** Точнее: «просвещенный мир» (прим. ред.).

японский император получил осязаемое доказательство того, что царство Мира оказалось всего лишь иллюзией. Удрученный увиденной картиной, он попытался включиться в мирные переговоры и настоял на том, чтобы направить принца Коноэ в СССР. И сейчас, на закате его империи, он был готов предоставить свои полномочия колеблющимся государственным деятелям. «Божественное происхождение» и история предоставили ему власть. Сейчас он намеревался воспользоваться ею.

* * *

Премьер Судзуки встал слева от императора и обратился к собравшимся: «Я бы хотел, чтобы секретарь зачитал текст Потсдамской декларации еще раз».

Человек с густыми бровями — секретарь Хисацуне Сакомидзу — быстро перечислил требования союзников, которые каждый из присутствующих знал наизусть. Затем Судзуки описал сложности в достижении соглашения. На двух предыдущих встречах Большой шестерки мнения разделились — 3:3. На заседании кабинета четырнадцати министров также не было достигнуто согласия. Шесть министров высказались за мир только при условии неизменности статуса императора. Анами, Умедзу и Тоёда требовали выполнения этого условия, а также трех других: Японии будет позволено самой судить своих военных преступников, Японии разрешается самостоятельно разоружиться, Америка не оккупирует Японские острова. Они настаивали на двух последних пунктах, чтобы исключить возможные трения в будущем между победителями и побежденным. Пять других министров выступили за заключение мира с различными отступлениями от четырех условий, выдвинутых Анами, Умедзу и Тоёдой.

Пока Судзуки описывал ничем не закончившиеся дискуссии того дня, чтобы, вероятно, проинформировать императора, Анами сидел, полыхая от негодования. Он был в ярости из-за присутствия гостя — Хира-

нумы. Наклонившись к Умедзу, он прошептал: «Хирануме здесь нечего делать. Они попробуют обмануть нас. Будем стоять на своем». Умедзу взглянул через стол на престарелого интригана и согласился.

После вступительных замечаний Судзуки попросил Того высказать свое мнение. Министр иностранных дел поднялся, поклонился императору и начал говорить: «Принятие Потсдамской декларации — это позор, и все же мы должны это сделать». Изредка поглядывая в свои заметки, он заявил, что это безумие — сидеть здесь в бездействии, в то время как вся Япония охвачена огнем. Его круглые очки сверкнули в свете лампы, когда он с жаром заключил: «Мы должны принять Потсдамскую декларацию с единственным условием неизменности статуса императора». Он сел.

Судзуки попросил высказаться адмирала Ионаи. Министр военно-морского флота заявил, даже не вставая, как бы в полудреме:

— Я согласен с министром иностранных дел.

Анами бросился в атаку и, указывая пальцем на Ионаи, закричал:

— Нет и нет! У нас есть решимость выиграть последнюю битву на Японских островах. До тех пор, пока не будут удовлетворены четыре условия, у нас нет другого выхода. Мы будем бороться.

Генерал Умедзу лишь повторил слова предыдущего оратора и добавил:

— Я не возражаю против принятия Потсдамской декларации, но четыре условия должны быть удовлетворены.

Премьер Судзуки изменил тактику. Игнорируя адмирала Тоёду, он попросил барона Хирануму высказать свое мнение. Тоёда так и остался с раскрытым ртом. Хиранума поднялся, входя в роль, и обратился к Шигенори Того:

— Почему Россия объявила войну?

Того с жаром отреагировал:

— Россия не хотела быть посредником, а собиралась вступить в войну.

— Россия заявила, что 28 июля японское правительство отказалось принять Потсдамскую декларацию. Это правда?

Того терпеливо ответил:

— Нет, мы не отказывались.

— Тогда почему они заявили об этом?

Того пожал плечами и ответил:

— Это все им только кажется.

Сам премьер-министр Судзуки думал, что говорит правду. Он не отвергал Потсдамскую декларацию. Еще после нескольких вопросов к Того относительно четырех условий, выдвинутых генералами и адмиралом Тоёдой, Хиранума обратился непосредственно к сторонникам войны:

— Вы сказали, что у вас есть средства продолжить войну, но авианалеты случаются каждый день и каждую ночь. Есть ли у вас оружие, чтобы защитить страну от атомной бомбы?

Генерал Анами не ответил. Он был крайне раздражен присутствием Хиранумы на встрече. Его одолевали другие мысли. Офицеры разведки из Осаки проинформировали его о допросе захваченного американского пилота, лейтенанта Маркуса Макдилды. Невероятная информация о размере и мощности атомной бомбы, ее характеристиках не так впечатлила Анами, как сообщение о том, что следующей целью может стать сам Токио. Никто не решался отрицать, что слова, сказанные Макдилдой, являются правдой. Эта возможность рисовалась как кошмар.

Вместо Анами Умедзу ответил на вопрос Хиранумы:

— У нас есть новый план, и мы надеемся на отличные результаты. Что же касается атомной бомбы, мы можем избежать страшных последствий, если примем соответствующие меры защиты против самолетов.

Хиранума спросил Тоёду, имеют ли военно-морские силы свой план защиты. Адмирал ответил:

— Мы планировали применить наши самолеты против американских, но в защите Японских островов использовать их мы не сможем.

Хиранума обратился к Умедзу с вопросом, составили ли сухопутные войска планы действий на случай непредвиденных обстоятельств. Умедзу ответил:

— Наша самая большая проблема — это производство оружия.

— А как насчет Токио? Побережье Кудзикури готово к отражению налетов и возможных десантов?

— Нет.

— На какие силы ляжет защита этого района? Чем они укомплектованы?

— Оружие и оборудование для этих сил не может быть готово раньше 15 сентября.

Затаенное чувство тревоги распространилось вокруг стола. Анами и Умедзу почувствовали себя немного неловко. Хиранума задал еще несколько вопросов военным и внезапно бросил с отвращением:

— Каким же образом вы полагаете продолжить войну при существующих условиях?

Анами, Умедзу и Тоёда онемели. Барон закончил свою речь, предупредив присутствующих об опасности левой революции. Он заявил:

— Я беспокоюсь относительно поддержания общественного порядка.

Судзуки перебил его:

— И я также. В народе неспокойно.

— Следовательно, какой-либо ответ союзникам должен быть составлен. Может быть, переговоры на условиях, предлагаемых армией и военно-морским флотом, будут возможны.

Судзуки еще раз перебил барона, чтобы дать высказаться Тоёде. Адмирал оправился от нападения Хиранумы и пустился в объяснения условий, которые

могли бы облегчить заключение мира. Его основным опасением было восстание в армии, которое казалось весьма реальным в том положении, в котором она пребывала. Необходимо было помочь генералу Анами сохранить твердую позицию среди личного состава. Четыре условия, по мнению выступающего, обеспечивали стабильность его положения.

Мнения были высказаны. Теперь председательствующий Кантаро Судзуки должен был сделать решающий ход. Ранним утром девятого числа сразу после объявления о вступлении СССР в войну он встретился с императором и заключил соглашение, о котором сообщил Того и маркизу Кидо. Хирохито согласился публично выступить в случае, если не обнаружится перевеса одной из партий. Такая ситуация была вероятна, так как утреннее и вечернее заседания накануне не привели к какому-либо решению. Хирохито был обрадован появившейся возможностью способствовать установлению мира. Итак, сцена для решающего акта была готова.

В 2 часа ночи, спустя 2 часа после начала дискуссии в бункере глубоко под улицами Токио, Судзуки совершил свой беспрецедентный ход. Он поднялся и сказал:

— Я полагаю, все присутствующие полностью высказали свое мнение, и сожалею о том, что мы не смогли прийти к какому-либо соглашению. Учитывая жизненную важность вопроса, у нас не остается другого выхода, кроме как положиться на мнение Его Величества. И он обратился к императору: «Требуется Ваше решение по вопросу о том, какой проект следует принять: проект МИДа или четыре условия военных».

Судзуки поставил оппозицию в тупик. Военные не могли ожидать того, что император примет участие в обсуждении. Судзуки попросил 124-го императора японского народа принять решение мирского вопроса о том, что для них будет лучше.

В комнате все замерли, напряженно глядя на человека во главе стола. Хирохито поднялся. Он начал медленно говорить, как будто подбирая нужные слова:

— Я согласен с планом министерства иностранных дел. Я долго размышлял над ситуацией в стране и за рубежом и заключил, что продолжение войны означает разрушение нации, продолжение бессмысленного и жестокого кровопролития. Те, кто ратует сегодня за продолжение войны, однажды уверили меня в том, что новые батальоны и их обеспечение будут готовы на Кудзикурихаме* к июню. Теперь я вижу, что этого не будет даже к сентябрю. Тем, кто хочет вступить в последнюю битву на нашей собственной земле, позвольте мне напомнить о расхождении в их предыдущих планах с тем, что получилось на самом деле. Я не могу больше смотреть на страдания невинного народа. Окончание войны является единственным способом установить мир во всем мире и освободить нацию от ужасного бедствия, — на лицо императора набежала тень печали. — Я не могу без грусти вспоминать о людях, которые служили мне верой и правдой, солдатах и моряках, убитых и раненых в далеких битвах, о семьях, потерявших все свое имущество и родных во время налетов. Мне невыносимо будет видеть разоружение храбрых солдат японской армии, так же как и невыносимо осознавать, что люди, состоящие у меня на службе, будут наказаны как зачинщики войны. Тем не менее время пришло, и мы должны взять на себя это неподъемное бремя.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Император сделал паузу и заключил:

— Когда я думаю о чувствах моего дедушки, императора Мэйдзи, во время третьего вторжения, я не могу подавить рыдания. Я даю санкцию на принятие предложений союзников на базе, разработанной министерством иностранных дел.

* Побережье в районе Токно (прим. ред.).

Хирохито не стал ждать реакции, а просто поднялся и вышел через дверь, открытую его адъютантом. Одиннадцать человек остались один на один с собственными мыслями по поводу услышанного. Император высказался, он поддержал партию мира, рекомендуя капитуляцию с единственным условием неприкосновенности статуса императорского дома. Согласий и возражений высказано не было. Никто не издал ни звука. Наконец Судзуки поднялся и сказал:

— Решение Его Величества является решением нашего собрания.

Никто не возразил. Премьер прервал собрание до трех часов ночи в его официальной резиденции.

При выходе из помещения завязалась драка. Помощник Умедзу, генерал Иошицуми, хранивший молчание в течение всей встречи, взорвался и кинулся к премьеру Судзуки. Пытаясь ударить старика, он кричал в исступлении: «Вы счастливы? Теперь вы удовлетворены?» Изумленный Судзуки сумел избежать кулаков своего противника благодаря генералу Анами, который встал между ними, защищая премьера. Иошицуми оттащили, а Анами проводил Судзуки в роскошные сады в центре Токио. Серебристый лунный свет играл даже на еловых шишках, разбросанных на земле. Была изумительная летняя ночь.

* * *

Из уединенного сада в императорском дворце одиннадцать человек отправились, чтобы присоединиться к остальным членам кабинета, собравшимся в доме Судзуки. Их целью было выработать соответствующий ответ на американское предложение о мире. Главным, с их точки зрения, было донесение до американской стороны условия о сохранении статуса императора. Никто из присутствующих не сомневался в важности этой работы. Хиранума был непреклонен в вопросе о том, что именно его формулировка должна быть принята. Секретарь министерства иностранных дел Тошикацу Касе-

впоследствии сомневался в оправданности ключевой фразы: «...с пониманием того, что упомянутая декларация не включает в себе каких-либо требований на ограничении прерогатив Его Величества как суверенного правителя...» Тем не менее он включил эту фразу, которая была одобрена кабинетом. Сообщение заканчивалось ремаркой: «Японское правительство искренне надеется на понимание и ожидает скорейшего ответа».

В 4.00 члены кабинета разошлись, машины развезли их по улицам ночного города, граждане которого еще спали в своих постелях. Секретарь Сакомидзу уснул в кресле в холле дома Судзуки. Старый адмирал отправился наверх, удовлетворенный проведенной работой, но в конце концов силы его покинули. Генерал Анами вернулся домой с сердечной болью. Веря в правоту императора, он все-таки чувствовал, что армия унижена, и опасался за судьбу самого императора...

В 7.33 телеграфисты министерства иностранных дел, расположенного в центре Токио, начали отстукивать кодированные сообщения в Швейцарию и Швецию для передачи соответствующим сторонам — в столицы союзных держав.

Глава 8

РЕАКЦИЯ ВАШИНГТОНА

В тот же день аналогичное сообщение было передано из Токио непосредственно в Соединенные Штаты. Из-за разницы во времени японское сообщение было принято ранним утром 10 августа и застало официальных лиц в Вашингтоне еще в постелях. Министр военно-морского флота США Джеймс Форрестол узнал эту новость от помощника, разбудившего его. Быстро одевшись, он поспешил в свой офис на авеню Конституции. Там секретарь сообщил ему, что президент вызывает его в Белый Дом к 9 часам для консультаций.

Гарри Трумэн тепло поприветствовал Форрестола и пригласил присесть. За столом уже сидела группа официальных лиц и их помощников. Президент готовился открыть встречу. Трое из присутствующих вместе с Форрестолом были членами Военного совета, решавшего вопросы на уровне высокопоставленных политиков и военных. Трое из совета входили в предыдущую администрацию.

Форрестол появился в Вашингтоне в 1940 году в ранге заместителя морского министра. Он оставил пост президента нью-йоркской брокерской фирмы, чтобы стать одним из членов команды Рузвельта, воплощающей новый взгляд на проблемы обороны. После смерти министра флота Френка Нокса в 1944 году Форрестол занял его место. Форрестол обладал грубыми чертами лица. Его нос был разбит во время боксерских матчей

в Принстонском колледже. В работе он не щадил ни себя, ни окружающих. Хорошо сработавшись с Трумэном, он тем не менее не одобрял его манеру принятия решений. Недавно он вступил в противоречие с президентом по одному незначительному вопросу. Форрестол не пригласили на Потсдамскую конференцию, но он появился на заседании Большой тройки, решив этот вопрос, к своему удовлетворению и негодованию Трумэна. Тяжелая рабочая атмосфера сильно сказывалась на нем, и позже, в 1949 году, будучи министром обороны, Форрестол сломался под давлением прессы и лоббистов и выпрыгнул из окна больницы, сведя счеты с жизнью*. Но 10 августа 1945 года он был готов праздновать победу и участвовать в построении планов на мирное будущее.

Начальником штаба президента был адмирал Уильям Д. Ли, состоявший к тому времени пятьдесят два года на службе в военно-морских силах. Ему было уже за семьдесят. Получив прозвище «наждак», он тяготел к прямолинейным утверждениям и циничным взглядам на жизнь. Он был одним из тех, кто категорически заявлял, что атомный проект — это глупость, и бомба никогда не сработает.

Карьера Ли, как зеркало, отражала появление и утверждение флота Соединенных Штатов на мировой арене. Он служил на фрегате «Созвездие», участвовал в первой мировой войне и был свидетелем боксерского восстания в Китае в 1900—1901 годах. А в 1945 году он принимал участие в планировании операций морской армады США. Будучи вдовцом, адмирал имел две страсти — табак и работу. Он выкуривал 60 сигарет в день, используя каждую калорию истраченной энергии на укрепление администрации президента.

Генри Стимсон, министр обороны, был последним

* Существует, однако, и другая версия самоубийства Форрестолы. В соответствии с ней, «сломался» он не «под давлением прессы и лоббистов», а не выдержав напряжения «холодной войны». Из небоскреба министр обороны выпрыгнул с криком: «Русские танки идут!» (прим. ред.).

из старожилов в правительстве. В ранге госсекретаря в администрации Герберта Гувера в 1931 году он наблюдал за развитием событий в Маньчжурии. Его предупреждения, адресованные в Лигу наций, оказались практически незамеченными на фоне проблем в Европе. Стимсон был «мостиком» между старой Америкой девятнадцатого века и устрашающим гигантом середины двадцатого. Благородного происхождения, он вырос в окружении роскоши и богатства, которые приумножил, работая адвокатом на Уолл-стрит. Его хобби были охота на лис и теннис. Он был настоящим джентльменом и аристократом, посвятившим свою жизнь служению нации. Этот благородный человек, кажущийся отстраненным и непреклонным, тепло относился к своим помощникам и окружающим. Мягкий и утонченный, он чувствовал себя ответственным за эту разрушительную войну. Именно он выдвинул тезис о том, что «атомная бомба является законным оружием во время войны, которая сама и есть смерть».

Единственным назначенцем Трумэна из числа присутствующих был госсекретарь Джеймс Ф. Бернс, уроженец Южной Каролины. По иронии судьбы он не сидел сейчас на месте Трумэна. Уверенный в том, что именно его выдвинут на пост вице-президента в администрации Рузвельта в 1944 году, он был ошеломлен, узнав о том, что вместо него выдвинули Гарри Трумэна. После смерти Рузвельта Трумэн вызвал Бернса и предложил возглавить госдепартамент.

С иголки одетый госсекретарь и президент только что вернулись из Потсдама с их первых переговоров с участием руководителей Советского Союза. Оба государственных деятеля были едины в своих подозрениях относительно намерений СССР. Через три дня перед ними встала проблема, порожденная формулировкой японского сообщения, предложенной бароном Кийси-ро Хиранумой: «Японское правительство готово принять условия, перечисленные в совместной декларации, принятой 26 июля 1945 года главами правительств

США, Великобритании и Китая, и позднее подписанной советским правительством, с пониманием того, что упомянутая декларация не включает в себе каких-либо требований на ограничения прерогатив Его Величества как суверенного правителя».

Японская сторона подняла вопрос о будущем статусе императора. Трумэн спросил мнение Стимсона. Госсекретарь еще раз высказал свои взгляды: «Даже если бы этот вопрос и не был поднят японцами, мы должны были бы сами обеспечить защиту императорского дома, чтобы достичь как можно более полной капитуляции разбросанных японских войск... Что-то в этом ключе должно быть сделано, иначе нам не обойтись без кровавых битв типа Ивозимы и Окинавы на территории Китая и Новой Голландии». Адмирал Ли поддержал эту точку зрения. Форрестол также высказался за, потому что у него вызывали озабоченность планы Советского Союза на Дальнем Востоке; если сохранение императорского дома приведет к быстрому окончанию войны, он согласен.

Заседание вскоре было закрыто в ожидании официального уведомления из Японии. Бернс и Стимсон отправились в приемную, чтобы обсудить формулировку ответа. Там военный министр упомянул о запросе, поступившем от генерала Маршалла, который требовал срочного освобождения военнопленных союзных войск и наибоьстрейшей их транспортировки из района Японских островов для оказания им медицинской помощи.

Стимсон вышел из Белого дома еще до 10 часов утра и отправился в министерство обороны. Около здания на Пенсильвания-авеню собралась большая толпа, обсуждающая слух о грядущем мире. Вашингтон, как и все Соединенные Штаты, с нетерпением ожидал официальной декларации об окончании войны.

Джеймс Бернс вернулся в Белый дом вскоре после полудня с официальным сообщением из швейцарского посольства. Президент Трумэн назначил заседание полного кабинета министров на 14 часов. На совеща-

нии он изложил текст ответа, составленного Бернсом, после чего были обсуждены методы уведомления союзников для одобрения документа перед отправкой его в Японию.

Единственной проблемой могло стать согласие советской стороны. Трумэн не желал, чтобы представители СССР вмешивались в управление разрушающимся государством. После совместного управления Берлином и Веной президент США не хотел кооперации с Советами в Японии, а генерала Макартура видел в качестве единственного командующего союзными войсками. К 16 часам ноты были отправлены в Лондон, Чунцин* и Москву, а работа над окончательным текстом ответа Японии продолжилась до ночи.

Великобритания и Китай быстро согласились с предложенными условиями. СССР, как и предполагалось, отверг их. Когда посол Аверелл Гарриман передал сообщение Трумэна Молотову, Советы заявили, что они согласны с документом при условии их участия в высшем командовании союзных войск. Трумэн еще в Потсдаме проинструктировал Гарримана о такой возможности и, несмотря на настойчивость Молотова, посол отказался передать такое заявление в Вашингтон. Через несколько минут после возвращения Гарримана в свою резиденцию он получил сообщение, в котором говорилось о возникшем недоразумении: советская сторона хотела лишь участвовать в консультациях при выборе Верховного главнокомандующего. Блеф СССР раскрылся. К концу этого беспокойного дня ответ Японии был готов.

* * *

Американские офицеры в Китае разрабатывали секретный план. В июле генерал Джордж Маршалл отправил телеграмму из Вашингтона, выражающую озабоченность за судьбы военнопленных союзных войск.

* Город Чунцин с 1937 по 1946 год был столицей Китая (прим. ред.).

Маршалл поручил работу по их освобождению в случае неожиданной капитуляции Японии генералу Альберту Ведемейеру и его помощникам в Чунцине. Эта задача была крайне ответственна. Лагерь военнопленных были расположены на расстоянии нескольких тысяч километров от линии фронта — вне досягаемости китайских войск. Необходимо было отыскать пути их спасения.

Однажды вечером Ведемейер посоветовался с членами своего штаба. Было высказано несколько идей, однако все они были отвергнуты. Полковник Артур Добсон из Линкольна, штат Небраска, предложил забросить группы парашютистов, которые при встрече с японцами потребуют доступа в лагерь. Он предположил, что элемент неожиданности ошеломит врага и предотвратит кровопролитие. Идея Добсона была одобрена. В Куньмине у американцев была база для специальных операций, где могли быть сосредоточены ударные группы для выполнения проекта, руководство которым было поручено генералу Джорджу Олмстеду. После сброса атомных бомб он со своими помощниками принялся за его осуществление.

* * *

Китайский фронт являлся крайне сложной ареной ведения войны. Это было известно еще со времен Пёрл-Харбора, когда «летающие тигры»* генерала Клэра Ченнолта помогали национальной армии противостоять японским захватчикам. Такая ситуация сохранялась и в 1942, и в 1943 годах, когда дорога в Бирму, «линия жизни», ведущая в Китай из Индии, была заблокирована. Условия существования улучшились после освобождения Северной Бирмы от японцев в 1944 году, когда возобновилось движение по дороге в Китай. И все же китайская проблема оставалась головной болью Вашингтонского руководства.

* Так называлось американское авиационное соединение, воевавшее в Китае (прим. ред.).

Китай раздирала борьба партий. Хотя и объединенные против общего врага — японцев, и националисты во главе с Чан Кайши, и коммунисты во главе с Мао Цзэдуном, постоянно боролись друг с другом. Правительство Чан Кайши держало бразды правления страной, хотя на горизонте уже маячили красные. Из пещер в Яньане*, северо-западный Китай, пропагандисты Мао вещали по радио о перегибах националистов, обещая «народное правительство» после того, как японцы будут изгнаны с территории Китая. Обвинения задевали Чан Кайши, так как базировались на фактах.

В государстве, где не было жесткой централизованной власти в течение многих веков, правящий класс был поражен коррупцией и жадностью. Взятка была ключом к завоеванию благосклонности должностного лица или отлучению от Чан Кайши лояльного ему генерала. Японцы использовали такую тактику, чтобы разобщать, запутывать и ниспровергать своих противников. Так же поступали и коммунисты.

Когда генерал Винегар Джо Стилуэлл отправился в Чунцин в 1944 году, чтобы помочь Чан Кайши организовать китайскую армию, он был крайне разочарован сложившейся ситуацией. Пренебрежительно отозвавшись о китайском лидере, которого он назвал «арахисом», Стилуэлл доложил в Вашингтон о том, что «Чан Кайши намеревается продолжать доить США, выкачивая деньги и боеприпасы». Генерал полагал, что коммунисты все-таки завоюют доверие крестьян, из чего следовало, что Америка поддерживает не ту партию. Стилуэлл пробыл в Китае недолго. Вскоре он был отозван из «веселенького, как гангстерское гнездо», местечка, как он его называл.

Для устранения раскола на смену ему из Вашингтона прибыл генерал Альберт Ведемейер. Он сумел

* В этом небольшом городке на севере Китая с 1936 по 1947 год находилось Центральное правительство Освобожденных (Советских) районов Китая. Там же все эти годы пребывало руководство Коммунистической партии Китая во главе с Мао Цзэдуном (*при. ред.*).

успокоить Чан Кайши и склонить его к более широкому сотрудничеству в области обучения всех тридцати девяти китайских дивизий для противостояния японцам. К лету 1945 года Ведемейер полностью изменил упадническое настроение среди китайских генералов к лучшему и приступил к осуществлению первого этапа операции «Карбонадо» — броску к морю в районе Кантона.

Теперь Япония управляла лишь узкой полосой на азиатском континенте. Она все еще могла оказать достойное сопротивление, но уже не могла контролировать основную часть Китая. Полтора миллиона солдат полегло на полях сражений, пытаясь противостоять непрерывным вылазкам партизан, националистов и коммунистов, которые взрывали мосты, захватывали города и терроризировали гарнизоны баз противника. Японцы захватили большие города, но не смогли подчинить себе сельскую местность. Линия фронта рвалась то там, то здесь, вытягиваясь на тысячи километров. В этой невероятно сложной ситуации американские советники решили нанести последний удар, хотя указание из министерства обороны относительно военнопленных содержало невыполнимые требования.

* * *

Как бы то ни было, война продолжалась. Генерал Лесли Гровз связался с Маршаллом, чтобы обсудить отгрузку ядерных зарядов в зону военных действий. Маршалл оказался на конференции, и Гровз, вернувшись в свой офис, приказал задержать отгрузку плутония и других частей бомбы до специального уведомления. Позже в тот же день Маршалл одобрил действия Гровза. Третья бомба могла быть подготовлена к сбросу в любое время в случае, если японцы не капитулируют.

В начале августа, однако, министерство военно-морского флота сообщило о катастрофе, происшедшей в западной части Тихого океана. Лунной ночью 30 июля

крейсер «Индианаполис» постигло несчастье. По пути к острову Лейте после отгрузки частей «Малыша» на Тиниане крейсер проследовал мимо перископов большой японской субмарины И-58 (I-58), находящейся во Внутреннем море*. Ее капитан Хасимото дал торпедный залп по борту судна, которое вскоре затонуло. Сотни американцев очутились в ночном океане. И-58 покинула район торпедирования и проследовала к берегам Японии. Выжившие остались на поверхности океана, ожидая рассвета, а с ним и спасения. Спасение не пришло. Из-за невероятного стечения обстоятельств на Лейте не были предприняты какие-либо действия, когда «Индианаполис» не вышел на связь. В течение нескольких дней лишь солнце беспощадно светило на беспомощных моряков, болтающихся в воде. Силы постепенно покидали их, а с ними уходила и надежда. Некоторые из них стали грести в направлении кажущихся им оазисов. Другие засыпали и захлебывались. На четвертый день самолет обнаружил жалкие остатки экипажа крейсера. К тому времени, когда корабли подняли на борт оставшихся в живых, более восьми сотен офицеров и моряков погибли. По крайней мере, половину из них можно было спасти, если бы были приняты своевременные меры.

10 августа списки жертв «Индианаполиса» поступили в Вашингтон. Во все концы страны срочно, до объявления мира, были отправлены телеграммы, уведомляющие членов семей о гибели их близких.

...На другой стороне международной демаркационной линии суточного времени возбужденно кипел Токио. Силы противников капитуляции сплотились и окрепли. Секретарь кабинета Сакомидзу был первым, кто ощутил на себе гнев возмущенных военных. Спящий в

* Автор ошибается: японская подлодка атаковала американский тяжелый крейсер «Индианаполис» в открытом океане, примерно в полутора тысячах километрах к западу от острова Гуам, входящего в группу Марианских островов (прим. ред.).

доме премьеры Судзуки, он был грубо разбужен в 7 часов утра четырьмя молодыми офицерами министерства обороны, которые только что услышали о сообщении, отправленном в Швейцарию. Загнав секретаря в угол, они потребовали от него объяснений. Сакомидзу был разгневан, но понимал, что нужно соблюдать осторожность. Он решил, что лучшая защита — это нападение, и приказал им убраться. Они отказались. Сакомидзу вышел в смежную комнату и сел. Офицеры последовали за ним, поливая секретаря словесной грязью. В конце концов они все же покинули дом.

* * *

Министр обороны проспал несколько часов после встречи с императором. Он был истощен напряжением последних дней. В свои пятьдесят семь Анами обладал отменным здоровьем, но от недосыпания у него под глазами образовались мешки, а тело налилось свинцом от усталости. Тем не менее в 9 часов утра он был в своем кабинете в здании министерства обороны на горе Исигая, где высшие чины военного департамента собрались на заседание.

Анами знал характеры своих подчиненных и поэтому взвешенно заявил:

— Я не могу найти слов оправдания, но так как это является решением императора, мы ничего не можем изменить, — в комнате повисла тишина. Анами продолжил: — Важно, чтобы армия выступила как единое целое. Личные эмоции не должны подтолкнуть к необдуманным поступкам. Я не позволю совершить что-либо, противоречащее принятому решению.

Некоторые офицеры пытались протестовать, но Анами прервал их:

— Это решение было сделано при условии сохранения нашего национального уклада жизни, а следовательно, оно не означает, что война закончилась. Армия должна быть готова как к войне, так и к миру.

Раздались недовольные голоса, но министр не об-

ратил на них никакого внимания. Неповиновение являлось повседневной темой в коридорах министерства обороны. Анами следил за настроениями офицерского корпуса и понимал, что имеет дело с очень фанатичными людьми, которые с помощью провокации могли сорвать любой тщательно разработанный план правительства. И атомная бомба ничего не значила для них, ибо они считали, что капитуляция хуже смерти.

* * *

Одним из стратегов министерства обороны был полковник Масао Инаба. Искренне полагая, что поддержание стойкости солдат во время капитуляции является важной задачей, Инаба составил прект для обращения к войскам по радио. Хотя он получил одобрение многочисленных старших офицеров министерства, он не смог связаться с генералом Анами. Пока Инаба ждал утверждения министра, двое офицеров появились в его кабинете и потребовали, чтобы документ был озвучен в вечерней радиопрограмме. Они обнаружили черновики обращения в мусорной корзине и решили вернуть в текст все резкие выражения. В конце концов Инаба уступил их требованиям и разрешил взять обращение без одобрения Анами.

Министр обороны оказался в весьма щекотливом положении, ведь в это время он составлял проект другого обращения, предназначенного гражданскому населению. Хироши Шимомура, руководитель пресс-службы кабинета, хотел донести информацию о грядущих переменах. По сути, он собирался предупредить население о возможных критических переменах в ближайшем будущем. Анами был полностью согласен с ним и принял участие в составлении обращения.

Когда Шимомура узнал о существовании взрывоопасного текста, написанного армейскими офицерами, он позвонил Анами и спросил, какую цель преследует генерал, пытаясь передать по радио сообщение с призывом к восстанию вооруженных сил. Министр оборо-

ны не знал, о чем речь, и Шимомура понял, что генерала обманули его же собственные подчиненные. Понимая, что Анами могут убить, если он встанет на пути военных, Шимомура разрешил передачу сообщения на удаленные районы империи. По всему Тихому океану солдаты японской императорской армии услышали призыв сокрушить врага. В самой Японии гражданское население прослушало оба сообщения. Противоречивые утверждения этих документов окончательно запутали людей.

* * *

Между тем число погибших среди гражданского населения страны росло день ото дня. Куртис Лемей отправлял сотни В-29, чтобы доказать всю серьезность ультиматума союзников. На затемненные города из самолетов летели тысячи зажигательных бомб, падая на деревянные дома и фабрики. Люди сотнями умирали в своих кроватях и временных убежищах по всей Японии. Народ испил горькую чашу войны до дна. За пять месяцев двадцать первая бомбардировочная группа превратила повседневную жизнь страны в борьбу за выживание. За этот период В-29 практически полностью парализовали жизнь шестидесяти шести крупных городов на Японских островах. Токио, Осака, Кобе... Список включал практически все жизненно важные центры японской военной индустрии.

Военные удары концентрировались на промышленных предприятиях и домах рабочих. Восемь миллионов людей остались без крова. Многие рабочие просто бросили свою работу и вместе с семьями уехали в деревни, чтобы избежать бомбежек. Оставшиеся ютились у родственников или друзей. В трех комнатах часто жили пять-шесть семей. Их постоянно мучил голод. Количество потребляемого риса снизилось до четверти его предвоенного уровня, а рыба, некогда основное блюдо, стала роскошью, потому что корабли не могли выходить в море, в котором господствовали

американцы. Одежду достать было практически невозможно, и люди ходили в латаных-перелатанных остатках своего гардероба.

Ухудшение социальных условий жизни шло на фоне экономического распада. Изменения затронули даже обряд похорон. В стране невозможно было найти древесины для гробов, чтобы транспортировать тела в крематории. А над всеми этими бедами витал страх. Американские самолеты управляли каждым движением людей. Гражданское население было на грани отчаяния.

* * *

Лейтенант Маркус Макдилда превратился в очень важную персону для японской секретной полиции. После почти двадцатичетырехчасового допроса он был посажен в самолет с еще одним американским заключенным и отправлен в Токио. Утром 10 августа Макдилду привели в комнату в штабе кемпейтай*. За столом, потягивая чай, сидел гражданский в полосатой рубашке. Он был очень учтив с американским пилотом и предложил ему чаю. «Я закончил Колумбийский университет, — сказал он Макдилде, — и очень заинтересовался вашей историей об атомной бомбе». Макдилда еще раз повторил свой рассказ.

Через несколько минут японские чиновники поняли, что Макдилда их обманул, и ничего не знает о расщеплении атома. Когда Макдилда заявил, что пытался объяснить это в Осаке, японцы засмеялись. После более спокойного разговора Макдилду посадили в камеру и дали поесть, избиения прекратились.

* Японская тайная полиция — контрразведка.

Глава 9

11 АВГУСТА — НАЧАЛО КОНСПИРАЦИИ

В то время как официальные лица в Токио с нетерпением ожидали ответа союзников, небольшая группа армейских офицеров на горе Исигая планировала переворот. Уже более двух недель, с тех пор как вышла Потсдамская декларация, они готовились выступить против правительства. Тактика была проанализирована, планы определены. Армейское воззвание 10 августа было всего лишь одной из их акций. Сейчас, 11 августа, пятнадцать офицеров собрались в бомбоубежище под зданием министерства обороны, чтобы проанализировать стратегию своих действий.

Председательствовал полковник Масахико Такесита. Будучи близким родственником Анами, он находился в выгодном положении. Он был в курсе решений Большой шестерки, а потому знал, сколько времени у них в запасе, чтобы полностью изменить течение событий. Эмоциональный и резкий полковник нашел сочувствующих среди офицеров министерства обороны. Некоторые из них были умеренные и разносторонние профессионалы, такие как полковники Масао Инаба и Масатаки Ида. К ним примкнули непостоянные, легко поддающиеся влиянию майоры Дзиро Сийдзаки и Кендзи Хатанака. Бледный, с мягкими чертами лица, Хатанака, помощник Анами, не мог себе даже предста-

вить поражение Японии. Он распался все более и более по мере того, как собравшиеся обсуждали сложившуюся ситуацию.

Когда сигаретный дым полностью заполнил помещение, конспираторы набросали в общих чертах стратегию своих действий. Их окончательной целью являлось отклонение условий мира. Чтобы ее достичь, они должны захватить дворец и устранить из него всех сторонников заключения мира — Судзуки, Того и Кидо. Немного подумав, к списку жертв добавили и барона Хирануму.

Они понимали, что им не обойтись без поддержки четырех генералов. Ключевой фигурой был Анами. Такесита был уверен в нем: «Я гарантирую, что генерал присоединится к нам». За Анами последует и Умедзу. Командующий восточной группой войск генерал Сийси Танака и генерал императорской гвардии Такеши Мори тоже присоединятся к повстанцам — высшим офицерам армии и флота.

Такесита поставил вопрос о времени выступления. Понимая, что ответ союзников придет в течение ближайших часов, заговорщики решили приступить к действиям не позднее полуночи 13 августа. Майору Хатанаке было поручено связаться с генералом Мори и выяснить настроение подчиненных ему полковых командиров. Если вопреки ожиданиям Мори поддержит правительство, его подчиненные должны быть отлучены от генерала. Группа офицеров во главе с Такеситой должна была поставить Анами перед выбором и потребовать от него ответ в течение 24 часов.

Когда была выкурена последняя сигарета, оптимизму присутствующих не было предела. Хатанака был крайне возбужден. Остальные, более умеренные, вдохновенно говорили о предстоящей акции. Расходились по одному, исчезая в лабиринте коридоров.

* * *

История повторялась: молодые офицеры японской армии снова решили взять под контроль кризисную

ситуацию в стране. Всегда, когда это происходило, лилась кровь невинных жертв. Последний раз подобное случилось 26 февраля 1936 года. Тогда офицеры 1-й гвардейской дивизии, базирующейся в Токио, получили приказ отправиться в Маньчжурию. Подозревая оппозиционную им фракцию армейских офицеров в том, что те хотят удалить гвардию из Токио, чтобы она не оказывала влияния на политику Японии, они организовали путч. Более полутора тысяч человек вышли на улицы столицы той ночью, чтобы свергнуть государственных чиновников и генералов, стоящих на пути планов армии. Министр финансов Такахаши был застрелен. Генералу Дзотаро Ватанабе перерезали горло в собственной постели. На графа Макино было совершено покушение, но он выжил. В барона Судзуки стреляли в спальне, и лишь хладнокровие его супруги спасло ему жизнь. Когда армейский офицер подошел к раненому барону, чтобы перерезать ему горло, она ринулась к нему крича: «Если это надо сделать, разрешите это сделать мне!» Расстроенный офицер покинул комнату, оказав ей эту любезность. На виконта Макото Саито тоже было совершено покушение в спальне, однако усилия жены не спасли его. Она рыдала, держа на руках его тело, прошитое 47 пулями.

Некоторые из списка будущих жертв путча в тот вечер посетили американское посольство в качестве гостей посла Джозефа Грю. Среди них были Судзуки и Саито. Царила приятная расслабляющая атмосфера. Показывали голливудский фильм «Шаловливая Мариетта», пили виски и вино. Гостем Грю был и тогдашний премьер Кейсукэ Окада, которого армейские повстанцы также приговорили к смерти. Как и других, его в ту ночь отвезли домой на машине, и он отправился спать. Окада выпил слишком много и спал мертвым сном. Когда заговорщики пришли к нему перед самым рассветом, он этого даже не услышал. Офицеры окружили дом, взломали двери и кинулись в комнаты. Шурин Окады Мацуо и двое его охранников успели поднять

премьера и вывести через черный ход. Увидев толпу народа на заднем дворе, охранники заперли Окаду и Мацуо в ванной, где они скрывались за ширмой. В коридоре началась беспорядочная стрельба, один из охранников был убит. Оставшийся охранник вступил в схватку с надвигающимися солдатами, но упал на пол, смертельно раненный саблей. Окада и Мацуо ждали своей смерти за дверью в ванной. Дверь открылась, раздались шаги, солдат быстро огляделся. Похолодевшие от ужаса мужчины за перегородкой слышали звук закрывающейся двери и удаляющиеся шаги.

Мацуо не тратил времени зря. Предупредив Окада, чтобы он сидел не высовывая носа, Мацуо вышел из ванной навстречу своей судьбе. Окада услышал голос умирающего охранника: «Прошу вас, оставайтесь там, где вы есть». Он повторил эту фразу дважды и умер. Мацуо покинул Окаду по следующей причине: они были очень похожи друг на друга, и Мацуо думал, что его спутают с премьер-министром. Ценой своей жизни он надеялся спасти жизнь Окады. Через несколько минут он был схвачен солдатами и расстрелян. Повстанцы принесли его бездыханное тело в спальню и сравнили с фотографией, висящей на стене. Офицер сказал: «Да, это Окада, мы свое дело сделали». Через несколько минут банда покинула дом, оставив в нем три трупа и живого премьера, который прокрался в комнату горничной и заперся в туалете. В течение последующих 48 часов Окада прятался, а в Токио полыхал пожар восстания. Он сумел покинуть дом, смешавшись с присутствующими на похоронах Мацуо. С ними он смог беспрепятственно пройти солдатские патрули на улицах. Он выжил, чтобы посетить свои собственные похороны, на которых все были уверены, что хоронят настоящего премьер-министра.

Хотя восстание февраля 1936 года не привело к свержению правительства, оно свидетельствовало об увеличении влияния армии. Год за годом роль военных в управлении государством возрастала. Месяц за меся-

цем гражданское правительство все больше подпадало под влияние армии. А впереди была дорога на Пёрл-Харбор.

Но даже перед лицом явного краха летом 1945 года уверенность армии в своих силах была высока. Поражение еще не стало реальностью для людей, полных сил и здоровья, из министерства обороны в Токио. Имена были другие: Такесита, Хатанака, Сийдзаки, — но порода была той же самой. И в тридцатые, и в сороковые армия действовала по одной и той же схеме. В обоих случаях в качестве жертв были выбраны государственные чиновники, вставшие у нее на пути. В 1945 году ничего не изменилось в их менталитете, несмотря на тот факт, что они вели Японию к полному разрушению. Ночь убийств грозила повториться.

* * *

В разгар разработки планов в министерстве обороны появился человек по имени Мако́то Цукамото. Это был полковник японской секретной полиции Кемпейтай, недавно переведенный с Формозы. Долгие годы он провел тайным агентом в Китае, где стал участником многочисленных операций по обе стороны линии фронта во времена китайско-японского конфликта. Постоянно находясь между жизнью и смертью, он оставался интеллектуалом, искушенным борцом, ненавидящим жестокость, которую практиковали его друзья-офицеры. В безумии войны он придерживался своей линии поведения и имел репутацию благородного человека.

27 июля 1945 года Цукамото получил приказ немедленно покинуть Формозу и прибыть в Токио. Он был весьма удивлен, так как не видел причин для своего срочного перевода. В тот же день он отправился в путь через Шанхай. Из-за неисправности самолетов и участвовавших бомбардировок он прибыл в Токио лишь 6 августа. Цукамото поразили развалины столицы. В январе этого года, когда он был здесь в после-

дний раз, генерал Лемей еще не посылал В-29, чтобы разрушить Токио. Теперь перед ним развернулась пустошь. С самолета он заспешил в штаб-квартиру секретной полиции к новому месту назначения.

Его появление в штабе явилось полной неожиданностью. Никто не отдавал приказ о его возвращении, никакой новой должности ему не предназначалось. Цукамото и его непосредственный начальник были крайне озадачены и никак не могли выяснить источник его вызова в Токио. Позже полковник Кемпейтай отправился в штаб генерала Окидо, начальника секретной полиции, и доложил о случившемся. Окидо был также озадачен пикантностью ситуации и предложил ему временное назначение. Он разговаривал с генералом Анами, озабоченным волнениями в офицерском корпусе. Окидо объяснил: «Генерал дал мне поручение выяснить все возможное о готовящемся путче и доложить о планах людей, участвующих в нем». Цукамото согласился на эту работу и решил отправиться в министерство обороны, где у него была масса друзей среди офицеров.

11 августа полковник Цукамото ехал по извивающейся дороге к громадному бетонному зданию на вершине Исигаи. Здесь его увидел полковник Масатака Ида и подошел к нему. «Где вы были, Цукамото? Мы ждали вас». Все встало на свои места. Именно полковник Ида вызывал его в Токио. Они были друзьями в течение многих лет, а с 1944 года Цукамото знал, что обязан Иде жизнью. В то время он служил в джунглях Бирмы и специальным приказом Иды был вызван из района, вскоре захваченного союзниками, одолевшими японские рубежи обороны. Сейчас он понадобился своему другу. Ида хотел, чтобы Цукамото помог ему в организации путча. С учетом влияния полковника в секретной полиции его роль казалась неоценимой в период, когда начнутся проблемы.

Цукамото задал очевидный вопрос:

— А что это за путч?

Ида подробно описал ситуацию, сложившуюся в министерстве:

— Люди не приветствуют эти разговоры о капитуляции и должны что-то сделать. Судзуки — предатель, он и его клика окружили императора и уговорили того сдаться. Мы намереваемся отлучить его от императора. Ты будешь с нами?

Будучи не в курсе деталей переговоров с Америкой, Цукамото осторожно ответил:

— Я буду участвовать на двух условиях: во-первых, если решение императора направлено против нас, во-вторых, должна выступить вся армия, а не группа офицеров.

Ида не поверил своим ушам:

— Ты не выступишь с нами в любом случае?

Он думал, что Цукамото безоговорочно присоединится к плану.

Цукамото засмеялся:

— Мы поговорим с тобой позже.

Он отошел от своего друга, раздосадованного и озадаченного тоном разговора.

Неожиданно для себя, раскрыв очаг готовящегося путча, полковник Кемпейтай отправился непосредственно к Окидо и описал ему ситуацию. Он получил приказ наблюдать за развитием ситуации в министерстве обороны и уделять особое внимание действиям полковника Иды в ближайшие дни...

* * *

11 августа в ста пятидесяти километрах к северу от горящих остатков Нагасаки, в Фукуоке, группа японских офицеров обсуждала предстоящую казнь. Новость об атомных бомбардировках резко настроила их против американцев. В Фукуоке это вылилось в день насилия. В городе содержалась группа пилотов В-29, сбитых во время рейдов с Марианских островов в течение последних трех месяцев. Охранники уже казнили восемь

пилотов 20 июня. Сейчас они опять готовились к следующему убийству.

В 8.30 утра к задней части дома, в котором располагалась штаб-квартира Западной армии, подъехал грузовик. В него вошли тридцать два человека. Восемь из них были американцы, остальные — японские солдаты. Грузовик выехал через задние ворота в направлении местечка Абураяма в нескольких километрах к югу от города Фукуока. В поле, окруженном бурной растительностью, заключенных вывели из грузовика и выстроили в ряд. Их раздели до шорт или трусов и заставили наблюдать, как японские солдаты роют ямы. Американцы не вымолвили ни слова.

Вскоре после 10 часов японский лейтенант направился к заключенным, размахивая сверкающим мечом. Одного из американцев толкнули вперед и поставили на колени. Японский офицер провел пальцем по краю лезвия. Затем он глянул вниз на склоненную голову заключенного и прикинул расстояние. Внезапно его меч блеснул на солнце и обрушился на оголенную шею, достигнув адамова яблока.

Строй заключенных молчаливо взирал на смерть товарища. Некоторые отвернулись. Другие смотрели, как голова покатила по земле. Затем обезглавили еще трех человек. Пятый летчик был зверски зарезан уже двумя ударами палача. На шестом заключенном японские офицеры придумали новую пытку. Он был выведен со связанными позади руками на обозрение оставшихся жертв. Японцы, разбегаясь, били американца ударами карате по животу до тех пор, пока он уже не мог разогнуться, после чего ему отрубили голову.

Седьмой заключенный также испытал на себе искусство палачей. Один из офицеров, озлобленный тем, что не смог сбить американца, ударил его в пах. Заключенный упал на землю, его лицо исказила гримаса боли. Он молил: «Пощадите». Но палачи были безжалостны. Его опять поставили на колени, а охранники

обсуждали следующий способ убийства. Они остановились на кесадзири. Еще один меч сверкнул на солнце и прошел в теле жертвы от левого плеча до легких. Летчик умер в потоках пенящейся крови.

Восьмая жертва наблюдала все семь зверских убийств. Последнее, что он видел и слышал в жизни, — это потоки крови, хлещущие из ран, дикие крики своих друзей и возгласы ликования врагов. Настала его очередь. Его толкнули в центр группы озверевших солдат, которые посадили его на землю со связанными позади руками. В трех метрах от него офицер заряжал стрелу в лук. Американец затаив дыхание наблюдал, как он прицеливался, оттянув тетиву, и затем отпустил ее. Стрела пролетела мимо его головы. Только с третьего раза стрела попала в лицо летчику над левым глазом. Из раны хлынула кровь. Утомленные этим мероприятием, палачи поставили его на колени и просто отрубили голову. На поле Абураямы осталось восемь обезглавленных тел.

* * *

11 августа командование операцией по спасению заключенных в Китае перешло от генерала Олмстеда в Чунцине к полковнику Ричарду Хепнеру в Куньмине. Хепнер осуществлял следующий этап. Как координатор тайных действий ЦСЗ в Китае полковник управлял шпионской сетью и диверсантами на всей территории страны. Именно из их рядов и набирался персонал для осуществления намеченного.

Когда Хепнер прорабатывал детали, с удаленной базы в Хсиане на краю необъятной пустыни Гоби пришла телеграмма. Майор Гас Краус, командир одного из жизненно важных разветвленных центров, советовал Хепнеру быть готовым к резкому изменению военной ситуации. Далее в телеграмме говорилось: *«Для выброски в стратегически важные районы имеется обученный персонал ЦСЗ со всем необходимым оборудованием. Поделись вашими соображениями относительно возможной*

операции». В следующей телеграмме Краус доложил о готовности группы хсианского гарнизона: «Келлис и команда будут сброшены в ста пятидесяти километрах к юго-востоку от Бейпина для того, чтобы направиться в Бейпин или Тяньцзинь по вашему распоряжению».

Гас Краус, зная о близкой капитуляции японцев, использовал последние оставшиеся дни и часы. Полковник Хепнер начал организовывать отряды для высадки на вражеской территории.

* * *

В тот день в Токио после обеда адмирал Соему Тоёда разослал телеграммы всем командующим флотами. *«Дальнейшие наступательные операции против США, Великобритании, СССР и Китая должны быть приостановлены до особого распоряжения».*

Это сообщение было перехвачено американской разведкой и отправлено в Вашингтон. Заместитель военного министра Роберт Ловетт связался с министром Стимсоном, чтобы проинформировать его об этом событии. Стимсон чувствовал себя неважно и позже в тот же день отправился на отдых в горы. Для него эта проблема была уже решена.

Глава 10

12 АВГУСТА — КРИЗИС

Около часа ночи 12 числа на коротких волнах пришел ответ из Сан-Франциско. Его с нетерпением ожидали в Токио как сторонники мира, так и противники. В министерстве иностранных дел служащие с воодушевлением переводили документ Бернса, в то время как в здании на горе Исигая военные, не способные перевести сообщение с английского языка, хлокотали в бессильной злобе и ярости. Так как у императорской армии не было достаточного количества офицеров, говорящих на языке противника, перевод на японский продвигался очень медленно. У дипломатов министерства иностранных дел было существенно меньше проблем с этим.

Секретарь премьеры Судзуки Сакомидзу первым прочитал текст:

« ..С момента капитуляции полномочия императора и японского правительства на управление государством находятся в руках Верховного главнокомандующего союзнических войск, который будет предпринимать только те действия, которые необходимо совершить в рамках условий капитуляции. Император Японии является гарантом полномочий правительства и японского императорского генерального штаба и заверяет их подписи под условиями капитуляции, призванными обеспечить положения Потсдамской декларации.

Окончательная форма правления Японией в соот-

ветствии с Потсдамской декларации будет установлена свободным волеизъявлением японского народа. Вооруженные силы союзных держав будут пребывать на территории Японии до окончательного выполнения четвертого пункта Потсдамской декларации».

Сакомидзу был сражен кажущейся жесткостью языка послания. Он вызвал своего друга Шуниси Мацумото, помощника министра иностранных дел Того, и они вместе сели в предрассветной темноте переводить текст Джеймса Бернса. Обоим чиновникам американский ответ казался неясным. В нем суверенитет императора не отрицался, но и не подтверждался. Говорилось лишь, что этот вопрос является предметом для рассмотрения Верховного главнокомандующего, который «будет предпринимать только те действия, которые необходимо совершить в рамках условий капитуляции». Сакомидзу и Мацумото, запутанные этим выражением, были встревожены следующей фразой: «Окончательная форма правления Японией в соответствии с Потсдамской декларацией будет установлена свободным волеизъявлением японского народа». В этом предложении секретарь МИДа увидел подтверждение непрекращающимся упрекам военных, которые будут интерпретировать ее как определенное указание на намерения союзников удалить императора.

За завтраком разочарованные служащие министерства обсуждали, что предпринять дальше. Мацумото видел только один путь: представить документ руководству именно в этой форме. Сакомидзу кивнул: «Может быть, это сработает».

Жарким летним днем двое мужчин ехали на разговор к своим начальникам. Сакомидзу предстал перед полусонным Судзуки и быстро убедил его, что текст документа приемлем. Не затрудняя себя чтением перевода, престарелый премьер уверил своего блестящего секретаря, что он будет рекомендовать кабинету одобрить этот текст. У Мацумоты не было больших проблем с Того. Подавленный министр иностранных дел,

измотанный постоянными спорами о капитуляции, прекрасно понимал подоплеку текста Бернса, но согласился с помощником в том, что другого выхода нет: нужно было двигаться вперед.

Сакомидзу и Мацумота вернулись в свои офисы с чувством облегчения. Казалось, им удалось перехватить пальму первенства у партии войны перед решающими дебатами. Однако они ошибались. Когда обе возвращались в свои кабинеты, другие люди продолжали вынашивать совершенно противоположные планы.

В то же утро молодые офицеры находились в штабе генерала Умедзу, настаивая, чтобы он открыто осудил условия американцев. В штаб-квартире военно-морского флота адмирала Тоёда также осаждали возмущенные офицеры, требующие, чтобы он отверг ноту. Старшие офицеры попали в затруднительную ситуацию. Каждый из них желал продолжить войну, но по приказу императора вынужден был обсуждать условия капитуляции. А их подчиненные настаивали на том, чтобы они не повиновались этому приказу. И что усугубляло ситуацию, генерал Анами, человек, который мог успокоить своих подчиненных одним словом, исчез. Из его приемной отвечали, что он уехал по делам. Адмирал Тоёда и генерал Умедзу пытались сдержать волну возмущения до прибытия министра обороны.

* * *

Тем утром Корешика Анами отправился не в министерство, а в официальную резиденцию премьер-министра Судзуки. Вместе с ним пришел и барон Харанум, чьи симпатии к партии мира постепенно улетучивались по мере усиления его переживаний за судьбу императора. Записка Бернса убедила барона в том, что Хирохито в опасности, в результате чего он стал союзником своего бывшего врага, преследуя цель заблокировать безоговорочную капитуляцию. Двое мужчин приложили колоссальные усилия, чтобы в последнюю минуту выступить против министерства иностранных дел. В лице

премьера Судзуки они почувствовали слабое звено в стане противника. Вскоре после того как секретарь Сакомидзу уговорил премьера согласиться с требованиями американцев, Харанум и Анами приперли его к стене. Без своих консультантов усталый премьер уже не мог противостоять аргументам людей, решивших расстроить план мирного урегулирования.

Возвращаясь к условиям, которые он первоначально предложил, Анами потребовал немедленно включить в соглашение с союзниками пункты, касающиеся разоружения армии и создания оккупационных зон. Харанум постоянно повторял свое требование: «В случае неясных условий капитуляции император может сильно пострадать».

Со своей точки зрения Судзуки также понимал, что его позиция уязвима, так как он, как и все японцы, был предан Трону и был готов отдать жизнь за императора. Когда его посетители в очередной раз напомнили ему о важности Хирохито в жизни государства, премьер проникся необходимостью конкретно разрешить этот вопрос и обещал им развеять все сомнения по этому поводу.

* * *

Выйдя от Судзуки, генерал Анами отправился на встречу с младшим братом императора Микасой, которого часто называли Красным принцем. В императорской семье никак не могли привыкнуть к его «социалистическим» взглядам и озабоченности правами народа. При дворе Микаса слыл смутьяном. Анами надеялся уговорить принца переговорить с братом и заблокировать капитуляцию. Он серьезно ошибся. Микаса вежливо выслушал министра обороны, после чего жестко заявил: «Со времен «инцидента» в Маньчжурии армия еще ни разу не посчиталась с точкой зрения императора, и вам не следует пропагандировать политику продолжения войны сейчас, когда дела приняли столь скверный оборот».

Получив разнос, словно ребенок, Анами, поклонясь, вышел из комнаты. Он был сокрушен Слова Микасы больно ранили его и засели в голове. По пути в офис со своим помощником, полковником Хаяши, генерал непрестанно повторял слова принца, словно не веря, что он их услышал. Это была уже вторая атака лично на него за последние три дня. За несколько дней до этого в присутствии группы офицеров его шурин Такесита обещал покончить с жизнью, если Анами допустит капитуляцию. Тогда Анами сказал своему секретарю: «Такесита говорит такие вещи... Мне уже шестьдесят лет, и я легко расстанусь с жизнью. Возможно, это будет труднее для вас, гораздо более молодого, чем я...» Голос генерала оборвался, он не мог продолжать. И сейчас отповедь Микасы опять вызвала у него внутреннюю дрожь.

Молодые офицеры в здании на Исигае уже заставили генерала Умедзу отправиться к императору. Вместе с адмиралом Тоёдой, генерал стоял напротив верховного правителя японского народа. С колоссальным напряжением они высказывали точку зрения старших офицеров о полном неприятии безоговорочных условий американцев. Хирохито поблагодарил их за заботу и отпустил.

Через несколько минут император вызвал своего советника маркиза Кидо, чтобы он помог ему проанализировать опасные тенденции, развивающиеся в штабквартире военных. Если Умедзу и Тоёда находятся под таким очевидным давлением, волнения в армии и на флоте могут быть весьма сильными и опасными. Подозрения Хирохито были не беспочвенны. В полдень конспираторы на Исигае приступили к подготовке восстания.

* * *

Они заявили в резиденцию генерала Анами, который только что вернулся со встречи с принцем. Такесита, Хатанака, Инаба и другие собрались, чтобы в

его присутствии обсудить переворот. Один из помощников Анами, полковник Сато, почувствовав их настроение, сказал майору Хатанаке:

— Не торопитесь с путчем.

Хатанака, выйдя из себя, завопил:

— Предатель! Ты двуличный предатель!

Сато кинулся к разъяренному Хатанаке, но Анами успел встать между ними.

— Успокойтесь, — сказал он. — Военные должны доверять друг другу.

Повисла напряженная тишина, и Анами мягко предложил:

— Такесита, зайдите попозже ко мне домой, я буду рад поговорить с вами об этом.

С этими словами министр вышел из комнаты и отправился на заседание кабинета. Он избежал жарких дискуссий, утомительной конфронтации, но знал, что рано или поздно он вынужден будет встретиться с этой бандой неудовлетворенных, чтобы обсудить их планы государственного переворота. Анами попал в крайне сложную ситуацию. Подчиненные требовали от него защитить то, что осталось от государства, начальники обвиняли в попытке разрушить надежды на мир и будущее страны. Он был неудовлетворен обеими сторонами конфликта. Хотя министр был против безоговорочной капитуляции, мятеж подчиненных тоже не устраивал его. Осознавая все это, он пытался нейтрализовать младший офицерский состав, и найти наивыгоднейшие условия капитуляции. Анами надеялся таким образом избежать кровопролития в ближайшие дни и часы.

* * *

Заседание кабинета началось в 15.00. Анами и его новый союзник барон Хиранум внимательно слушали текст, переданный по радио из Сан-Франциско. Премьер Судзуки предупредил всех, что это «неофициальная» версия и что, возможно, были сделаны ошибки в переводе, после чего попросил всех высказаться. Ана-

ми и Хиранум опять, уже в который раз, озвучили свои опасения за судьбу императора, а Анами еще и высказал требование о выдвигании дополнительных условий.

Министр иностранных дел Того после нескольких дней напряжения потерял терпение и вспыльчиво заявил: «Выдвигать условия в этот момент — означает заронить в стан союзников зерно сомнения относительно единства в правительстве Японии и его заинтересованности в переговорах вообще». Полыхая яростью, Того поднялся со стула и направился к выходу. «Поступая таким образом, вы грешите против благоразумия», — выкрикнул он напоследок и с треском хлопнул дверь. Кипя от негодования, Того по телефону вызвал своего помощника Мацумото, который, почувствовав нарастающий кризис, посоветовал ему попытаться отложить заседание до принятия решения. Отчаянно желая благоприятного исхода, Того согласился с ним и проследовал за массивную дубовую дверь, чтобы присоединиться к коллегам. Он успел как раз вовремя, чтобы получить последний удар.

Анами и Хиранум хорошо постарались этим утром. Они сосредоточили всю силу своего удара на премьер-министре Судзуки — слабом звене в рядах оппозиции. Старик был потрясен возможностью удаления императора, если условия союзников будут приняты. Когда Того возвращался в комнату, он услышал, как Судзуки цитирует аргументы партии войны. Премьер отступал с позиции принятия условий капитуляции. Шокированный переменой взглядов Судзуки, Того решил вмешаться до того, как произойдет непоправимое. Уже контролируя свой голос, он сказал:

— Ваши слова заслуживают тщательного рассмотрения, но в то же время Япония не может безответственно продолжать войну, не уделяя никакого внимания ее результатам, — Того продолжал говорить, пытаясь не упустить инициативу. — И до тех пор пока не появится хотя бы слабый луч надежды на победу, Япо-

ния должна вести мирные переговоры. Следовательно, я предлагаю отложить заседание и вернуться к этому вопросу после обнародования официального сообщения от союзников.

Повисло неловкое молчание. Кто-то из присутствующих согласился, люди стали подниматься и выходить. Тактика Того принесла Японии временное облегчение. Анами и его последователи потерпели еще одно поражение.

* * *

Министр иностранных дел не мог успокоиться. Рассерженный на Судзуки, он искал его повсюду и в конце концов нашел в приемной. Премьер беспомощно стоял, когда Того выплескивал на него свой гнев. Слишком уставший, чтобы спорить, запутавшийся в перипетиях фракционной борьбы, он не мог уже оказать никакого сопротивления. Того выскочил из комнаты, полный решимости привлечь других сторонников к борьбе за мир. Разозленный на Судзуки и подавленный тупостью Анами и Харанумы он не знал, что ему предпринять дальше. Поздно вечером он встречался с маркизом Кидо во дворце. Описав ему события, развернувшиеся на заседании кабинета министров, Того попросил Кидо поговорить с сомневающимся Судзуки, перед тем как вычеркнуть его из коалиции, выступающей за мир.

Тем временем в министерстве иностранных дел длинный рабочий день Шуниси Мацумото был все еще далек от завершения. Начав его еще до рассвета переводом послания из Сан-Франциско, он носился весь день по министерству, в то время как его начальник Того сражался с друзьями и врагами на заседании кабинета. И сейчас, в сумерках 12 августа, он сидел за столом, обдумывая, что еще предпринять, чтобы дать дипломатам время укрепить свои позиции.

Мацумото потянулся к телефону, набрал телеграфный отдел министерства и, связавшись с дежурным

офицером, сказал: «Следите за входящими сообщениями от союзников, которые придут этим вечером, и отмечайте на них дату прихода завтрашним утром. Кроме того, держите их в секрете». Дежурный согласился. Мацумото повесил трубку и утонул в своем кресле, надеясь, что этот трюк даст дополнительное время Того и его сторонникам для реорганизации системы защиты. Довольный своим маленьким обманом, Мацумото отправился домой.

* * *

В 18.40 нота Джеймса Бернса японскому правительству была получена дежурным офицером телеграфного отдела. Он быстро переправил время прихода на 7.40 следующего утра и убрал ее подальше.

* * *

Вскоре после этого сообщения пришло другое. Оно было отправлено японским послом в Швеции Суемасой Окамото, который вот уже два дня пытался разведать реакцию союзников на предлагаемые Америкой условия капитуляции. Окамото хотел предупредить официальные лица в Токио о надвигающихся опасностях.

«У американцев возникли затруднения в отношениях с союзниками из-за вопроса о статусе императора. Россия и Китай настаивают на его устранении. Великобритания согласна со временным статусом императора, лондонская «Таймс» высказывается против сохранения империи».

Окамото добавил также очевидное предупреждение: «Если Япония не примет первоначального варианта текста, президент Трумэн может изменить свою политическую позицию. Молчание в Токио должно быть сломлено, чем быстрее, тем лучше».

* * *

В 9.30 вечера премьер Японии вошел в кабинет Кидо по его срочному вызову. Судзуки внимательно

выслушал длинную лекцию, прочитанную ему маркизом, который не выбирал слов: «Если мы не примем предложение союзников сейчас, мы принесем в жертву сотни тысяч невинных людей... Более того, воля Его Величества заключается в том, чтобы достичь мира на базе, предлагаемой МИДом». Хорошо зная отношение Судзуки к императору, Кидо акцентировал внимание премьера на том, что тот пошел против воли императора. Старый адмирал обещал всемерно способствовать капитуляции. Когда за Судзуки закрылась дверь, Кидо вернулся в свою комнату уверенный в том, что партия мира опять во всеоружии.

* * *

Пока дипломаты и генералы суетились вокруг вопроса войны и мира, гражданское население Японии продолжало гибнуть в огне войны. В Нагасаки все еще полыхали пожары. 12 числа спасательные команды разбирали руины в поисках выживших, но находили только трупы. Более чем в полутора километрах от эпицентра взрыва вдоль дороги лежали погибшие с многочисленными ожогами и ранами на телах. Уже с этого расстояния и до эпицентра взрыва количество трупов росло с невероятной скоростью. Все в округе было покрыто толстым коричневым слоем. Трупный запах разложения проникал в ноздри спасателей, которых постоянно тошнило.

Выжившие жители были отправлены в близлежащие города для оказания им помощи. Сотни из них были доставлены в военно-морской госпиталь в Омуре. Внешний вид пациентов вызывал шок. Сожженные волосы, разорванная в клочья одежда, пропитанная кровью, сплошные ожоги. В телах людей застряли кусочки стекла и дерева, которые невозможно было вытащить. Пострадавшие лишь напоминали живые существа.

На третий день после взрыва бомбы начали происходить странные вещи: спасшиеся стали умирать в ог-

ромных количествах. После того как им оказали медицинскую помощь, люди должны были идти на поправку. Вместо этого они пополняли длинные списки умерших. Доктора не могли объяснить данную загадку. И в Нагасаки, и в Хиросиме спустя уже неделю после атомных бомбардировок пациенты приходили в больницы и умирали, не доходя до кабинетов врачей. Один врач заметил. «Эти случаи принципиально отличаются от ранений, с которыми мы имели дело до сих пор. Пациенты, которых мы вылечили вчера, сегодня умерли один за другим. Это нонсенс!» Пострадавшие не были жертвами обычной бомбы, они были облучены гамма-лучами, разрушившими их внутренности и, как бомба с часовым механизмом, поставившими на них страшную печать смерти.

У людей, подвергшихся атомной бомбардировке, наблюдались симптомы диареи, постоянная тошнота, недостаток аппетита и анемия. Их кровь была пропитана радиацией. Проходил день за днем, а все большее и большее количество выживших умирало. Города встретились с невидимым врагом. Загадочный недуг «геншибакуданшо» — атомная болезнь — каждый день пополнял списки умерших, а лидеры страны обсуждали продолжение войны.

* * *

...Вечером 12 августа в Пекине небольшая группа солдат устраивалась в апартаментах на последнем этаже одного из жилых домов. Ранее в тот же день они приземлились на парашютах в поле и добрались до города попутной машиной и поездом для выполнения специального задания. Уничтожив украденную униформу вражеских войск, люди быстро собрали на крыше радиостанцию и приступили к отправке зашифрованного сообщения в штаб ЦСЗ в Хсиане.

Майор Джим Келлис, старший группы, докладывал, что личный состав расположился в доме генерала Мунга, командующего китайскими наемниками япон-

ской армии. Мунг согласился сотрудничать с американцами и провел агентов ЦСЗ в сердце японской территории, чтобы они смогли быстро приступить к действиям в случае капитуляции Японии. Джим Келлис расположился в здании, соседствующем со штабом японского командования в северном Китае. После отправки сообщения Келлис распорядился разобрать антенну, затем агенты ЦСЗ затаились в ожидании сообщений о мире.

Глава II

НАДВИГАЮЩАЯСЯ ОПАСНОСТЬ

Генерал Анами не мог уснуть. Вмешательство Того на заседании кабинета министров расстроило его планы. Он обдумывал свой следующий шаг, направленный на противодействие безоговорочной капитуляции. В то время как жители Токио спокойно спали в ночь с 12 на 13 августа, генерал у себя дома держал совет со своими помощниками. Некоторое время спустя он приказал полковнику Хаяши отправиться с важным поручением.

Полковник пошел домой к генералу Умедзу и предстал перед ним в четыре часа утра. Хаяши извинился за столь раннюю побудку и сказал:

— Необходимо изменить решение императора усилиями старших офицеров армии. Император не доверяет фельдмаршалу Сугияме, и министр обороны рассматривает возможность апелляции маршала Хата к императору. Что вы думаете по этому поводу?

Этот вопрос ставил Умедзу в сложное положение. Очевидно, Анами хотел заручиться его поддержкой в деле затягивания капитуляции. Возможное бремя вины за это могло упасть и на него. Он прошелся по комнате, после чего повернулся к Хаяши и сказал:

— Извините, но я поддерживаю принятие Потсдамской декларации.

С полученным ответом Хаяши поспешил обратно к Анами, который был крайне расстроен этим известием. Неоценимый союзник покинул его. Анами почувство-

вал себя бесконечно одиноким и отправился на краткий отдых. Через несколько часов он проснулся и пошел на встречу с маркизом Кидо, который очень тепло принял его в своем кабинете*. Они были давними друзьями, вместе работали когда-то советниками императора. Кидо прекрасно понимал всю сложность положения, в которое попал генерал в последние дни: во-первых, он должен был приложить все возможные усилия, чтобы достичь наиболее мягких условий капитуляции для императора и армии, а во-вторых — сохранять спокойствие в армии до тех пор, пока первая цель не будет достигнута.

Анами начал разговор с жалобы:

— Ни одна уважающая себя нация не примет условия, выдвигаемые союзниками.

Кидо ожидал этого аргумента и был готов:

— Но у нас нет другого выхода. Япония сама попросила мира, американцы выдвинули свои условия. Если сегодня Япония выдвинет дополнительные условия, это будет означать разрыв переговоров и возобновление войны. Взгляните на это с позиции американцев. Что они подумают, если мы попытаемся определять правила игры? И если император передумает и отвергнет мирные предложения, союзники решат, что он либо дурак, либо сумасшедший.

Анами все еще не был убежден:

— Пессимизм никогда не приносил хороших результатов. Мы должны в последний раз попытаться выторговать приемлемые условия.

— Мы должны следовать воле Его Величества, а значит, нужно принять ответ союзников в его настоящей форме.

Анами улыбнулся:

— Я понимаю вашу позицию очень хорошо и ожидал услышать что-то в этом роде, — он прервался на

* В описываемое время маркиз Кидо был лордом-хранителем печати (прим. ред.).

некоторое время, перед тем как высказать мысль, которая неотвязно преследовала его. — В армии неспокойно, — он не стал уточнять, а только поднялся со своего кресла и вышел из комнаты, попрощавшись с Кидо, который внимательно смотрел вслед уходящему генералу.

Анами изо всех сил старался избежать встречи со своими молодыми помощниками. До сих пор Такесите, Иде, Хатанаке и другим так и не представился случай обсудить с ним планируемый путч. Время шло, а они все еще не могли связаться с Анами, чтобы он подтвердил свое участие в восстании. Пока они с волнением ожидали его в министерстве обороны, генерал находился на встрече Большой шестерки.

Прибыв на заседание, Анами обнаружил партию мира вновь сплоченной. Продолжительный сон улучшил настроение Того и дал ему силы и надежду на осуществление своих замыслов. Судзуки дружески болтал с каждым, кто попадался на его пути. Пыхтя сигарой, он полностью изменил аргументам предыдущего дня и теперь решительно отстаивал принятие Потсдамской декларации. Адмирал Ионаи, которого Анами просто ненавидел, остался на той же жесткой позиции немедленной капитуляции.

Генерал Анами и его последователи, Умедзу и Тоёда, настойчиво выдвигали свои условия капитуляции. Умедзу более не являлся их ярким сторонником, о чем Анами знал из утреннего разговора с Хаяши. И все же на заседании Умедзу поддержал своих начальников и выступил против дипломатов. Это было единственное, что обрадовало Анами тем утром. В Большой шестерке царил раскол. В полдень группа разошлась на ланч, чтобы встретиться позже на заседании кабинета.

Как и Анами, его оппонент из партии мира адмирал Ионаи испытывал определенные неудобства из-за позиции командования военно-морского флота. В полдень 13 августа военно-морской министр потерял терпение. Ему сообщили, что накануне адмирал Тоёда в

крайне негативном свете представил капитуляцию Японии, чем грубо нарушил субординацию. Он также узнал, что вице-командующий ВМФ адмирал Ониси, крестный отец камикадзе, в разговоре с несколькими членами кабинета поставил под вопрос стремление Ионаи к победе. Если высказывания Тоёды его рассердили, то поведением Ониси он был просто взбешен, так как последний фактически включился в кампанию его политической дискриминации. Министр военноморского флота негодовал в течение суток, а затем решил встретиться с обидчиками один на один. В качестве меры предосторожности Ионаи попросил своего помощника, адмирала Дзенширо Хошину, остаться в качестве свидетеля встречи. Хошина должен был зафиксировать наиболее важные моменты разговора и сыграть роль телохранителя в случае нападения. Ионаи и Хошина опасались Ониси, пользующегося дурной репутацией забияки и славящегося своей быстрой реакцией.

Вскоре после полудня обидчики вошли в кабинет министра и отдали честь. С фуражками в левой руке они остановились в ожидании слов своего начальника. Ионаи некоторое время молчал, держа неловкую паузу, после чего взглянул на них и резко заметил:

— Ваше поведение отвратительно. Если вы хотите сделать какие-то замечания относительно моей персоны, почему бы вам не высказать это мне лично? — Тон его голоса повышался. — Такое нахальное отношение к начальству позорно. Я не хочу еще раз узнать, о чем-либо подобном.

Ни один мускул не дрогнул на лице Тоёды. Ониси склонил голову и начал всхлипывать. Ионаи продолжил:

— А что это за идея — обращение непосредственно к императору, не ставя в известность меня? Я не имею ничего общего с этой затеей. Такое поведение непростительно

Тоёда остался неподвижен, Ониси громко зарыдал,

пытаясь извиниться срывающимся голосом. Ионаи приказал им удалиться. Адмиралы ушли, один — внешне безразличный, другой — с разбитым сердцем.

Ионаи и Хошина были озадачены. Они не ожидали подобной реакции Ониси. Сломить волю такого человека, пусть даже временно, было сигналом победы для партии мира. Ионаи с легким сердцем отправился на послеобеденное заседание кабинета которое уже не имело ничего общего со вчерашней яростной схваткой.

Кантаро Судзуки продолжал пропагандировать принятие текста Бернса и более не отклонялся от этой позиции. Разброд в рядах борцов за мир был успешно устранен. Министр иностранных дел, все еще раздраженный действиями оппозиционеров, был тем не менее удовлетворен изменением поведения Судзуки. Он продолжал спорить с Тоёдой, Умедзу и Анами, но смог удержать себя в руках на протяжении всего заседания. В течение нескольких часов обе стороны безуспешно пытались прийти к согласию. Те же условия выдвигали военные и встречали те же возражения, выдвинутые чиновниками. Каждая сторона покинула заседание со своей собственной точкой зрения

* * *

Во время перерыва в переговорах Анами вышел в соседнюю комнату, чтобы позвонить в свое министерство. Генерал прекрасно понимал, что ведущиеся дискуссии ничего не изменят. И все же он вынужден был притворяться перед офицерами. Анами уверенно говорил человеку на другом конце провода: «Да, кажется, все идет так, как надо. Вскоре они уже будут согласны с нами». Когда он повесил трубку и повернулся, то увидел округлившиеся от удивления глаза Сакомидзу, присевшего поблизости. Анами скорчил гримасу и улыбнулся: «А вам не кажется, что лучше не будить спящую собаку?» Сакомидзу быстро пришел в себя и согласно закивал головой, наблюдая, как военный министр направился назад в комнату. Секретарь наполнился чув-

ством восхищения генералом, который, не желая того, вынужден был обманывать своих подчиненных.

Пока повстанцы на горе Исигая томились в ожидании, в комнате заседаний правительства продолжались дебаты. Судзуки потребовал голосования все членов кабинета. Так как Тоёда и Умедзу не входили в состав этого органа, премьер надеялся изолировать Анами. Однако он ошибся. Несмотря на то, что двенадцать человек выступили в поддержку Того, двое других, министр юстиции и министр внутренних дел, присоединились к Анами. Один воздержался. Возникла тупиковая ситуация. Судзуки отложил совещание, обещая посоветоваться с императором

Покидая помещение, Анами знал, что это были последние часы борьбы. Когда император выступит с речью в следующий раз, будет уже слишком поздно принимать меры. А сейчас он шел на встречу с конспираторами, окружавшими его, подобно шакалам.

* * *

Мятежники поджидали Анами у его дома. В 20.00 десять непрошенных гостей пытались вытянуть из него окончательное одобрение планов переворота. Среди них были Такесита, Инаба и Хатанака со своим приятелем Дзиро Сийдзаки.

Хатанака донес слух о том, что готовится покушение на Анами. Он слышал, что «адвокаты» партии мира планируют убить генерала, если он продолжит противодействие принятию Потсдамской декларации. Анами не принял эту историю всерьез и обратился к полковнику Окикацу Арао, высокопоставленному чиновнику министерства обороны. Арао был одним из главных разработчиков плана. Он был уверен в том, что Анами никогда не поддержит восстание. Полковник являлся лидером среди своих подчиненных, которые доверяли этому интеллектуальному, разностороннему человеку. Арао полагал, что Анами еще несколько месяцев назад решил, что война безнадежно проиграна. В конце

1944 года он сопровождал генерала в инспекции по Японскому архипелагу, где и услышал от него фразу о том, что защитить Японию от оккупации практически невозможно. В мае 1945 года, когда Анами приказал освободить из тюрьмы Сигера Иосиду, сторонника мирных переговоров, Арао почувствовал, что генерал готовится сложить оружие. И все же вечером 13 августа он стоял напротив министра обороны и предлагал совершить переворот. С трудом сдерживая волнение, Арао вручил Анами листок бумаги с планом путча. Генерал взял его, быстро пробежал, а затем с закрытыми глазами прослушал, как Арао изложил ему детали.

Восстание было намечено на 10 часов утра следующего дня. Генерал Мори был поставлен в известность и обещал подумать о своем участии. Даже в случае его отказа, восстание должно начаться, так как большинство полковых командиров согласились участвовать в нем. Маркиз Кидо и премьер Судзуки должны быть посажены в тюрьму, а император изолирован. Штаб Восточного военного округа являлся единственным камнем преткновения, так как генерал Танака все еще не дал свое согласие на участие в восстании. Если Анами поставит свое имя под планом, Танака присоединится.

Настал решающий момент. От ответа этого человека зависели судьбы миллионов людей. Анами спросил: «Вы уверены, что все предусмотрели? Мне кажется, что в вашем плане много неточностей. Еще массу вещей нужно продумать. План далек от завершения», — заключил он, так и не дав ответа, которого добивались мятежники. Анами велел Арао прийти к нему на службу в полночь, чтобы обсудить этот вопрос, после чего вышел с офицерами, полными надежд и сомнений, к парадному подъезду. Анами не одобрил план, как они надеялись, но ведь и не отверг. Генерал кивнул им на прощание и сказал: «Будьте осторожны, за вами могут следить сегодня ночью. Вам лучше рассредоточиться и вернуться домой группами, а не всем вместе». За ними

никто не следил, но у Анами были причины предостеречь их. На этой неделе он предупредил и генерала Мори, и командующего секретной полицией Окидо о возможности волнений среди рядовых и младшего офицерства.

Полковник Хаяши, оставшийся в доме, был взбешен поведением своего начальника. Не наложив на план вето, Анами, очевидно, потакал повстанцам. Когда генерал вернулся, Хаяши сказал: «Вы дали этим людям фактическое согласие. Вы должны были сказать жесткое «нет». Глупо даже говорить о путче. Народ его не поддержит». Анами задумчиво выслушал его, кивнул и сказал: «Возможно, ты прав, я переговорю еще раз с Арао».

Хаяши почувствовал, что Анами позволил своим подчиненным втянуть его в интриги, и решил защитить его от нечестных действий. Он сомневался в политической интуиции министра обороны. Анами — один из немногих среди военных, кто обладал теми качествами, которые привлекали Хаяши в людях. Однако сейчас, когда офицеры пытались извлечь пользу из своей близости к нему, Анами не сделал ничего, чтобы устранить надвигающуюся опасность.

Предшественник Анами, Тодзио, на его месте предпринял бы жесткие действия против повстанцев, но Анами не мог пойти против своих людей. Ему следовало изменить свою тактику, в противном случае стране грозила катастрофа.

В полночь генерал встретил Арао в своем кабинете. Вспомнив слова Хаяши, Анами заявил Арао, что он сомневается в успехе путча, но опять не запретил повстанцам продолжать подготовку к акции. После ухода полковника Анами отправился к Хаяши и объяснил ему:

— Я передал Арао твои слова. Интересно, не поймет ли он их в том смысле, что я против путча?

— Интересно, — пробормотал Хаяши.

В два часа ночи 14 числа Анами был уже в постели.

Другие члены правительства также пытались отдохнуть перед предстоящей борьбой следующего дня. Министр иностранных дел Того провел несколько часов в жарком споре с генералами Умедзу и Тоёда. Во время их спора адмирал Ониси, пришедший в себя после атаки Ионаи, вступил в спор и потребовал, чтобы Япония боролась до самого конца, до смерти последнего японца. Того категорически отверг его слова. Премьер Кантаро Судзуки спал мертвым сном. В свои восемьдесят лет он уже не мог поддержать темп, заданный Анами и другими. Его тело устало, а мозг отказывался работать, измотанный постоянным напряжением дебатов и интриг. Через несколько часов он опять должен отправиться к императору за советом. Судзуки чувствовал, что судьба императора неопределенна, но он не видел другого решения дилеммы. 14 августа настанет кульминационный момент.

* * *

Поздним вечером 13 августа из штаб-квартиры американского военно-морского флота всем подразделениям было отправлено сообщение. Всем кораблям от Палау до Гавай и от Австралии до Хонсю адмирал Эрнст Кинг передавал весть о мире. Все ударные силы должны воздержаться от нападения на врага в течение ближайших часов. Вашингтон предоставлял Японии несколько часов, чтобы «привести их дом в порядок». По их истечении атаки будут возобновлены.

* * *

В три часа утра 14 августа американский полковник Рей Пирс пытался уснуть в Куньмине. Он был разбужен полковником Ричардом Хепнером, который только что получил сообщение из Чунцина от Ведемайера с приказом ЦСЗ начать операцию по освобождению пленных. Хепнер не был готов к этому и нуждался в помощи.

Пирс имел неординарный послужной список как

руководитель 101-го отделения, осуществлявшего партизанские акции в Бирме. Сейчас он был откомандирован в Китай в качестве заместителя руководителя операциями по освобождению пленных в районе к югу от Янцзы. В течение месяца он наблюдал за своей командой, осваиваясь с новыми проблемами. Когда Хепнер описал ему ситуацию, Пирс сказал «Немедленно забрасывайте группы в Хсиан» Хепнер возразил «Но у нас нет сформированных групп Мы вынуждены использовать отдельных наших агентов для работы за линией фронта. В этом и состоит проблема. Что вы можете предложить?» Пирс всегда был человеком действия и сразу понял цену этой операции. С наступлением рассвета он стал подбирать людей для десантирования на японскую территорию. Времени оставалось мало.

Глава 12

14 АВГУСТА — ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Утром 14 числа события в Токио стали развиваться стремительно. После короткого трехчасового сна генерал Анами завтракал с фельдмаршалом Хатой, только что приехавшим из Хиросимы, где был разрушен его штаб. Он прибыл, чтобы доложить правительству о результатах взрыва атомной бомбы. Хата заявил Анами, что город целиком разрушен, а само оружие представляется чудовищным. Однако он предложил один вариант защиты. Фельдмаршал предположил, что оружие не эффективно для объектов, скрытых под землей. Так как бомбы, очевидно, взрывались в воздухе, должные меры защиты путем создания подземных убежищ принесут свои плоды. Министр обороны ухватился за это замечание и попросил Хату: «Обязательно скажите об этом императору, когда увидите его. Сообщите ему, что бомбы не так смертоносны». Анами хватался за любую соломинку, сулящую ему надежду.

После завтрака Анами отправился на Исигаю. В 7 утра у него была назначена встреча с подчиненными. Такесита и его последователи планировали выступить в 10.00, и поэтому они должны были заручиться поддержкой Анами не менее чем за час до этого. Для того чтобы ускорить все согласования, они пригласили генералов Танака и Мори на специальную встречу в

министерство. К этому времени мятежники были уже вне себя от волнения.

Понимая, что партия мира может эффективно подготовиться к еще одному заседанию Большой шестерки с участием императора, он вместе с Умедзу попросил отложить его до часу дня. До этого срока он должен был сдерживать повстанцев. Он вызвал полковника Арао в приемную кабинета Умедзу. Там Анами жестко спросил Умедзу: «Вы поддержите путч?» Генерал сидел за своим столом, не отрываясь глядя на Анами. «Ни в коей мере, — сказал он, взглянув на Арао. — Нет ни единого шанса победить уже хотя бы потому, что люди не пойдут за вами, — голос Умедзу приобретал презрительный оттенок. — Сорок процентов рабочих уже лишились своих рабочих мест. Мы не можем продолжать войну в этих условиях». Анами посмотрел на Арао, которому нечего было возразить против такой твердой позиции. Генерал, зная отношение Умедзу заранее, подставил ловушку Арао. Полковник сообщил по телефону печальные новости своим единомышленникам. Для Арао тягостная роль представителя мятежников закончилась. К тому времени, когда они покинули штаб, путч стал разваливаться на глазах.

* * *

Пока в военном министерстве вынашивались планы переворота, фракция мира тоже не бездействовала. Коиси Кидо играл роль катализатора. Вот уже несколько дней В-29 проводили массированную кампанию «просвещения» Японии. Миллионы листовок, объясняющих гражданскому населению безысходность этой войны, выбрасывались из бомбовых отсеков самолетов 20-го воздушного корпуса. Американцы надеялись, что это информационный поток сформирует общественное мнение в пользу скорейшего прекращения войны. Они полагали, что правительство скорее примет условия капитуляции под давлением народных масс. Однако этот продуманный план был чреват опасностями. Если

информация о разногласиях в кабинете министров в Токио просочится в войска, возникла вероятность того, что военные опять возьмут инициативу в свои руки

В 7.00 слуга Кидо принес своему хозяину листовку, сброшенную с самолета союзников, в которой содержался анализ ситуации в Японии. Кидо был потрясен. Весь ужас надвигающегося несчастья предстал перед ним, и он понял, что нужно что-то предпринимать, пока в армии не сообразили, что к чему. Он немедленно позвонил во дворец и попросил срочной аудиенции у императора.

В 8.30 состоялась встреча, на которой Кидо изложил новости. Хирохито также был озабочен надвигающимся несчастьем и сказал маркизу: «Вы можете делать все, что пожелаете, с целью ускорить окончание войны». Кидо предложил созвать конференцию — последнее совещание с участием всех основных официальных лиц — и потребовать принятия условий союзников в этот же день. Выходя из библиотеки, маркиз встретил премьера Судзуки, который по счастливому стечению обстоятельств также пришел во дворец, чтобы проконсультироваться с императором. Кидо спросил старика, назначил ли он заседание Большой шестерки. Судзуки затравленно посмотрел на него и проговорил: «Ситуация очень тяжелая. Армия ждет ответа до часу дня. Военно-морской флот просит отложить решение вопроса, не оговаривая конкретное время».

Судзуки казался полностью потерянным. И все же он попросил Кидо присутствовать на его встрече с императором для выработки основной стратегии дня. Подобные встречи с двумя руководителями никогда не практиковались до этого, однако экстраординарность ситуации подсказывала Кидо, что император согласится. Они встретились около десяти часов утра и выработали тактику, рассчитанную на неожиданность, в результате чего застали партию войны полностью неподготовленной.

Император Хирохито разослал вызовы членам Ка-

бинета министров на встречу, начинающуюся в 10.30, менее чем через полчаса после вызова. Это вызвало хаос и спешку. Чиновники по всему Токио положили телефонные трубки и кинулись переодеваться в костюмы, подобающие случаю. Настал полный беспорядок, когда все секретари и министры теряли свои галстуки, меняли рубашки и надевали чистые воротнички, пытаясь выглядеть на встрече с императором более презентабельно, после чего неслись во дворец.

Все собрались в одноэтажном здании библиотеки. Они попали туда, пройдя через бомбоубежище, и теперь направлялись в подземную комнату для заседаний. Элита японского правительства спускалась по влажным ступенькам, покрытым ковром, а со стен, их окружающих, стекала вода. Сойдя с лестницы, они повернули направо и вошли в открытую дверь тридцати сантиметров толщиной. Здесь и располагалась комната для совещаний, в которой одиннадцать из них уже встречались с императором 9 августа.

Члены кабинета расселись в два ряда напротив знакомого узкого стола, покрытого парчовой тканью, отделанной золотом. В комнате по-прежнему было влажно. Во главе стола стоял стул с ровной высокой спинкой и подлокотниками. Позади стула располагался позолоченный экран, сложенный в шесть раз. Кроме перечисленных предметов в помещении ничего не было.

Двадцать четыре человека ожидали прихода императора. В первом ряду сидели Ионаи, Судзуки, Того, Умедзу, Тоёда и Анами в окружении своих советников и секретарей. Присутствовали барон Хиранума и секретарь Сакомидзу, пребывающий в полном ужасе. В руках его начальника находилась судьба встречи. Именно премьер Судзуки должен был управлять совещанием и обойти оппозицию. Сакомидзу опасался, что эта роль старику не по зубам.

Уже несколько дней секретарь переживал за Судзуки, и его опасения, казалось, были оправданны. Премьер не был способен провести решение о капитуля-

ции, принятое императором и девятью членами кабинета. Этим утром в восемь часов Сакомидзу зашел к Судзуки и спросил его, составил ли он текст воззвания к императору от имени Кабинета министров. Судзуки даже и не догадывался о том, что ему следовало его написать. Сакомидзу пришел в негодование. Он разъярился еще больше, когда Судзуки заявил, что еще не подготовил речь на случай, если император созывает заседание сегодня. Худшие предположения Сакомидзу подтверждались. Старик определенно все испортит. В самый важный час в своей жизни премьер опять неуверенно проведет заседание и упустит драгоценную инициативу.

Стояла жуткая тишина, пару раз прерванная нервным кашлем. Анами сидел в полном военном обмундировании, безразлично глядя на дверь за золотым экраном. Внезапно дверь открылась, и вошел верховный правитель Японской империи. На нем была военная форма и белые перчатки. Хирохито подошел к деревянному стулу и сел. Присутствующие встали и поклонились, после чего сели и замерли в ожидании. Первым должен был выступить Судзуки.

Престарелый премьер поднялся и встал перед Хирохито. Извинившись еще раз за беспокойство, Судзуки пустился в утомительные объяснения сложностей, вставших на пути Кабинета и обусловивших его бездействие. Сакомидзу стоял в заднем ряду. Его ладони вспотели от возбуждения, пока он слушал это выступление. Премьер, несомненно, понимал всю сложность ситуации, говорил, не заглядывая в заметки, речь его была убедительной. Описав проблему в целом, он обернулся к генералам и адмиралам и попросил их высказать свои аргументы еще раз. Выступления Анами и Умедзу представляли из себя сплошные эмоции, а потому оказались неэффективными и внесли сумятицу. Поэтому Тоёда, «адмирал без флота», вынужден был защищать партию войны в одиночку. Он говорил блестяще.

Тоёда стоял напротив императора и коллег, выдвигая последние аргументы военных. Они были все те же: суверенитет императора должен остаться непрерываемым; Япония не должна быть оккупирована; фраза о форме правления Японии, которая «определяется путем свободного волеизъявления граждан», вредоносна и подрывает японские традиции. Выступив лучше всех своих единомышленников, он сел.

Судзуки попросил выступить императора. Хирохито слегка наклонился вперед и начал:

— Если нет других точек зрения, я представляю свою. Мне бы хотелось, чтобы все с ней согласилось. Она остается неизменной — той, что я выразил на встрече 9 числа.

Император говорил с трудом, проглатывая фразы, делая паузы и едва контролируя свой голос. Это произвело огромное впечатление на аудиторию. Присутствующие начали незаметно всхлипывать.

— Я изучил условия, выдвигаемые в ответе союзников, и пришел к выводу, что они реально представляют ситуацию, в которой оказалась наша страна. Одним словом, я считаю, что мы должны принять эти условия.

В этом месте голос императора сорвался. Его рука в белой перчатке скользнула к лицу и вытерла слезы, катившиеся из глаз. Затем он продолжил:

— Я понимаю, как тяжело офицерам армии и флота сдаваться на милость победителя и видеть свою родину оккупированной. Действительно, это невыносимо — отдать приказ сложить оружие, после чего союзники будут обвинять моих подданных как военных преступников. Но мне также невыносима мысль о том, что мой народ будет продолжать страдать.

Говорить Хирохито становилось все труднее, его грудь вздымалась, как у бегуна на финише. В душной комнате по лицам многих струились слезы. Император заключил:

— Я хочу, чтобы вы, члены Кабинета министров, согласились с моим пожеланием и немедленно приня-

ли условия союзников. Для того чтобы простые граждане Японии знали об этом решении, я прошу вас подготовить текст императорского обращения к нации для передачи его по радио. Боюсь, что представители вооруженных сил будут особенно разочарованы. Поэтому в случае надобности я готов лично встретиться с представителями военных. Моя дальнейшая судьба не играет важной роли, однако я не найду оправдания перед духами моих предков, если нация будет уничтожена, а значит мне, потомку императора Мэйдзи, суждено вынести невыносимое, я готов к этому и наказываю это вам. Если необходимо выполнить что-то еще, я готов это сделать. Я с радостью встану к микрофону для обнародования своего решения. И, наконец, я призываю каждого из вас к полной самоотдаче, чтобы мы смогли подготовиться к трудным временам, ожидающим нас впереди.

Император внезапно остановился, подыскивая уже ненужные слова. Повисла полная тишина. Все знали, что война действительно закончилась. Премьер Судзюки медленно приблизился к императору, низко поклонился и попросил прощения за то, что беспокоил его величество просьбой принять решение. Хирохито поднялся и вышел через дверь, из которой появился менее часа назад. Он только что отдал свое государство врагу. Немногие видели, как он ушел. Вместо того чтобы склониться в нижайшем поклоне перед императором, большинство плакало, сидя за столом. Двое упали на колени, рыдая в полный голос. Маленькая комната мгновенно наполнилась безысходной печалью и горем. Соперники всхлипывали вместе, пытаясь поддержать друг друга. Японская империя утратила свое величие.

* * *

Присутствующие один за другим стали выходить на яркий солнечный свет. Пока только они знали весь трагизм ситуации. На повестке дня стояла архисложная

задача — сдать Японию врагу без конфликтов с военными, которые могли взбунтоваться, узнав об этом.

Анами мучила совесть. Достаточно ли он сделал для своей страны? Должен ли он настаивать на еще одной всеобщей атаке на американцев, чтобы показать мощь Японии, а может быть, даже заставить врага остановиться и пересмотреть условия капитуляции? Когда встреча закончилась, он попросил своего секретаря Хаяши проследовать за ним в ванную комнату. Там он сказал:

— Есть еще одна вещь, о которой я хочу спросить вас. Решение императора принято, но согласно разведанным в районе Токио располагается большой американский морской конвой. Что вы думаете об идее относительно предложения мира после нанесения удара по нему?

Хаяши был встревожен этим предложением и немедленно ответил:

— Ваша идея в корне неправильна. Во-первых, император уже принял решение об окончании войны. А во-вторых, мы располагаем только слухом о наличии конвоя на юге Токийского залива, который не подтвержден сообщениями от воздушных патрулей. Поэтому было бы ошибкой планировать какие-либо действия относительно этого объекта.

Анами больше не протестовал. Фактически он хотел получить именно такой ответ от Хаяши. Ему было важно услышать, что он сделал все возможное, и предпринять больше абсолютно нечего. Однако генерал знал, что, получив утешение из уст Хаяши, он должен встретиться со своим шурином Такеситой, жаждавшим обсудить планы восстания.

Анами и его коллеги отправились непосредственно на заседание Кабинета. Участники встретились, чтобы формально ратифицировать просьбу императора. Оппозиции больше не было. Анами, Умедзу и Тоёда более не протестовали.

После резкого разговора с Умедзу тем утром полковник Арао заявил своим друзьям, что путч постигнет печальная участь, и он был отложен на неопределенное время. Чуть позже двое подчиненных Такеситы отправились в кабинет Умедзу в последний раз попросить его об участии в восстании.

В тот день генерал был очень занят. Не желая быть грубым с офицерами, он указал на ряд практических аспектов этой затеи. «Я не выступаю резко против, но вы должны понимать, что нет ни единого шанса победить». После этого разговора офицеры отправились обратно с иллюзией того, что Умедзу поддержит их, если они все-таки начнут восстание. Эта информация распространилась в министерстве обороны, что позволило экстремистам и дальше вынашивать планы захвата власти в Токио. Вскоре Такесита направился через весь город к Судзуки.

Такесита обнаружил министра обороны в приемной главного зала заседаний. Кабинет только что разошелся после одобрения решения императора. Такесита перешел сразу к делу:

— Личный состав все еще изъявляет желание выступить под вашим началом. Мы также думаем, что Умедзу присоединится к нам. Пересмотрите ли вы свою позицию?

Анами покачал головой:

— Нет, слишком поздно. Решение было принято в другом месте.

Такесита чуть не задохнулся:

— Тогда откажитесь от своего поста! Это снимет с вас ответственность по выполнению приказа императора.

По закону, если весь Кабинет Японии не согласен с указом императора, то он признается недействительным. С уходом Анами кабинет автоматически прекращает свое существование. После недолгих колебаний генерал сказал:

— Возможно, это решение. Дайте мне бумагу, — он обошел комнату. Такесита ждал его замечаний. Министр вернулся, качая головой. — Нет, слишком поздно. Я собираюсь в министерство, сообщить всем о принятом решении.

Анами надел шляпу и вышел к машине. Такесита, теперь полностью уверенный в том, что война закончена, последовал за ним в здание министерства.

* * *

Когда Анами прибыл в штаб-квартиру на горе Исигая, министерство кипело, как развороченный улей. Новость о грядущей капитуляции дошла до полевых офицеров, и их реакция была предсказуема. Большинство из них сидели, плача или уставясь в потолок. Другие, носясь по коридорам, орали, что война должна продолжаться. В некоторых кабинетах все бумаги были вытащены из шкафов и сожжены, чтобы не достались противнику.

Заместитель начальника штаба Тораширо Кавабэ в своем кабинете обдумывал ситуацию. Ярый милитарист, Кавабэ до сих пор полагал, что армия должна вступить в схватку с американцами на побережье. Однако теперь он понял, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, и хотел быть уверенным в том, что капитуляция пройдет спокойно. В это время высокопоставленные офицеры собрались в одной из комнат на этом же этаже. Он обдумывал, следует ли ему принести на заседание документ, который мог являться свидетельством лояльности императору. Наконец он достал лист бумаги и написал: «Армия должна действовать в полном соответствии с решением императора», — после чего направился в комнату заместителя министра обороны Вакамацу, который одобрил его идею.

Мужчины направились в зал заседаний, где собралась элита японской Императорской армии. Внутри комнаты за столом сидели бесстрастный Умедзу с хмурым видом, наконец уверившийся в том, что утром

было принято правильное решение, Дойхара, один из инициаторов трагических событий в Маньчжурии, ставший после них первым японским мэром Мукдена; Хата, чья штаб-квартира в Хиросиме была разрушена восемь дней назад, Судзияма, фельдмаршал, выступающий в роли зрителя последних событий.

Кавабэ и Вакамацу зашли в комнату, чтобы предложить присутствующим в знак согласия скрепить документ своими подписями. Тораширо Кавабэ осторожно преподнес свою идею, дабы не получить обструкции со стороны генералов. Однако время борьбы ушло, и никто больше не хотел нести бремя ответственности. Умедзу быстро поставил подпись под фразой Кавабэ, а вскоре к нему присоединились и все присутствующие. В последний момент в комнату вошел генерал Анами и, взглянув на документ, безропотно подписал*.

В два часа дня руководители управлений министерства и полевые офицеры собрались в главном зале заседаний. Во главе стола стоял Анами. Дождавшись тишины в аудитории, министр сказал: «Только что состоялась встреча с участием Его Величества, который сделал свой выбор в пользу окончания войны. Императорская армия должна действовать в полном согласии с этим решением. Японию ждут тяжелые времена. Даже в том случае, если вам придется спать на земле и есть камни, я прошу вас, всех и каждого, сделать все зависящее от вас, чтобы сохранить наше государство».

Анами сформулировал все с обезоруживающей простотой. Слишком поздно для восстаний, решение уже принято, надо забыть о перевороте. Таким образом генерал положил и конец разговорам о его участии в планах заговорщиков. Хатанака жалобно простонал и кинулся в слезы. Полковник Ида осуждающе посмотрел на министра и спросил «Почему вы отступили?» Анами закрыл глаза, казалось, прилагая большие уси-

* Фактически, как это принято в Японии, участники заседания вместо подписи ставили под документом свою личную печать — факсимиле (прим. ред.)

лия, чтобы совладать с собой: «Я не могу более не повиноваться императору. Особенно в тот момент, когда он в слезах просит вынести все бремя и всю боль надвигающегося несчастья. Я должен забыть все и принять его решение». Он посмотрел на своего подчиненного, пытаясь разглядеть понимание в его глазах.

Группа разъяренных людей покинула главный зал заседаний и поклялась доказать, что Анами ошибается и время еще есть. Переворот будет успешным и без него. Одним из диссидентов был Кендзи Хатанака, протеже Анами. Сразу после встречи он на велосипеде отправился в штаб-квартиру войск Восточного округа — основной группировки, участвующей в восстании.

Радист на Окинаве записал сообщение из Токио, переданное на английском языке агентством новостей Домей в 14.49: «Токио, 14 августа. Стало известно о предстоящем провозглашении императорского решения о принятии Потсдамской декларации». Сообщение пришло, когда день еще не закончился, и Соединенные Штаты, понимая, что конец войне близок, отдали соответствующие указания. Они коснулись подразделений 11-й воздушной дивизии, которые еще 11 августа были вызваны на Филиппины для срочного вылета в направлении Рюкю. С аэродрома Липа на севере Лусона самолеты взяли курс на северо-запад к аэродромам Ионтан и Кадена на Окинаве. К настоящему времени дивизия полностью расположилась на острове. Всем подразделениям было сообщено, что следующая точка их приземления — Япония. Авианосцы с самолетами на взлетной палубе бороздили просторы Тихого океана недалеко от Хонсю и Сикоку

* * *

В штаб-квартире у аэродрома Оппама к югу от Токио японские пилоты собрались по вызову командующего. Офицер, появившийся перед ними, выглядел уставшим. Его слова для всех явились неожиданностью: «Приказы о капитуляции могут быть разосланы в

любой момент. На этом этапе важно обеспечить порядок. Возможно, некоторые горячие головы откажутся подчиниться. Помните, приказ Его Величества — превыше всего». Пилоты были ошеломлены. Понимая, что война разрывает Японию на части, они не ожидали, что конец наступит именно сегодня и таким образом. Летчики выходили из комнаты в шоке, все еще не веря, но уже зная страшную правду.

* * *

Далеко к югу на Тиниане группа В-29 загружалась для нанесения удара по Японским островам в случае отказа от капитуляции. Для нанесения бомбовых ударов в ночь на 15 число были намечены две цели. Американцы не оставляли Японии шансов пересмотреть свое решение.

* * *

Колонны советских танков двигались по степям Маньчжурии, встречая все менее организованное сопротивление. Советские спешили отхватить свой кусок и заявить свои права при послевоенном разделе мира.

* * *

В Сиане, на краю пустыни Гоби Гас Краус проверял готовность тридцати шести членов бригады ЦСЗ, отобранных для участия в специальной операции. Майор испытывал определенные проблемы. Он отправил телеграмму в Куньмин с результатами разведки, проведенной за линией фронта. Он знал, что Япония близка к хаосу. Он знал еще кое-что, что могло сокрушить все надежды на мир на Дальнем Востоке.

«Все заброшенные группы встречают сопротивление коммунистов, пытающихся захватить города и всю документацию после ухода японцев. Резиденты сообщают о вхождении красных в города Ханькоу, Пэнху и Сюйчжоу. «Леопард» встретил красных по пути на Тайвань. Ком-

мунисты обнаружены в районе Бейпина. «Лев» также столкнулся с ними. «Собака» сообщает об обнаружении в районе ее расположения группировки в 100 тысяч человек. Запрашиваю инструкции для заброшенных групп. Если группам надлежит вступить в противоборство с красными, то они должны быть эвакуированы в Сиань. Полагаю, они не должны рисковать своими жизнями в конфликте с красными. Имеются основания полагать, что в Северном Китае сразу после капитуляции Японии вспыхнет гражданская война. Ждем вашего ответа с нетерпением».

* * *

Кендзи Хатанака прибыл в штаб-квартиру Восточного военного округа. Он немедленно отправился за поддержкой к генералу Сейиси Танаке. Генерал терпеливо выслушал молодого майора. «Правительство и военное начальство решили закончить войну, с чем я не могу согласиться. Моя идея заключается в том, чтобы мы проникли во дворец, отрезав все средства связи, и помогли императору решиться на последнее усилие спасти ситуацию. Я связался с императорской гвардейской дивизией и сделал все необходимые приготовления. Мне бы хотелось, чтобы вы приняли участие в операции», — заявил офицер. Танака был ошеломлен и заорал: «Вернитесь в свои казармы и прекратите эту смешную возню! Делайте то, что вам приказано, и примите все, что говорят начальники. Война закончена!»

Хатанака вылетел из кабинета и направился осуществлять свой план далее. Около 16.00 он появился у подполковника Масатаки Иды, еще одного протеже Анами. Хатанака и Ида были близкими друзьями. Ида легко поддавался влиянию, на что рассчитывал Хатанака. Он повторил свою речь еще раз, но Ида переменял мнение о перевороте и отказался его поддержать. Он сказал, что «слишком поздно затевать авантюры». Хатанака принял это на удивление стойко. «Хорошо, я

сделал все, что мог, и оставляю ситуацию на волю провидения». Они расстались сердечно. Майор продолжал рыскать в тлеющих углях огня восстания. Уже казалось невозможным найти союзников. Но он был настойчив.

* * *

Уверенная в том, что восстание уже невозможно, секретная полиция Кемпейтай ослабила свою хватку. Так как Такесита, Ида и другие старшие офицеры не представляли более опасности, полковник Цукамото и его начальство не уделили внимания Кендзи Хатанаке в его фанатичных поисках союзников.

Глава 13

ВОССТАНИЕ

Вечером 14 числа майор Кендзи Хатанака добился успеха в поисках поддержки. Дзиро Сийдзаки, коллега по министерству, всегда выступал на его стороне. Другим сторонником согласился стать майор Хидемаса Кога, зять и сосед бывшего премьера Хидеки Тодзио. У него был одиннадцатимесячный сын. Сейчас майор служил в Императорской гвардии, целью которой являлась защита верховного правителя.

Последние два месяца Кога день и ночь проводил на стройке нового бомбоубежища для императорской семьи. После окончания работ молодой майор оказался на перепутье. Он разрывался между друзьями-офицерами и интересами собственной семьи.

Вечером 13 числа статный офицер отправился в дом Тодзио, где жил со своей семьей Мадам Тодзио увидела, как он подъехал на своем мотоцикле к дому, вошел через парадную дверь в холл и направился в кабинет генерала, расположенный слева. Так как генерал Тодзио был занят гостем, Кога проследовал в заднюю часть дома, где его ждали жена и ребенок.

Он подхватил сына на руки и попросил жену пройти с ним в семейное бомбоубежище, где заявил.

— Я хочу, чтобы ты с ребенком уехала на Кюсю. Там с моей семьей ты будешь в безопасности. Ты должна отправиться как можно скорее.

Он подержал сына еще некоторое время, а затем

положил на кровать. Приблизившись к жене, он произнес:

— Я хочу оставить тебе прядь моих волос и обрезки ногтей.

Жена была озадачена, потому что в Японии эти вещи хранят родственники умершего. Она отрицательно покачала головой.

— Бывают времена, когда мы должны исполнить свой долг. Меня ждут большие неприятности.

Хидемаса порывисто обнял жену. На пороге бомбоубежища появилась мадам Тодзио с коробкой конфет. Поблагодарив ее, он еще раз заглянул в кабинет Тодзио. Видя, что генерал все еще занят, Кога кивнул ему головой и торопливо выскользнул за дверь. Он провел дома всего лишь десять минут.

Выйдя из своего кабинета и увидев озабоченные лица жены и дочери, Тодзио понял, что его зять в беде. Мадам Тодзио попросила его срочно поговорить с Когой. Не зная о событиях, происходящих в министерстве обороны, Тодзио решил отправиться туда и выяснить причины странного поведения Когги. Он вызвал машину и поехал на Исигаю.

Вернувшись в 9 вечера, он выглядел удовлетворенно. После того как офицеры ввели его в курс дела, Тодзио разыскал Коггу и настойчиво посоветовал ему подумать о будущем, перед тем как ввязываться в путч. Зять пообещал ему не поддаваться эмоциям, и Тодзио уверился, что тот поведет себя правильно. Однако генерал ошибся. Под давлением офицеров молодой патриот присоединился к восстанию.

* * *

Майор Хатанака в течение нескольких дней вел работу в Императорской гвардии. Он понимал, что гвардейцы выступят на его стороне, если он уговорит их начальника, генерала Мори, связать свою судьбу с восстанием. Несмотря на то, что Мори регулярно от-

вергал предложения майора, Хатанака планировал еще одну попытку.

Он определенно мог рассчитывать на Дзиро Сийдзаки и Когу. Другие гвардейцы легко поддавались влиянию. Хатанака чувствовал уверенность и начал обзванивать заговорщиков. В 10 часов вечера того же дня он и Дзиро Сийдзаки отправились на встречу с полковником Идой в его комнату отдыха в министерстве обороны с намерением уговорить колеблющегося офицера помочь своим друзьям. Размышляя над событиями последних дней, Ида замкнулся в себе и решил уйти из жизни. Ранее он встречался со своими коллегами по министерству, предлагая им последовать его примеру, а сейчас лежал на кровати с отсутствующим взглядом.

Хатанака ворвался в его комнату:

— Ида, все императорские гвардейцы, кроме генерала Мори, поддержат нас. Когда еще слишком молод, чтобы уговорить его. Не мог бы ты сходить к нему и поговорить.

Ида резко поднялся, подумал и сказал:

— А что вы будете делать, если я не смогу убедить его? Если он не согласится с нами, что вы будете делать тогда?

— Если Мори не поддержит нас, я расстанусь с идеей путча, но мы должны сделать еще одну попытку.

Ида колебался. Он дружил с Хатанакой долгие годы, они были очень близки — вместе участвовали в военных действиях и посещали дискуссионные группы профессора Харайцуми, человека, имевшего огромное влияние на молодое поколение. Харайцуми проповедовал монархические идеи. Он говорил, что долг военных — защищать императора и подчиняться ему. Ида чувствовал обязанность поддерживать Хирохито и выполнять все его приказы без колебаний. Хатанака же просил выступить против него.

Мотивировка была проста: окружение императора

диктует ему свою волю, поэтому молодые офицеры должны удалить эту вредоносную группу. Если император был обманным путем вовлечен в политические интриги людьми типа Кидо и Судзуки, военные не должны сидеть сложа руки. Это было очевидно Хатанаке и его сторонникам, и они хотели, чтобы Ида присоединился к ним. Полковник решил поговорить с другими офицерами в министерстве. После беседы с коллегами, он попытался урезонить Хатанаку:

— Трудно уговорить даже наших друзей здесь, гораздо труднее будет уговорить генерала Мори, — и он опять повторил свой вопрос: — Что вы будете делать, если нам не удастся его убедить?

— Я уверен, бог поможет нам. Мы должны попытаться переломить ситуацию, — вмешался Сийдзаки.

— Если Мори не согласится с нами, я убью его, — добавил Хатанака.

Ида был шокирован. Смутные опасения закралось в его душу. Он спросил также про генерала Танаку, еще одного из группы генералов, необходимых повстанцам. Хатанака с жаром ответил:

— Это еще не решено, но если на нашей стороне выступают гвардейцы, армия тоже нас поддержит. Я абсолютно в этом уверен.

Ида инстинктивно почувствовал всю опасность ситуации, но не хотел бросать своего друга. Зная, что начинающийся путч все равно обречен на провал, он сдался и согласился поговорить с генералом Мори. Хатанака счастливо улыбнулся, когда они ударили по рукам.

* * *

Единственный человек, в чьей власти было принести успех восстанию, был занят составлением проекта завтрашнего обращения императора к народу. На заседании Кабинета генерал Анами вместе с другими участвовал в словесной баталии, чтобы смягчить язык декларации. Даже в конце войны Анами отчаянно

пытался спасти репутацию армии и снять вину за поражение страны со своих подчиненных. Помимо этого, его волновала безопасность императора. К концу обсуждений Анами выглядел уставшим. Тяжело переживая капитуляцию армии и грядущую оккупацию, он отправился попроситься с адмиралом Судзуки — человеком, которого глубоко уважал. В парадной форме и белых перчатках Анами принес ему коробку сигар. Вручив премьеру этот подарок, генерал сказал:

— Я должен был оказывать вам всяческое содействие во время войны, но боюсь, что доставил только хлопоты.

Судзуки схватил руку генерала, и двое офицеров посмотрели друг на друга долгим взглядом. Премьер понимал, что Анами предлагает ему свою дружбу, и был этим глубоко тронут.

— Я благодарен вам, — проговорил старик. — Я все еще надеюсь, что у Японии есть будущее.

Анами согласился с ним, поклонился и вышел из комнаты. Судзуки в слезах посмотрел на дверь, закрывшуюся за генералом. Министр обороны отправился в свою резиденцию в центре города. Его карьера была закончена. Все формальности были соблюдены. Настало время сложить оружие.

Когда Анами появился на пороге своего дома, слуга уловил его настроение. Он отправился прямо в спальню, расположенную на первом этаже, и приказал принести сакэ и сыр. Сняв пальто, генерал сел на ковер и принялся выводить кисточкой замысловатые фигуры на большом листе бумаги. В комнате было прохладно, а на пустынных улицах города царили зной и духота.

* * *

Незадолго до полуночи Ида появился в штаб-квартире гвардейского корпуса, расположенного на территории императорского дворца. Здание было заполнено солдатами, мечущимися по коридорам. Генерал Мори в своем кабинете принимал свояка, полковника Сира-

иси. Ида со своими единомышленниками ожидали в приемной. Там были Сийдзаки, Кога и недавно переведенный в Токио майор Садакиси Исихара. Будучи крайне эмоциональным человеком, он горячо поддерживал путч.

Хатанака присоединился к группе заговорщиков как раз в тот момент, когда Мори пригласил их к себе. Это было в половине первого ночи 15 августа. Судьба путча зависела от ответа генерала. Положение Мори было незавидным. Ида как представитель заговорщиков предложил генералу выступить на их стороне. Мори пустился в долгий философский монолог, избегая прямого ответа. Он был в нерешительности. Хатанака слушал некоторое время, после чего нетерпеливо повернулся и направился к двери. Прерывая Мори, он сказал: «Ида, я должен идти, у меня еще остались дела», — и он вышел из комнаты, оставляя Иду один на один с генералом.

Хатанака направился в министерство обороны, чтобы поговорить с полковником Такеситой, который к тому моменту уже прекратил попытки уговорить Анами участвовать в заговоре. После того как стало известно о капитуляции, Такесита вернулся на службу, где со своими друзьями-офицерами за бутылкой попытался забыть о событиях дня. В 0.45 Хатанака обратился к нему в очередной раз:

— Второе подразделение уже вступило на территорию дворца, который будет занят к двум часам ночи. Все командиры подразделений поддержали нас. Пока все идет хорошо.

Такесита слушал возбужденного Хатанаку, который продолжал:

— Сейчас мы ведем переговоры с Мори, который вскоре согласится помочь нам

Он умоляюще посмотрел на Такеситу, но полковник поспешил его разочаровать:

— Слишком поздно. Нам необходимо было заручиться поддержкой четырех генералов: Анами, Танаки, Мори и Умедзу. Сейчас это невозможно.

Фактически Такесита заявил, что восстание обречено на поражение. Они продолжали спорить еще в течение некоторого времени, после чего Хатанака попросил Такеситу оказать ему последнюю услугу.

— Когда восстание во дворце принесет плоды, попроси Анами присоединиться к нам.

Такесита согласился поговорить еще раз со своим деверем, и Хатанака, полный оптимизма, отправился снова во дворец.

Такесита поспешил в резиденцию министра обороны. Они тепло поздоровались. Написав пару писем, Анами сидел около низкого столика, потягивая из маленькой чашечки. Такесита стал рассказывать ему о ситуации, складывающейся во дворце, но, почувствовав, что генерал находится далеко отсюда, остановился на полуслове. Его подозрения укрепились, когда Анами сказал:

— Я думаю о самоубийстве.

Он говорил так спокойно, как будто рассуждал о погоде. Такесита кивнул:

— Я так и подумал, но, может быть, ты все таки подождешь.

Анами резко покачал головой.

— Нет. Я уже решил.

Он сказал, что сначала хотел подождать до дня рождения своего второго сына, но затем передумал.

— Кроме того, сегодня годовщина смерти моего отца, и будет весьма кстати присоединиться к нему сейчас.

Мужчины чокнулись чашечками сакэ и продолжили неторопливый разговор на семейные и личные темы. Было 1.45 ночи.

* * *

В центре города все еще продолжались дебаты. Ида и Мори говорили уже более часа, и генералу все еще удавалось уйти от каких-либо обязательств. В 1.30 к ним опять присоединился Хатанака. У Мори не оста-

лось больше аргументов. Он посмотрел на повстанцев, собравшихся в его кабинете, и сказал: «Я прекрасно понимаю вашу позицию. Честно говоря, ваши аргументы тронули меня. А сейчас я отправлюсь размышлять в Мэйдзи Шрин* и узнаю волю Господа». Это была последняя возможность задержать заговорщиков и выиграть время. Генерал был известен своей религиозностью, и поэтому его желание обратиться к богу выглядело вполне естественно.

Мори посмотрел на посетителей, ожидая реакции на свои слова. Полковник Сираиси, стоявший около него, настороженно наблюдал, как Хатанака со своими сторонниками воспринимает слова генерала. Молчание нарушил сам Мори «Ида, а почему бы тебе не спросить моего помощника Мидзутани о том, что он думает по поводу вашего плана?» Ида поднялся и вышел за дверь, оставив в комнате Мори, Сираиси и двух заговорщиков. Хатанака, вспотевший после поездки через весь город, стоял около стола Мори. Справа от него стоял еще один офицер, мистер Икс. Его имя не может быть обнародовано даже сегодня из-за событий, произошедших далее**.

Хатанака потерял несколько бесценных часов, пытаясь уговорить Мори. Было уже два часа ночи, и его терпению пришел конец. Он попросил генерала дать окончательный ответ. Однако Мори так и не сделал этого.

Заговорщики начали действовать почти одновременно. Хатанака вытащил из кобуры пистолет и выстрелил в Мори. Его напарник выхватил меч и рассек тело генерала от левой ключицы. Мори умер мгновенно. Его тело соскользнуло с кресла на пол, а потрясенный Сираиси прыгнул вперед, чтобы расправится с убийцами. Мистер Икс, заметив его движение, нанес

* Храм.

** Этот офицер, появившийся в кабинете Мори уже к концу затянувшихся дебатов, представился капитаном Сигетаро Уэхара из училища военно-воздушных сил (прим ред.).

удар мечом по голове. Левая щека и ухо Сираиси были рассечены, и огромный фонтан крови хлынул на пол. Его тело с нелепо вывернутой головой распростерлось на полу. Убийцы посмотрели на трупы, перешагнули через них и вышли в холл.

Услышав выстрел, Ида кинулся к кабинету Мори, где встретил выходящего Хатанаку с револьвером в руке. Лицо его выражало скорбь. Дрожащим голосом он объяснил: «У меня не было времени спорить, поэтому пришлось убить его». Хатанака взглянул на друга, ища поддержки. В этот момент полковник Мидзутани подхватил Иду за руки и увлек его к генералу Танаке. Ида спешил в штаб-квартиру армии Восточного округа. Заговорщик, убивший Сираиси, покинул дворец, чтобы заручиться поддержкой подразделений, расположенных в пригородах Токио.

Хатанака велел своим подчиненным отдавать приказы от имени генерала Мори. Было 2.15 пополудни. Теперь, когда Мори был мертв, Хатанака мог захватить дворец и перейти к следующему этапу своего плана. Он узнал, что император собирается обратиться к нации в полдень на следующий день. Прошел слух, что Хирохито уже сделал запись выступления, в которой содержится обращение к народу с просьбой сложить оружие и подчиниться воле императора. Хатанака должен был разыскать и уничтожить эту запись до передачи. Это и было самой важной его задачей на тот момент. Так как запись должна была быть спрятана где-то на территории дворца, Хатанака планировал допросить всех служащих.

Диск фонографа действительно был там. Он был записан вскоре после полудня в административном здании, расположенном в центре дворцового ансамбля. Хирохито прибыл туда в 23.25, где его тепло встретили служащие радиовещательной компании «Эн-Эйч-Кей». Они наблюдали, как император зачитывал речь в микрофон. Когда он закончил свое выступление, запись поставили еще раз. Хирохито был не удовлетворен

качеством и настоял на том, чтобы записать еще два раза, после чего вернулся в свою резиденцию. В 0.05 император был уже в постели.

Запись передали Иосихиро Токугава, управляющему дворца, который запер ее в стенном сейфе своего кабинета, расположенного в административном здании. После этого он отправился к центральному пункту проверить записи предупреждений о воздушных налетах. Удовлетворенный тем, что все было в порядке, Токугава расслабился и вступил в разговор с персоналом «Эн-Эйч-Кей», собиравшимся уходить. В 0.50 его проинформировали, что император уснул. В то же самое время прозвучал условный сигнал воздушного налета. Токугава не думал, что Токио будут бомбить этой ночью, поэтому он отправился в свою комнату и уснул. К половине второго ночи в здании все затихло.

Через 30 минут после смерти генерала Мори повстанцы выступили. Служащие радиокompании, которые, выключив свое оборудование, отправились домой, были задержаны в воротах дворца. Солдаты гурьбой погнали их к небольшому зданию около главного входа, где они влились в группу других задержанных в результате облавы, проведенной Хатанакой. К 2.15 семнадцать человек насильственно удерживались в маленькой комнате. Их судьба была неопределенной.

Напротив дворца, в сердце Токио, полковник Ида сражался с генералом Танакой. Когда Ида появился в стенах штаб-квартиры Восточного военного округа, он обнаружил, что офицеры уже знают о надвигающемся путче. За несколько минут до его прихода сюда позвонил майор Кога в крайнем возбуждении, требуя поддержки. Повторив ту же просьбу, Ида получил категорический отказ.

Ида был потрясен, и его собственная уверенность заметно уменьшилась. Офицеры штаба Танаки уговорили Иду попытаться остановить заговорщиков. Он согласился и отправился во дворец. Было 2.45 ночи. В рядах повстанцев появилась первая брешь.

К этому моменту на территории дворца царил шум и возбуждение. Из-за переданного предупреждения о воздушном налете все электричество было выключено, и только отдельные вспышки фонарей разрывали темноту дворцового ансамбля по мере того, как солдаты пробирались между зданиями. В управлении делами императорского дворца главный управляющий Токугава был грубо разбужен помощником, который прошептал: «Здания окружены солдатами». Токугава выскочил из постели и ринулся наружу с фонарем в руках. В коридоре он встретился с группой служащих, спешащих вниз, в бомбоубежище, расположенное в подвале. Он сразу же подумал о маркизе Кидо, который мог служить основной целью заговорщиков против правительства, и отдал приказ одному из помощников отправиться в комнату маркиза и привести его в бомбоубежище.

Сам Кидо только что узнал о путче. Он был разбужен в своем кабинете помощником, который ворвался к нему и попросил перейти в комнату его личного врача, чтобы спрятаться от надвигающейся опасности. Кидо отказался, заявив, что встретит любую опасность с высоко поднятой головой. После настойчивых уговоров маркиз все-таки сдался и проследовал за помощником. Несколько минут спустя он торопливо вернулся в свою комнату, подошел к рабочему столу, разорвал все бумаги государственной важности и спустил их в унитаз. Сейчас целью Кидо было избежать встречи с повстанцами. В этот момент посланец Токугавы встретил его и помог пробраться в подвал. Маркиз попал в душную комнату вскоре после трех часов ночи и расположился на полу рядом со служащими.

Кидо был разгневан попыткой расстроить планы капитуляции, но в то же время был уверен, что это восстание потерпит поражение. Он говорил себе, что декларация о капитуляции уже отправлена в Соединенные Штаты, а выступление императора прозвучит зав-

тра Они не пройдут. Вытирая вспотевший лоб, маркиз слушал, как возбужденная толпа повстанцев металась по зданию в поисках записи речи. Если Кидо найдут, он умрет.

* * *

Майор Хатанака не смог получить какой-либо новой информации о месте расположения диска. Никто из семнадцати человек, запертых в здании около главных ворот, не смог что-либо сказать на эту тему. Он стоял около резиденции императора, когда к нему приблизился его разуверившийся сторонник полковник Ида. По печальному выражению его лица Хатанака догадался, что скажет ему полковник. Ида развел руками и произнес

— Я пытался уговорить штаб, но не смог. Мне был оказан очень холодный прием. Хатанака, мне кажется, тебе следует вывести подразделения с территории дворца. В противном случае ты будешь иметь дело со всеми войсками Восточного округа.

— Я не боюсь вступить в бой. Мы заняли императорский дворец и держим императора и главу информационного комитета Кабинета министров Симомуру в качестве заложников. Нам не о чем беспокоиться.

Теряя терпение, Ида закричал

— Это нонсенс! Мы не можем командовать гвардейской дивизией без генерала Мори, а он, как ты знаешь, мертв. Пойми! Выведи войска до рассвета, и мы вместе возьмем на себя ответственность за путч. Мой дорогой Хатанака, завтра утром мы будем вспоминать об этом, как о кошмарном сне. Люди простят нас.

Хатанака покусывал нижнюю губу, что делал всегда, когда был подавлен. Волосы выбились из-под фуражки, прилипли к вспотевшему лбу, а его форма промокла от влажного воздуха августовской ночи. Наконец он ответил

— Иди спроси Анами, что мне делать. Я буду ждать твоего возвращения.

Собеседники растворились в мягком лунном свете.

В то время, как Ида искал Анами, Хатанака, Сийдзаки и Кога встретились в 3.30 для выработки окончательной стратегии. Запись выступления императора все еще не была найдена. Кога отдал приказ солдатам разыскать управляющего радиоккомпанией. Этот запуганный человек сказал Коге, что запись находится в управлении делами императора. Немедленно начался обыск здания, в подвале которого скрывался маркиз Кидо.

Хатанака продолжал восстание. Ида покинул своего друга, полагая, что тот приостановит захват дворца, но ошибся. Хотя время работало против него, у Хатанаки еще была возможность найти запись до рассвета. Получив ее, он сможет остановить капитуляцию. В противном случае его положение будет крайне тяжелым. Ида больше не поддерживает его. Генерал Танака также не станет его союзником. От Анами ответ так и не был получен. Даже в стенах дворца назревал раскол между командирами подразделений, поддержавшими заговорщиков.

Один из них, полковник Хага, выступил на их стороне только потому, что Хатанака уверил его, что генерал Анами лично придет во дворец уговаривать Хирохито пересмотреть решение о капитуляции. Когда Анами не появился к трем часам, у Хаги возникли подозрения, и он спросил у лидеров восстания, где Анами.

— Я позвоню и узнаю, вышел ли он, — ответил озадаченный Хатанака.

Когда он удалился, в комнату зашел майор Кога, которому Хага задал тот же самый вопрос. Он еще не знал о смерти Мори. Кога не мог продолжать обманывать и признался:

— Генерал Мори убит, и мы хотим, чтобы вы приняли на себя командование гвардейским корпусом.

Услышав эту новость, Хага был ошеломлен:

— Кто убил его? Почему? Я уверен, вы знаете правду.

Когда рассказал ему все.

К четырем часам Хатанака практически потерял связь со своими людьми. Его солдаты были сбиты с толку бесплодными поисками в полной темноте здания управления делами императора. Вспышки от блуждающих фонариков то и дело освещали многочисленные комнаты огромного здания. Солдаты много раз проходили мимо двери, ведущей в маленькую комнату, в которой сгрудилась группа людей. В этом убежище Кидо и его товарищи говорили шепотом, в то время как шум восстания грохотал по коридорам здания. В горле у них пересохло, а сами они взмокли от духоты. Но зато они были живы.

Лишь некоторые горожане Токио были в курсе событий во дворце, несмотря на то, что тишина несколько раз нарушалась выстрелами. В своей спальне генерал Анами мог различить звуки стрельбы со стороны дворца. Последние три часа он провел за бутылкой и разговорами. Такесита заметил, что генерал, возможно, выпил слишком много, чтобы совершить традиционное харакири с помощью меча. Однако Анами уверил его, что у него все еще твердая рука. «Вино сделает мои вены более упругими, и кровь хлынет потоком. Не о чем волноваться», — сказал он и продолжил неторопливый разговор о своей семье.

В четырехстах метрах от дворца, в штаб-квартире Кемпейтай, все были осведомлены о ситуации во дворце. Макото Цукамото, полковник, недавно вызванный с Формозы, спал, когда раздались звуки канонады. Офицеры Кемпей хотели вывести свои собственные подразделения, чтобы выступить против повстанцев, но Цукамото опасался, что эта акция вызовет только излишнее кровопролитие.

Посетив министерство обороны 11 числа, Цукамото узнал, что полковник Ида должен быть вовлечен в ряды заговорщиков, и предпринял следующие меры. Во-первых, солдаты Кемпей были приведены в полную боевую готовность, чтобы предотвратить распространение

ние восстания за пределы императорского дворца. Вторых, он решил вызвать отца полковника Иды, чтобы тот уговорил сына не участвовать в путче. Ему было послано специальное сообщение, и сейчас Цукамото ожидал посредника.

* * *

К этому времени Ида сам превратился в посредника. Получив отпор у генерала Танаки, он уже предложил Хатанаке отвести до рассвета своих людей. В 4 часа утра он прибыл в одноэтажный дом министра обороны, чтобы поговорить с ним о ситуации во дворце.

Он обнаружил Анами и Такеситу в спальне и сразу же догадался о том, что здесь должно произойти. На Анами была надета белая рубашка, подаренная ему императором, а живот опоясан белой тканью. Ида в истерике закричал: «Позвольте мне умереть с вами!» Анами подошел к нему и отвесил несколько пощечин. После этого мужчины кинулись друг другу в объятия и зарыдали. Выпрямившись, Анами посмотрел на своего молодого протеже: «Ты должен жить и служить своей стране». Он хлопнул полковника по плечу и пригласил его присесть и выпить с ними.

Все трое мужчин произносили тосты и вели неторопливую беседу еще около 30 минут. В 4.30 Такеситу вызвали для разговора с посыльным. Ида попрощался со своим командиром, который грустно улыбнулся ему. Опечаленный, он вышел из дома и стал ждать машину, которая должна была прийти за ним.

Анами хотел умереть за пределами дома, на земле, как это делали кающиеся грешники. Но так как вокруг дома было слишком много людей, он выбрал единственный оставшийся вариант. Выйдя в коридор, он встал на колени и распорол себе живот слева направо. Такесита обнаружил его через несколько секунд стоящим на коленях в луже крови. Генерал был еще жив, но его мучила дикая боль. И все же он смог вонзить кинжал в шею под правым ухом.

На долю секунды Такесита поддался желанию присоединиться к восстанию, забыв об агонии своего деверя. Выбежав на лужайку, он увидел Иду и сказал: «Анами совершил сэппуку*. Теперь я могу участвовать в путче». Ида остолбенел. «Не будь дураком», — с отвращением сказал он. Такесита отказался от внезапно возникшей идеи.

* * *

За ними на полу, залитом кровью, генерал Анами корчился от боли. Когда несколько подчиненных приблизились к нему, Анами простонал: «Убирайтесь отсюда!» Через несколько минут генерал упал на пороге своей спальни лицом вниз.

Ида отправился в министерство обороны, а Такесита — назад в комнату. Вместе с полковником Хаяши, секретарем Анами, они наблюдали предсмертные конвульсии генерала. Зазвонил телефон. Пока Хаяши ходил отвечать на звонок, Такесита кинулся к Анами, вытащил кинжал и вонзил его снова в рану на шее. Анами был все еще жив. Такесита взял пиджак генерала, накинул его на съезжившуюся массу на полу и отступил, молчаливо наблюдая. В комнате раздавалось только тяжелое дыхание умирающего министра обороны. Минута тянулась за минутой, картина происходящего не менялась. Анами умирал тяжело.

А в это время повсюду в его стране творилось насилие во имя императора. Как и в 1936 году, когда солдаты преследовали каждого, кто был не согласен с их планами, бригады фанатиков вышли в эту теплую летнюю ночь на улицы городов, чтобы зарезать каждого, кто, по их мнению, предал Японию. У них не было какого-либо плана. Хатанака и его люди во дворце

* «Сэппуку (или «каппуку») — буквально «вспарывание живота». Наиболее употребляемое в Японии название ритуального самоубийства, осуществляемого в соответствии с кодексом самурайской чести. Смерть в бою и сэппуку у самураев в одинаковой степени расценивалась как геройство (*прим. ред.*).

поддерживали связь с разными офицерами в пригородах Токио. Но солдаты, которые вышли на улицы столицы в эту ночь, просто отстреливали чиновников. Они вошли в город со всех его окраин, чтобы убивать.

Главной мишенью являлся премьер Судзуки — человек, ответственный за капитуляцию. Первое предупреждение о надвигающейся опасности секретарь Сакомидзу получил уже в постели. Он очень устал после встречи с императором и заседания Кабинета, прошедшего поздно вечером. В 23.30 он отправился в свою комнату. 30 минут спустя раздался звонок из дворца, и ему сообщили о том, что император сделал запись выступления по радио. Все приготовления были завершены.

Отдых Сакомидзу еще раз прервался представителем министерства иностранных дел, прибывшим обсудить с ним различные проблемы, вытекающие из текста коммюнике союзникам. После окончания разговора Сакомидзу отправился спать.

В 4 часа утра его разбудила автоматная очередь. Стрельба раздавалась снаружи здания и сопровождалась резкими криками. Повстанцы предполагали отыскать Судзуки в доме, но ошиблись — вечером премьер отправился в свой загородный дом. Сакомидзу немедленно подумал о Судзуки и приказал своему помощнику позвонить ему. К счастью, за два дня до этого в загородном доме премьера был установлен телефон.

Помощник, затаив дыхание, слушал гудки, раздающиеся из трубки. Когда заспанный голос премьера ответил ему, помощник быстро проговорил: «Ваше Превосходительство, солдаты атакуют министерство. Когда они не найдут вас здесь, они отправятся за вами в ваш дом. Вам необходимо скрыться».

Престарелый премьер вспомнил кошмары прошлого, и неприятный холодок пробежал у него по спине. Всего лишь девять лет назад он был грубо разбужен бандой фанатиков, и с тех пор жил в страхе Судзуки поблагодарил собеседника за звонок и задумался о том,

что ему делать. Он положил трубку телефона на рычаг и остановился, прислушиваясь. После этого он отправился в спальню, разбудил жену и вышел с ней через заднюю дверь, торопливо направившись вниз по аллее к автомобилю.

Через пятнадцать минут солдаты появились в доме и допросили запуганную служанку, которая заявила им, что премьер в доме не появлялся. Солдаты обыскали все комнаты, а затем разлили бензин на кухне и подожгли дом. Когда служанка попыталась потушить огонь, офицер вытолкнул ее на улицу, пригрозив убить. Ей пришлось отойти от дома, ярко полыхающего в темноте ночи.

Премьер Судзуки с женой и двумя слугами ехал в старой машине по пустынным улицам Токио. Оглядываясь назад, он не увидел погони и языков пламени. Около часа спустя он достиг дома своей сестры и, изможденный, рухнул в кресло. Убийцы опять упустили его. Они также упустили барона Хирануму. В этот момент старик скрывался в здании, расположенном около его полыхающего дома. А снаружи гоготали солдаты, твердо веря в то, что их жертва горит внутри дома.

* * *

Восстание во дворце продолжалось, хотя диск записи речи все еще оставался на своем месте. Управляющий Токугава был захвачен одним из людей Хатанаки около половины пятого утра. Управляющий зло крикнул: «Ваши действия незаконны и постыдны!» За это замечание солдат ударил его кулаком по лицу.

Токугаву допрашивали тридцать минут, пытаясь выяснить, в каком месте спрятался маркиз Кидо и где лежит драгоценная запись. А прямо под его ногами маркиз Кидо не находил себе места, гадая, сколько времени он еще будет на свободе. Токугава не сказал офицерам ничего, отрицая какую-либо причастность к

записи. Он говорил громким голосом, так, чтобы его люди могли догадаться, что сказать повстанцам. В пять часов утра он был отпущен. Наблюдая за солдатами, обыскивающими комнату за комнатой, и слушая их разговоры, Токугава пришел к выводу, что они отчаялись и дух восстания стал угасать. Он был недалек от истины.

Влияние Хатанаки заметно ослабло. Незадолго до этого полковник Хага, на которого предполагалось возложить обязанности командующего гвардейским корпусом, потерял терпение. Узнав о том, что генерал Мори убит, Хага понял, что его одурачили, и закричал: «Убирайтесь отсюда!» Кога, Исихара, Сийдзаки и Хатанака вышли. Кога и Исихара были безутешны. Обоих потрясла смерть Мори и все события, произошедшие после этого. Исихара почти впал в истерику.

Хатанаке осталось разыграть последнюю карту. Он взял несколько своих людей и направился в сторону радиовещательных студий «Эн-Эйч-Кей». Он проследовал в двенадцатую студию, где направил пистолет на ведущего Морио Татено. «Я хочу выступить по радио в пятичасовых новостях», — заявил он. «Вам необходимо получить разрешение штаба Восточного военного округа», — возразил Татено. Раздосадованный Хатанака попытался нажать на ведущего, но тот все равно был бессилен помочь ему. Никто не мог выйти в эфир без санкции генерала Танаки.

В это время раздался телефонный звонок. Хатанака снял трубку и представился. Звонили из штаба генерала Танаки с приказом прекратить восстание. Хатанака стоял с трубкой в левой руке и пистолетом в правой. Наконец он заговорил: «Мне нужно всего лишь пять минут. Мы должны донести до нации точку зрения молодых офицеров». Голос по телефону отказал ему. Хатанака повесил трубку.

Это было поражение. Он не мог сделать ничего, чтобы предотвратить капитуляцию. Сейчас он находил-

ся в студии, а ответ Японии был уже на пути в Швейцарию. Гарри Трумэн сидел в своем кабинете в Белом доме, терпеливо ожидая его.

Генерал Анами, человек, перед которым Хатанака преклонялся, истекал кровью в своем доме. Император спал. Его сон не был нарушен сумасшедшими поисками диска с записью обращения к нации. Хатанака продолжал бороться в одиночку. Он вытер выступившие на глазах слезы и вышел из студии, сказав своим помощникам: «Мы сделали все, что могли. Пора вернуться во дворец».

* * *

В отсутствие Хатанаки в его стане наступил раскол. Генерал Сейиси Танака решил вмешаться в ход событий. Получив доклады своих офицеров, он отправился во дворец, чтобы лично уговорить войска отступить. Сидя на заднем сидении автомобиля, он с негодованием размышлял о молодых офицерах, не пожелавших подчиниться приказу. Когда машина подъехала к главным воротам, Танака задумался о том, откуда ему начать свою дипломатическую миссию, и остановился на 1-м гвардейском полку.

Его выбор оказался правильным, так как первый гвардейский собирался присоединиться к Хатанаке. Полк уже выходил из ворот в полевой форме, когда приблизился автомобиль Танаки. Генерал высунулся из окна и закричал командиру, спускающемуся по лестнице штаба, надевая шлем: «Это ты, Ватанабэ? Я рад, что успел вовремя. Твои приказы отменяются. Верни войска на место».

Знал Ватанабэ правду или нет, но он немедленно подчинился команде генерала, и его солдаты вернулись в казармы. Повстанцы лишились последнего подкрепления.

Танака разыскал майора Исихару и арестовал его. «Вы, ребята, уже сделали свое дело», — сказал он Пол-

ковник Фува, помощник Танаки, встал слева от находящегося в истерике Исихары и отвел его в тюрьму.

Генерал прошел по территории, останавливаясь у групп солдат и принуждая их вернуться в казармы. Он уговаривал, угрожал, приказывал. Солдаты устали и были подавлены. Они прислушались к словам Танаки, и к рассвету восстание прекратилось.

* * *

А смертельно раненый Анами лежал в спальне своего дома. Вот уже два часа он был без чувств, лишь только слабое нерегулярное дыхание нарушало тишину комнаты. Его тело бессознательно двигалось по полу огромной луже крове, вытекшей из его ран. Люди приходили и уходили, они молча смотрели на министра. Некоторые плакали. Все были потрясены зрелищем гордого человека, пытающегося умереть.

* * *

В это же самое время еще один видный военачальник решил уйти из жизни. К юго-западу от Токио на воздушной базе Оита дежурный офицер, лейтенант Танака, позвонил капитану Такаши Миядзаки, адъютанту командующего флотом адмирала Угаки. Он проинформировал заспанного офицера, что Угаки решил покончить с жизнью, став камикадзе и нанеся удар по одному из американских кораблей на Окинаве. Как командующий корпусом камикадзе острова Кюсю, он чувствовал себя обязанным последовать примеру своих подчиненных и обрушить свой самолет на вражеское судно. Война закончилась, и у него не было желания жить дальше.

Миядзаки торопливо оделся и побежал по взлетной полосе. Он приблизился к резиденции адмирала, расположенной в пещере. Эта примитивная берлога служила ему одновременно кабинетом и спальней. Угаки, полностью одетый, лежал на матрасе. Миядзаки встал

перед ним и сделал глубокий вздох «Дежурный офицер сказал мне, что вы отдали приказ подготовить бомбардировщики Могу я узнать о ваших планах, сэр?» Адмирал улыбнулся ему, прекрасно понимая, что Миядзаки уже знает о его планах Он ничего не ответил и продолжал улыбаться.

* * *

В Токио Хирохито проснулся в 6 40, и его проинформировали о драматических событиях этой длинной ночи. Он отдал приказ генералу Танаке прибыть к нему с отчетом о путче. В 7 часов Танака встретился со служащими управления делами императора и поинтересовался здоровьем императора Узнав о том, что с ним все в порядке, генерал заявил, что восстание закончено

И это действительно было так. Мир вернулся на истерзанную землю Токио Горожане, проснувшиеся этим судьбоносным утром 15 августа, даже не могли представить себе всех масштабов драмы, разыгравшейся на этой святой земле в последние несколько часов С виду все выглядело нормально. Однако в парках скрывались грое людей, которые могли превратить город в поле битвы, если бы их план удался. Хатанака, Сийдзаки и Кога не были арестованы, но они знали, что их часы, проведенные на свободе, сочтены. Танака дал им возможность скрыться, предполагая, что они совершат самоубийство.

В доме министра обороны картина осталась без изменения Вот уже три часа Анами находился без сознания, все еще цепляясь за жизнь Полковнику Синадзи Кобаяси из штаба генерала Судзиямы, пришедшему проститься с умирающим генералом, было больно смотреть на эту продолжающуюся схватку жизни и смерти, свидетелем которой он стал. Несмотря на то, что многие хотели ускорить смерть генерала, никто не отважился вмешаться. Кобаяси действовал стремительно. Он приказал всем удалиться из комнаты,

На этом совещании в императорском бомбоубежище было принято решение о капитуляции Японии. Стоит премьер-министр Судзуки.

Адмирал Такидзиро Ониси,
создатель отрядов «камикадзе».

Адмирал Мицумаса Йонаи.

Генерал Корешика Анами.

Премьер-министр Кантаро Судзуки.

Генерал Иосидзиро Умедзу.

Генерал Соему Тоёда.

Барон Киихиро Хиранума.

Кабинет-секретарь
Хисацунэ Сакомидзу.

Подполковник
Масахико Такесита.

Майор Хидемаса Кога.

Майор Кендзи Хатанака.

Генерал Такеши Мори.

Мамору Сигэмицу и генерал Умедзу на палубе линкора «Миссури».

Генерал Умедзу подписывает акт о капитуляции.

Генерал Томоюки Ямасита под арестом.

Фельдмаршал Сугияма с женой.

Генерал Хидэки Тодзио при смерти.

кроме военного врача, которому дал конкретные инструкции. Врач согласился и открыл свой чемоданчик. Затем извлек из него иглу для подкожных инъекций, приблизился к умирающему и вонзил шприц в руку. Генерал Корешика Анами умер через несколько секунд.

Когда тело вынесли, в комнате нашли пропитавшиеся кровью бумаги, на которых Анами пролежал последние часы своей жизни. Кто-то прочитал: «Я верю, что моя святая земля никогда больше не будет страдать, и своей смертью я нижайше извиняюсь перед императором за величайшее преступление».

Анами предложил свою жизнь в качестве платы за ошибки, допущенные армией.

Глава I 4

МИР НА ЗЕМЛЕ

Когда тело генерала Анами готовили к кремации, в другой части света президент Соединенных Штатов стоял в Овальном кабинете Белого дома. В комнате находилась целая толпа фоторепортеров, снимающая группу людей, стоящих вокруг стола Трумэна. «Я только что получил ответ японского правительства на сообщение, отправленное госсекретарем 11 августа. Этот ответ содержит полное принятие Потсдамской декларации, заключающее в себе безусловную капитуляцию Японии. В ответе не содержится каких-либо условий...» Генералы, адмиралы, государственные чиновники — все слушали президента, читающего документ.

Человек, который настаивал на выдвижении условий, лежал на полу своей спальни в Токио. Его слуги были в трауре, в то время как Америка ликовала. В деревнях, городках и крупных городах эмоции били через край. На Таймс-сквер царило веселье, восторженные счастливые люди целовались и обнимали друг друга, пили и танцевали в ярких огнях, вспыхнувших после долгой и суровой войны.

В Вашингтоне толпы народа сгрудились вокруг Белого дома, ожидая появления Трумэна. Он вышел и выступил с короткой речью. Народ приветствовал каждое его предложение и аплодировал ему, когда он удалился, чтобы позвонить своей матери в Индепенденс, штат Миссури. Возбужденные толпы направились в

центр города. Солдаты останавливали проезжающие машины, чтобы поцеловать сидящих там девушек, — те не возражали. Напротив здания газеты «Вашингтон пост» солдат и девушка вылезли из такси и стали срывать с себя одежду под крики окружающих: «Сними все!», «Все до конца!», «Возьми ее!». Парочка окончательно разделась, а затем каждый стал натягивать на себя одежду партнера. Девушка надела трусы, рубашку и брюки солдата, который в свою очередь облачился в бюстгальтер, трусики, комбинацию и платье, к дикому восторгу наблюдателей. Затем оба эксгибициониста прыгнули в машину и скрылись.

Не каждый город отличился подобными проявлениями радости, но общая картина происходящего была похожа во многих местах. Американский солдат был королем той ночи и знал это. Полиция была лояльной, поддерживая общий порядок и стараясь не замечать мелкого хулиганства.

В Сан-Франциско, однако, требовался большой контроль за происходящим. В этот город, окруженный базами военно-морских сил США, новость о капитуляции дошла к четырем часам дня. Моряки при активном участии гражданского населения немедленно напились вдрызг. К вечеру празднование вышло за рамки допустимого.

Перепившиеся солдаты угоняли машины и носились на дикой скорости по запруженным улицам города. Несколько людей было сбиты и задавлены. Появление молодой девушки в толпе празднующих было опасным. По крайней мере шесть девушек были пойманы и несколько раз изнасилованы. Никто не двинулся к ним на помощь. Полисмены, наблюдающие за этим, старались смотреть в другую сторону, боясь подойти к офицерам, накачавшимся спиртным. Витрины магазинов, расположенных в центре, были разбиты, а винные магазины разграблены дочиستا. Один из пешеходов, идущий в центр города, умер от перелома черепа в результате падения сумки, полной бутылок, выбро-

шенной с одного из верхних этажей здания. Празднование в Сан-Франциско затянулось до самого утра. В эту ночь погибли двенадцать человек.

* * *

В Маниле филиппинцы собирались в группы вокруг руин своего некогда красивого города. Полностью разрушенная в ходе отчаянной защиты японцами, захваченными в каждом здании этого города, столица Филиппин начала постепенно возрождаться при активной помощи населения, которое лучше, чем кто-либо, знало об ужасах войны в Тихом океане. Крики радости, раздающиеся в тот день, чередовались со всхлипами родственников погибших, погребенных под руинами.

В пригороде Манилы находилась тюрьма Билибид, в которой пребывало множество американцев и филиппинцев, попавших туда во время японской оккупации. Вздохи душ этих отчаявшихся людей все еще раздавались в стенах унылого здания. Множество узников умерли либо сошли с ума, и лишь некоторым удалось выжить.

Сейчас, в августе 1945, Билибид принял в качестве заключенных бывших стражников и японских солдат. Один за другим с начала февраля эти недобитые остатки огромной армии генерала Ямаситы появлялись из своих нор в этой удивительной холмистой местности. Сейчас они слонялись по коридорам и дворам Билибида как в полудреме. Они были счастливы, что живы и у них есть еда. Но они боялись вернуться домой. Так как плен считался позором, то большинство заключенных полагали, что семьи и друзья будут презирать их с того самого момента, как они вступят на Японские острова. Это были живые трупы.

Новость о капитуляции здесь узнали из газеты, принесенной в тюрьму солдатом. Японцы сгрудились вокруг переводчика. Некоторые слушали его и не могли поверить. Другие стали всхлипывать, удалившись в

прохладную тень тюремного двора, им было о чем поразмыслить. Теперь они могли идти домой, но куда?..

На севере острова Лусон американские солдаты все еще держали оружие наготове. Вот уже несколько месяцев 32-я дивизия преследовала упорного врага в джунглях и горах, пытаясь выбить из него последний дух. В августе 1945 года, когда конец войны уже маячил на горизонте, эта жестокая трехлетняя охота на острове еще продолжалась.

В 8 утра 15 числа сообщение Трумэна о капитуляции Японии достигло солдат на Лусоне. Японцы же пока ничего не знали. Два часа спустя они захватили командный пункт 128-го пехотного полка и убили одного человека. Затем подвергся нападению американский блокпост. Когда известие о капитуляции распространилось по всему острову, один из солдат сказал: «Да, все кончено на этих чертовых холмах». Залпы артиллерии заглушили эту реплику.

* * *

Недалеко от побережья Японии американские авианосцы под командованием Була Холси готовились к возобновлению атак утром пятнадцатого числа. Срок временного моратория на бомбардировки заканчивался. В 6.15 утра 176 самолетов поднялись со взлетно-посадочных палуб. Вскоре после этого было получено следующее сообщение: «Немедленно прекратить воздушные налеты на территорию Японии».

По приказу Холси офицеры связи попытались вернуть вылетевшие самолеты, однако связаться удалось лишь с семьюдесятью тремя пилотами. Оставшиеся машины нанесли удар по Японским островам, вступив в бой с поднявшимися в последний раз в воздух сорока пятью японскими самолетами. Следующее сообщение застало Холси за игрой в бридж.

«Отмените все наступательные операции против Японии. Продолжайте патрулирование и наблюдение

за территорией противника. Необходимо поддерживать готовность к немедленным действиям в случае вероломных действий со стороны японских вооруженных сил».

Личный состав 3-го флота уже знал, что война действительно закончилась. На палубе «Сан Джасинто» вернувшиеся из полета на Токио экипажи с воодушевлением рассказывали, что они сбили двенадцать вражеских самолетов. Однако никто не был вдохновлен их рассказом — война была закончена.

* * *

В то утро император Японии назначил встречу со своими советниками на 10 часов, однако из-за восстания, произошедшего накануне, она была отложена до 11.15.

* * *

Майор Хидемаса Кога прогуливался по лесу недалеко от здания штаба гвардейского корпуса, где лежало тело генерала Мори. Бессмысленное убийство достойнейшего офицера вызвало волну протеста в душе Коги. Всю ночь он слонялся, как сомнамбула, потрясенный насилием, совершенным во имя императора. В его понимание путча не входили жестокость и насилие к лояльным офицерам.

Кога взглянул на тело Мори в деревянном гробу. Встав на колени у ног генерала, он приставил пистолет к своей груди и спустил курок. Майор умер у ног своего командира.

* * *

Около императорского дворца двое человек раздавали листовки прохожим. Один из них был на лошади, другой на мотоцикле. Это были Хатанака и Сийдзаки, которые выбрались с территории дворца, чтобы объяснить согражданам свои поступки. Они останавливали

прохожих и силой навязывали им листовки. Затем парочка исчезла в сосняке около ворот двойного моста.

Сийдзаки встал на колени и вытащил ритуальный кинжал. Стоя лицом ко дворцу, он вспорол себе живот и упал без чувств на землю. Хатанака стоял немного в стороне. Его попытки помешать установлению мира провалились. Мягкий по природе, он прибег к изощренному насилию и убил человека, которого будут оплакивать очень многие. Проиграв по всем статьям, он мог только последовать за Анами.

Хатанака поднял пистолет, из которого девять часов назад убил Мори, направил его себе между глаз и спустил курок. Тонкие черты его лица превратились в кровавую маску. Прохожие слышали звук выстрела, однако прошли мимо, не останавливаясь. Утреннее солнце согревало траву около дворца, сверкая в красных лужицах, появившихся под деревьями.

Глава 15

РЕЧЬ ИМПЕРАТОРА

Из утренних новостей 15 августа граждане Японии узнали, что в полдень к ним обратится император. Это было беспрецедентное нарушение традиций. Еще никогда он лично не обращался к нации. Люди никогда не слышали его голос.

В полдень в школах, на фабриках, военных базах и в частных домах все собрались вокруг приемников и громкоговорителей. Лишь некоторые догадывались о том, что они услышат.

К юго-западу от Токио личный состав выстроился на взлетной полосе аэродрома Оппама. Среди летчиков был Сабуро Сакаи, слава к которому пришла еще в начале войны, когда он и его товарищи господствовали в небе до самой Новой Гвинеи. Сейчас на другой стороне аэродрома поднимался дымок — сжигали документы, которые не должны были попасть в руки противника.

На аэродроме Оита на острове Кюсю адмирал Угаки одевался в своей комнате. Все утро друзья отговаривали его от решения разделить участь камикадзе. Он сказал своему лучшему другу: «Это мой последний шанс умереть настоящим бойцом, и я его использую». Ближе к полудню он тоже включил свой приемник.

На другом конце острова Кюсю, в городе Нагасаки, толпа собралась вокруг громкоговорителя на школьном дворе. Поблизости все еще лежали обугленные трупы,

вздувшиеся от жары. Тысячи мух пиршествовали на останках человеческих тел. Стояла невыносимая вонь. Каждый день от невидимой радиации умирали те, кто выжил в кошмаре взрыва.

Без одной минуты двенадцать отзвучали последние аккорды японского национального гимна «Кимагайо», после чего диктор объявил выступление императора. Дорожное движение остановилось, подданные склонили головы. В городах и поселках повисла гробовая тишина.

— Я обращаюсь к моим законопослушным подданным, — начал император. — После долгого размышления над событиями последних дней, складывающимися условиями в нашей стране мы решили стабилизировать ситуацию при помощи экстраординарной меры, — его высокий пронзительный голос слегка дрожал от напряжения. — Мы отдали приказ нашему правительству связаться с правительствами Соединенных Штатов, Великобритании, Китая и Советского Союза, чтобы сообщить им о том, что империя принимает условия совместной Декларации.

Язык сообщения был стильной архаичной формой придворного японского, странной для большинства слушателей. По мере того как император говорил, вырисовывалась основная цель его выступления — он перешел к оправданию своей страны за поражение в войне.

— Достижение всеобщего процветания и счастья всех наций, как и безопасность и благосостояние моих подданных, является единственным моим обязательством перед великими предками нашей империи. В самом деле, мы объявили войну Америке и Британии вне зависимости от нашего желания обеспечить защиту Японии и стабилизацию в Юго-Восточной Азии. Мы также были далеки от мысли о нарушении суверенитета других государств или о территориальных захватах. Но сейчас война длится уже четыре года. Несмотря на все усилия, приложенные каждым гражданином наше-

го отечества, и самоотверженность всего стомиллионного народа, никто не может гарантировать победы Японии в этой войне. Более того, общие тенденции современного мира обернулись не в нашу пользу.

Именно здесь, говоря о разгроме вооруженных сил, император был крайне деликатен.

— Кроме того, противник начал использование нового оружия небывалой мощности. Эта смертоносная бомба причинила непоправимый ущерб нашей земле и унесла тысячи невинных жизней. Если мы продолжим борьбу, это приведет не только к полному уничтожению японской нации, но и даст старт искоренению всего человечества. В сложившейся ситуации мы обязаны спасти миллионы сограждан и оправдать себя перед святыми духами наших императорских предков. Именно по этой причине мы отдали приказ о принятии всех положений совместной Декларации.

Те, кто еще не понял смысла первой фразы выступления императора, услышали второе подтверждение. Люди рыдали, слушая слова утешения, следовавшие за этим сообщением.

— Мы выражаем свое сожаление всем союзным государствам, которые сотрудничали с Японской империей во время захвата Восточной Азии. Мысль о солдатах и офицерах, павших на полях сражений и на боевом посту, о безвременно ушедших от нас и их осиротевших семьях наполняет болью наши сердца день и ночь. Наша первейшая обязанность — забота о пострадавших и раненых, тех, кто потерял свои дома и средства к существованию. Жизнь нашего государства будет полна тягот и лишений. Мы понимаем это, однако в сложившихся условиях нам выпала судьба пройти по тернистому пути к достижению великого мира для всех грядущих поколений. В этих условиях мы должны вынести невыносимое.

Пояснив причины и высказав соболезнования, в завершение Хирохито предупредил:

— Я прошу вас воздержаться от вспышек эмоций.

которые могут вызвать ненужные раздоры, ввести других в заблуждение и привести к сумятице в мире. Объединим наши усилия во имя будущего. Будьте честными, крепите бодрость духа, трудитесь, чтобы возвысить славу императорского государства и идти в ногу с мировым прогрессом.

На этом его выступление закончилось.

* * *

Шок охватил всю Японию. Впервые за 2600 лет японский народ будет кланяться победителю. Особенно ошеломлены были те, кто жил в отдаленных районах, а также те, кто с трудом понимал незнакомый стиль речи императора. В городах многие тоже не поверили своим ушам. Например, в Сендае люди были настолько уверены, что война продолжается, что просто не могли понять смысл сообщения. Даже два—три дня спустя многие еще сомневались, как бы пребывая в воздушном замке, отгородившем их от суровой реальности.

Другие отреагировали немедленно. Так, в Осаке мадам Кацуко Оияма вспоминает, что они с дочерью были так расстроены, что проплакали целый день. Мальчик из Кобе помнит о распространившемся в школе слухе о том, что «американцы перережут всем глотки, всех убьют, сделают дырки в ушах и проткнут через них одну большую проволоку». Это вызвало панику и страх среди детей. На аэродроме Оппама царило смятение. Все офицеры были в слезах. Всхлипы людей, собравшихся на школьном дворе в Нагасаки, были заглушены американскими самолетами, кружащими над разоренной долиной и фотографировавшими картину разрушений. Пребывая в состоянии шока и страха перед неведомым, подавляющее большинство гражданского населения Японии затаилось в своих домах в ожидании врага.

Ситуация в вооруженных силах была другой. Через несколько часов после речи императора грузовики с

пьяными солдатами, кричащими, что война будет продолжена, пронесли по центру Осаки.

Сотни верующих собрались напротив императорского дворца вечером того дня, чтобы помолиться за здоровье верховного правителя. Это были пожилые люди, охваченные скорбью. Среди них были видны и армейские офицеры. Но эти пришли сюда с совершенно иной целью — свести счеты с жизнью. Никто не кричал и не поднимал паники. Люди осторожно обходили трупы военных, лежащие на тротуаре у главного входа во дворец.

* * *

Сразу после выступления императора кабинет Судзуки ушел в отставку. Старик сделал работу, которую ему поручили. С апреля по август он находился в центре страстей и напряжения, охвативших Японию, с трудом балансируя между различными политическими группировками, стремящимися разрушить основы грядущего мира. Адмирал совершил самую благородную работу, которую когда-либо мог сделать японец. Он спас своих сограждан от полного уничтожения. Именно поэтому он был на грани смерти от рук фанатиков. Именно поэтому за ним охотились в последующие месяцы, в результате чего он не мог спать у себя дома, переходя из убежища в убежище, до тех пор, пока армия США не оккупировала все государство, а преследователи не устали от погони.

Новым премьером стал человек королевской крови — дядя Хирохито. Принц Хигаши-Куни, чье поведение в молодости было крайне скандальным, не был идеальной кандидатурой на эту должность, по крайней мере в нормальное время. С точки зрения приближенных, он не был особенно талантлив и не слыл блестящим интеллектуалом. Однако принц имел одно очень важное преимущество. Как член правящей династии он был непосредственно связан с Троном, и его решения не могли оспариваться людьми, все еще выступающи-

ми против политики мира. Новый премьер был фигурой, которая могла оказывать влияние на население в наступающее тяжелое время.

За несколько лет до этого, осознавая всю опасность войны с Западом, Хигаши-Куни предупреждал своих военных друзей о пагубности японской агрессии. В ранге генерала армии он выступал против надвигающейся войны с Соединенными Штатами. Когда война все же разразилась, он подал в отставку. Сейчас по просьбе Хирохито принц вернулся на политическую сцену. Он вступил в должность премьера, чтобы восстановить мир и спокойствие в стране.

* * *

В городе Фукуока еще четыре дня назад шло сражение с американцами. Сейчас офицеры штаба Западного военного округа слушали выступление императора и строили планы на будущее. Было проведено собрание, закончившееся следующим заявлением: «Вражеские летчики будут казнены. Они будут казнены потому, что именно они виноваты в массовых бомбардировках гражданского населения...» Офицер, читавший директиву, добавил: «Казнь будет держаться в секрете».

У японцев была причина расправиться с членами экипажей В-29, находящимися в плену. Американцы знали слишком много. Они могли засвидетельствовать, что другая группа пленников, находившаяся здесь еще несколько дней назад, неожиданно исчезла. Вечером того же дня еще одна процессия отправилась по дороге на Абураюму. В грузовике сидели шестнадцать американских летчиков в окружении охранников. Никто из заключенных не знал, что война закончилась.

На том же поле, где восемь их друзей были зарезаны четыре дня назад, американцев раздели и выстроили в линию. Командир японской группы стоял поодаль со своей девушкой, которую он пригласил на зрелище. По его команде несколько подчиненных ок-

ружили первую жертву, отвели ее к деревьям на краю поля и изрубили мечами.

Сцена насилия повторялась снова и снова. Пленники по одному или по двое отводились к деревьям и изрубались на куски. Это был пароксизм ненависти, безумное разрушение человеческих существ. Победные возгласы возбужденных японцев, кромсающих заключенных, разносились по округе.

В то время как толпы счастливых людей носились по улицам Нью-Йорка, Сан-Франциско и Нового Орлеана, шестнадцать американцев были сброшены в торопливо вырытые ямы на берегу Тихого океана. Тела были неузнаваемы. Палачи отправились в лагерь, чтобы сжечь все записи, свидетельствующие об их преступлении.

* * *

На аэродроме Оита готовился последний полет камикадзе. Было около пяти часов дня. Адмирал Матоме Угаки внимательно прослушал речь императора. Он попрощался со своими помощниками во время короткой церемонии с традиционным распитием чашечки сакэ всеми ее участниками. Он выполнил все приготовления к смерти. Наконец, Угаки срезал все ордена и знаки различия со своей формы и вышел из комнаты, направившись в сторону взлетной полосы.

Капитан Миядзаки, проникшийся решением своего начальника, нагнал его и попросил разрешения участвовать в полете. Однако Угаки отказал: «У вас достаточно дел здесь, вы должны остаться». На лице Миядзаки проступили слезы, а адмирал пошел дальше. Дойдя до места стоянки одиннадцати бомбардировщиков, он остановился. Начальник штаба Угаки контр-адмирал Токиюши Июкои подошел к нему и сказал, что добровольцы желают вылететь на Окинаву вместе с ним. Угаки согласился. Он был тронут: «Действительно ли вы хотите умереть со мной?» Двадцать две руки взмет-

нулись в воздух, отдавая салют адмиралу. Угаки отправился к ведущему самолету, отдавая приказ на вылет. Одиннадцать моторов взревели, и как только первый самолет вышел на взлетную полосу, Энси Эндо очутился в самолете Угаки. Они улыбнулись друг другу, и самолет начал свой бег по полю. Одна за другой машины отправились в духоту августовского вечера. Вскоре аэродром Оита затих. Началось ожидание.

Полетное время до Окинавы составляло чуть больше двух часов. В 19.24 радио на наблюдательной вышке аэродрома Оита ожило. Угаки передал последнее сообщение своим подчиненным: «В нашей неспособности защитить Родину и сокрушить врага я виню только себя. Я ценю усилия, приложенные всеми моими офицерами и служащими за последние шесть месяцев...»

Никто и никогда больше не видел Угаки и других летчиков, отправившихся вместе с ним. Флот Соединенных Штатов не зарегистрировал ни одной атаки камикадзе в тот день. Никто и никогда так и не узнал, где закончился их полет. Адмирал Угаки оставил после себя эпитафию и неразгаданную тайну.

* * *

Вечером этого дня тело генерала Анами в полном обмундировании было перенесено в кабинет на горе Исигая. Его поместили рядом с телами Хатанаки и Сийдзаки. Друзья-офицеры приходили склонить голову в молитве. Поток безутешных солдат струился через комнату.

В полночь тело Анами было вынесено из здания. Длинная череда плачущих людей сопровождала гроб до могилы. На могилу положили металлическую решетку, сверху поставили гроб, засыпанный ветками. На это сооружение вылили канистру бензина. В мягком свете летней ночи зрители увидели, как полковник зажег спичку и бросил ее на гроб. Пламя взметнулось в небо. Вдова и пятилетний сын генерала присутствовали на

кремации. Солдаты отдали честь. В сумерках 15-го августа яркий факел на горе Исигая не угасал еще несколько часов.

После кремации жена и сын отправились домой в сопровождении офицеров, оставшихся без своего командира.

* * *

Через несколько часов после радиообращения императора Хирохито представители противника вышли на связь с Токио. В первый раз с 7 декабря 1941 года армия Соединенных Штатов открыто общалась с правительством Японии.

«От кого: Верховный главнокомандующий войск союзных держав

Кому: Императору Японии, Правительству Японской империи, в штаб-квартиру Японских императорских вооруженных сил

Я, Верховный главнокомандующий войск союзных держав (США, Китая, Англии и СССР), уполномочен достичь договоренности с японскими официальными лицами по вопросу о скорейшем прекращении военных действий.

Желательно, чтобы одна из радиостанций в Токио была выделена для связи штаба войск союзников со штаб-квартирой японских войск. Укажите в вашем ответе на это сообщение ее позывные и рабочие частоты. Текст сообщений — английский. Предлагаем использовать радиостанцию «Джиг Нэн Питэр» «Джей-Эн-Пи». Рабочая частота — 3740 килогерц.

При получении письма сообщите.

Макартур»

Глава 16

ЗАПОЗДАЛАЯ РЕАКЦИЯ

Ранним утром 16 августа военный грузовик медленно ехал по пустынным улицам Токио. В машине стоял ящик, сколоченный из сосновых досок, в котором лежало тело Ониси, основателя камикадзе. Адмирал свел счеты с жизнью накануне, чтобы избежать позора. В последние часы войны он безуспешно пытался противостоять капитуляции.

Услышав окончательное решение императора, Ониси вернулся домой и сделал себе харакири. Отказавшись от какой-либо помощи, он пролежал в кровавой луже на полу около 18 часов. Когда же смерть наконец настигла его, он сжимал руку своего друга. Его тело уже увезли в крематорий, а дух еще присутствовал в доме.

* * *

Утром того же 16 числа двое человек подошли к огромному зданию на горе Исигае. Полковник Кемпейтай Цукамото привел отца полковника Ида посмотреть на сына. Отказавшись от участия в восстании, Ида пребывал в отчаянии уже целые сутки. Потрясенный смертью Мори, Анами и других, он вернулся домой 15 числа, склоняясь к самоубийству. Большую часть дня он провел в постели. В 18 часов он попрощался с женой и сказал ей, что его тело можно будет запросить на следующий день в министерстве обороны. После

этого он отправился на Исигаю и помолился перед гробами Анами, Сийдзаки и Хатанаки. Он горько плакал, окончательно приняв решение умереть так же, как и они.

Незадолго до прихода отца Иды и Цукамото в министерство будущая вдова прибыла туда же с целью запросить тело мужа. Из одного кабинета в глубине коридора неся громкий смех. Вскоре оттуда появились полковник Арао под руку с офицером, которым оказался полковник Ида. Увидев своего мужа, живого невредимого и даже улыбающегося, жена моментально пришла в ярость: «Ты-сказал, что убьешь себя! У тебя не хватило храбрости!» Женщина продолжала кричать на него, но Ида, улыбаясь, сказал: «Арао и другие отговорили меня». Он безуспешно попытался убедить ее, что не струсил. В одной из комнат министерства разгорелся скандал на почве фамильной чести. Наконец Ида отвернулся от своей разочарованной жены, отца и друзей и вышел прочь. Он предпочел жить.

* * *

Находясь в Пекине, майор ЦСЗ Джим Келлис также слушал радиообращение императора. Понимая, что настала пора действовать, он заявил японской марионетке — китайскому генералу Мунгу, что хочет встретиться с высокопоставленным военным в Пекине как можно скорее. Утром 16 числа полковник японских войск подъехал к дому Мунга, где в это время был Келлис, и передал записку: генерал Такахашаи будет рад встретиться с американским майором в любое удобное для него время. Келлис немедленно оделся в американскую военную форму и отправился на встречу.

В штаб-квартире японцев его пригласили в кабинет генерала. Такахашаи поднялся и обменялся приветствиями с Келлисом. Американец заговорил: «Майор Джеймс Келлис. Через меня вы будете осуществлять связь с генералом Ведемейером. Я пришел сюда, чтобы обеспечить скорейшее освобождение военнопленных войск

союзников». Такахаши выслушал его, улыбнулся и сказал: «Добро пожаловать в Пекин. Я буду с вами сотрудничать». Мужчины начали обговаривать детали освобождения военнопленных. Келлис и его команда появились как раз вовремя...

К северо-востоку от Пекина одинокий бомбардировщик В-24 летел над полями Маньчжурии. Он появился с юго-запада, со стороны Сианя. Накануне, ночью 16 августа, майор Гас Краус попрощался с шестью членами экипажа самолета, летящими в долгое путешествие в лагерь военнопленных Хотен, расположенный в Маньчжурии, недалеко от Мукдена. Краус беспокоился о судьбе парашютистов, отправляющихся в зону японской оккупации. Он прекрасно понимал, что эта миссия может закончиться печально. В-24 с дополнительным баком горючего скрылся в ночи, а участники предполагаемой миссии по освобождению военнопленных вскоре уснули.

Командиром группы был майор Джеймс Хеннесси. Он нервничал, но старался скрыть это. Врач группы, майор Роберт Ламар, тоже нервничал. Он единственный из всех имел на своем счету прыжки с парашютом с В-24. Кроме них, в самолете находились сержанты Эвард Старз, Гародьд Лит и Фумио Кидо, переводчик-нисеи*. Еще одним членом группы был проводник — китайский националист майор Чан Шиву, пребывающий в восторге от идеи высадки на территорию, оккупированную Квантунской армией.

С первыми лучами солнца пилот вызвал в кабину Ламара. Он сказал майору, что из-за ситуации с топливом над точкой высадки будет всего лишь два захода: один — для людей, второй — для оборудования. Ламар отправился будить свою группу и проинструктировать о возможных проблемах при высадке из бомбового отсека В-24.

* Нисеи — гражданин США японского происхождения (родившийся и получивший образование в США).

Заклученные в лагере Хотен собрались во дворе на утреннюю прогулку. В тюрьме содержалось 1700 человек, которые смогли выжить в тяжелых условиях японского концентрационного лагеря. За долгие годы содержания под стражей заключенные в совершенстве овладели искусством воровать, уводя из-под носа надзирателей все, что плохо лежит. Когда японцы ставили пленных на разгрузку грузовиков и железнодорожных вагонов, почти половина товара растворялась в карманах, рукавах и даже трусах. Японцы каждый раз удивлялись и пытались выбить правду из заключенных, делающих вид, что они тут ни при чем. Охранники так и не могли понять, куда деваются грузы.

Между заключенными и охранниками был налажен оживленный обмен, своего рода черный рынок. Японцы приносили в лагерь продукты в обмен на часы и другие ценности. Были налажены также прочные связи с гражданским населением, которое продавало заключенным продовольствие по невыносимым ценам. Пачка сигарет стоила пять долларов. Офицеры получали новости из газет, которые также тайно доставлялись в лагерь. Газетные репортажи отражали продвижение союзных войск. Но лишь немногие из лагеря Хотен представляли себе, насколько оно ускорилося в последние дни.

Во вторую неделю августа ситуация в районе Мукдена была напряженной. Даже из лагеря были видны пожары, охватившие город, постоянно раздавались автоматные очереди, которые становились все слышней по мере приближения советских войск. Охрана лагеря была удвоена, а японские офицеры постоянно пребывали в напряжении. Заключенные пришли к выводу, что в ближайшие дни должно что-то произойти. Местные крестьяне добавили масла в огонь, распространив слух, что в самом Мукдене вспыхнуло восстание и введено военное положение.

Генерал Джордж Паркер, старший американский офицер среди заключенных, беспокоился о судьбе пленных. Когда японцы отдали приказ лагерной кухне приготовить дополнительный запас сухого пайка, он сделал для себя вывод, что часть заключенных будет куда-то переведена. Паркер был в ужасе от одной мысли об этом, потому что для многих заключенных перемещение в состоянии крайнего истощения было равнозначно смерти.

16 августа во дворе лагеря несколько американцев грелись на солнце. Их заинтересовал самолет, пролетевший над ними. Раскрывшиеся в небе парашюты привели их в крайнее возбуждение. Вскочив со своих мест, они стали гадать, что бы это могло значить. Кто-то сказал: «Я помню, что в форте Беннинге они тоже использовали цветные парашюты». Лагерь Хотен пришел в движение.

* * *

Майор Ламар был первым, кто должен был совершить прыжок с В-24. По сигналу он прыгнул вперед, растворившись в утреннем маньчжурском небе. За ним из бомбового отсека самолета появились еще пять парашютистов. Сержант Эд Старз замыкал список прыгающих. Когда его парашют открылся, он немного расслабился и стал рассматривать местность. Вместо предполагаемой зоны приземления, площадки для игры в гольф, под ними раскинулось овощное поле. Уже приземляясь, Старз заметил нескольких людей, кинувшихся врассыпную. Освободившись от резервного парашюта, он подошел к остальным членам команды, которые тоже удачно приземлились.

Майор Хеннесси стоял среди капустных грядок, стараясь принять решение. Вместе с Литом, Ламаром и Кидо он направился к дороге, ведущей к лагерю, а Старз и майор Чан остались на поле, чтобы подобрать оборудование, сброшенное во время второго захода

В-24. Группу встретила счастливая толпа китайцев. Они аплодировали парашютистам. Один из крестьян сказал американцам, что люди, убежавшие с поля, были японскими солдатами, которые теперь доложат своему начальству о высадке десанта.

Хеннесси не тратил времени зря и направился к лагерю. Старз и Чан продолжали собирать оборудование с помощью китайцев. Вот уже десять минут Хеннесси и его друзья шли по дороге, но до сих пор никого не встретили. Вскоре вдаль появилась группа бегущих японских солдат. Хеннесси приказал группе остановиться, японцы также замедлили шаг. Когда расстояние между ними сократилось до двадцати метров, сержант что-то прокричал. Кидо перевел: «Он приказывает встать на колени». Четверо американцев встали на колени. Японцы подошли ближе, делая предупреждающие жесты примкнутыми к винтовкам штыками. Особенно их заинтересовал Кидо.

Японский сержант спросил:

— Вы кто?

Когда Кидо перевел, Хеннесси сказал:

— Ответь им, что мы американцы, высадились здесь с грузом помощи заключенным Хотена. Скажи им также, что война закончилась.

Кидо перевел слова майора, на что японский сержант только презрительно ухмыльнулся. Хеннесси понял, что японцы даже не подозревают, что военные действия закончились, и прошептал: «О боже!» Начался дождь. Американцы все еще стояли на коленях посреди дороги, а японский сержант в нерешительности прохаживался между ними. Винтовки японских солдат по-прежнему были направлены на «гостей».

Наконец Хеннесси спросил, можно ли перебраться куда-нибудь под навес. Японец выслушал перевод и, колебавшись, приказал пленникам подняться. Их проводили к близлежащей фабрике. Когда сержант выяснил, что два оставшихся американца собирают

оборудование в поле, он отправил за ними майора Ламара и двух японских солдат.

* * *

Сержант Эд Старз и майор Чан вот уже тридцать минут наблюдали, как китайские крестьяне собирают оборудование. Сидя в крохотной развалюхе, они ели арбуз и задавались вопросом, когда же за ними придут японцы. Чан уверял Старза, что все будет хорошо. Старз наблюдал за крестьянами в нетерпеливом ожидании. Вдруг китайцы разбежались, один из них крикнул Чану: «Идут японцы», — после чего тоже скрылся.

Реакция Чана оказалась неожиданной, он попытался выскочить через заднее окно. Старз кинулся за ним, схватил за воротник, втащил обратно в комнату и приказал вести себя, как подобает мужчине. Они вместе вышли. Около тридцати японских солдат с винтовками, штыками, мечами и кинжалами приближались к ним. Старз глубоко вздохнул и направился им навстречу, за ним последовал Чан.

Японцы быстро окружили американцев. Офицер с пистолетом в руке приблизился и снял со Старза пояс с револьвером. Старз спросил, говорит ли тот по-английски, и получил отрицательный ответ. Со Старза сняли пиджак, брюки и нижнее белье, оставив его стоять в майке и туфлях. Чана также раздели.

Последовал приказ: «На колени!» Они встали на колени лицом к каменной стене. Старз оглянулся и увидел японца, вытаскивающего меч из ножен. Его прошиб холодный пот, однако ничего не произошло. Он оглянулся еще раз и увидел, что конец меча все еще касается земли. Затаив дыхание, Старз наблюдал за этим предметом, ожидая момента, когда лезвие вонзится в него, описав дугу в воздухе. Но все оставалось без изменений. Через несколько секунд, показавшихся Старзу вечностью, он подумал, что, возможно, и выживет.

С помощью Чана японцы приказали им повернуть-

ся. Американцам позволили сесть на скамейку, прислонившись спиной к стене. Они заметили трех мужчин, приближающихся со стороны поля, одним из которых был Ламар, полностью одетый и даже улыбающийся. Двумя другими оказались вооруженные хмурые японцы. Ламар двинулся к Старзу, чтобы поднять его. Когда сержант встал, пара штыков двинулась в направлении его лица, и он вынужден был снова сесть. Ламара схватили и тоже раздели до трусов. Когда он попытался протестовать, один из японцев ударил его в челюсть. Майора препроводили к скамейке и посадили рядом со Старзом. Американцы стали переговариваться между собой, но их стражники передали через Чана приказ замолчать.

Спустя некоторое время старший японского патруля переместил пленников в комнату, где до этого сидели Старз и Чан. Прибыло еще несколько японских офицеров, и Чан попытался объяснить им цель их визита. По настоянию Ламара он попросил также, чтобы им отдали одежду. Японцы думали в течение нескольких минут, после чего разрешили американцам одеться.

После этого Ламар достал бумагу, подписанную генералом Ведемейером, в которой говорилось, что целью парашютистов является установление мирных отношений. Этот документ показался японцам крайне забавным. Создавалось впечатление, что они даже не представляли себе, что Япония капитулировала и война закончилась. Тем не менее через несколько минут пленникам принесли сигареты и арбуз.

Снаружи здания появился японский офицер на лошади и сказал что-то охранникам. Пять минут спустя появился еще один офицер и направился непосредственно к американцам. Он принялся извиняться за холодный прием и сказал, что новость о капитуляции только что достигла Мукдена. Все обменялись рукопожатиями.

Японцы все еще были подозрительными на тот

случай, если сообщение о капитуляции окажется ложным. Надев на глаза повязки, Старза, Ламара и Чана вывели из помещения и посадили в грузовик, где уже были Хеннеси, Лит и Кидо. Всю группу привезли в штаб военной полиции.

В первый раз с момента высадки их ожидал сердечный прием. Подали чай и сакэ, открыли бутылку «Джонни Уокера»*. Даже сержант Кидо был тепло встречен. На его долю выпал тяжкий день. В какой-то момент их заключения ялонцы кинулись оскорблять его. Нисеи смутился. В военной полиции Кидо подслушал вопрос офицера, говорившего по телефону: «У нас тут есть японец, рожденный в Америке. Что нам с ним делать?» В конце концов Кидо позволили переводить и представлять майора Хеннеси.

Более часа американская группа вела переговоры с японскими полковниками, чье дружелюбие постепенно росло по мере выпитого. Полковник Камата посоветовал на то, что на следующее утро он должен будет совершить самоубийство, потому что на нем лежит груз ответственности за смерть нескольких беглых заключенных. Никто даже не попытался отговорить его. Началась беседа на общие темы — про состояние дел в Маньчжурии, в Квантунской армии. Никто не упоминал о предстоящем появлении американцев в Китае.

Пока они беседовали, к зданию подъехал еще один грузовик. Американцев отвезли в лагерь военнопленных, на этот раз без повязок на глазах. В тюрьме стали происходить странные вещи. Стражники сделались более дружелюбными, а шесть заключенных были неожиданно отпущены.

Хеннеси и его команду проводили в кабинет полковника Мацудо. Пока они говорили, американцы наблюдали за заключенными, пытающимися понять, что происходит в этой комнате. Новость о шести пришельцах молниеносно распространилась в лагере. Кто-

* Сорт шотландского виски.

то связал их появление с парашютистами, однако большинство предполагало, что это новые пленные лагеря Хотен.

Мацудо отказался пустить группу ЦСЗ в бараки заключенных. Вместо этого он попросил их переночевать в местной гостинице. За это время он хотел связаться с Токио и получить оттуда инструкции на будущее. Хеннесси протестовал, но Мацудо был непреклонен, хотя атмосфера не была враждебной. Противоборствующие стороны достигли компромисса. Хеннесси согласился подождать встречи с заключенными до утра. Мацудо, в свою очередь, обещал вывести своих подчиненных из лагеря как можно скорее, передав управление в руки американцев. На этой ноте встреча закончилась.

Пленники отчаянно пытались понять, что же происходит в центре управления лагерем, когда сержант Гарольд Лит помахал им рукой и показал знак победы V указательным и средним пальцами. Они также услышали пронзительный свист сержанта Кидо. Все это поддержало их в эту долгую ночь.

* * *

Второе сообщение от Макартура было получено в Японии еще до того, как был составлен ответ на первое. Высшее командование союзных войск требовало от Японии направить японскую делегацию для переговоров на Филиппины. Макартур хотел, чтобы японцы сообщили все данные о своих вооруженных силах. Кроме того, он должен был проинформировать их о планах союзников по оккупации Японии.

В Японии желающих отправиться на переговоры не было. Несмотря на стремление не противиться приказам Верховного главнокомандующего союзных войск, офицеров армии и военно-морского флота коробила сама мысль отправиться в стан врага с полной информацией о национальной обороне. Согласно своей должности генерал Умедзу был тем самым человеком, который должен был возглавить делегацию. Однако он

категорически отказался участвовать в переговорах. Выбор пал на генерал-лейтенанта Кавабе. Кавабе не пришел в восторг от этой идеи, но согласился поехать на встречу и подобрать команду. Для участия в поездке были назначены пятнадцать человек, представляющие министерство иностранных дел и вооруженные силы. Некоторые из них немедленно скрылись в горах, чтобы избежать этой неприятной обязанности. На их место назначили других, и на следующий день планы поездки были согласованы.

* * *

Вечером 16 августа радиостанция «Джей-Эн-Пи» ответила на первое послание Макартура. Послание победителю было выдержано в вежливом тоне.

«Его Величество император 16 августа в 16 часов отдал высочайший приказ всем вооруженным силам немедленно прекратить военные действия.

Предполагалось, что высочайший указ достигнет фронтов и вступит в силу в течение: в Японии — сорока восьми часов, в Китае, Маньчжурии, Корее, на Новой Гвинее и Филиппинах — шести дней. В соответствии с желанием Его Величества прекратить войну высочайший указ об остановке военных действий всем соединениям императорской армии будет доставлен членами императорской фамилии как представителями Его Величества в штабы подразделений Квантунской армии, экспедиционного корпуса в Китае и вооруженных сил в южном регионе. Маршруты следования, типы самолетов, маркировка и т. д. будут сообщены дополнительно. Просим обеспечить безопасное следование вышеуказанных представителей...»

Несмотря на то, что император постепенно выводил из строя японскую военную машину и пытался ускорить движение к миру, препятствия на его пути все же возникали. Планы делегации Кавабе были наруше-

ны растущим опасением в том, что самолеты с шестнадцатью членами делегации будут сбиты. Распространился слух, что по ним планируется нанести удар с воздушной базы Ацуги сразу после вылета из Токио.

Для делегатов миссии Кавабе умереть как истинным патриотам даже от рук своих сограждан, было предпочтительней, чем выполнение той задачи, которая стояла перед ними, но они понимали важность процедуры передачи власти. Даже капитан Гошикау Охмае из военно-морских сил, еще два дня назад бывший в рядах фанатиков военной партии, понимал, что процесс капитуляции должен пройти без сучка и задоринки.

Позже в тот же день, 16 числа, в Манилу было отправлено сообщение, в котором упоминались «внутренние проблемы». В нем содержалась просьба о сорокавосьмичасовой отсрочке начала переговоров. Штаб Макартура согласился отложить встречу до 19 числа.

* * *

Лидером непокорной группы на базе Ацуги был капитан военно-морских сил Аммио Косоно, человек, беззаветно преданный идее продолжения войны. Последние несколько недель он отчаянно пытался предотвратить грядущую капитуляцию. Талантливый тактик воздушного боя, он командовал базой Ацуги, задачей которой являлась защита Токио от налетов В-29. Бессильный остановить бомбовые атаки, он сконцентрировался на предотвращении оккупации Японии и установлении мира на выгодных условиях. Он пытался вселить в своих коллег-офицеров оптимизм и веру в светлое будущее, хотя многие смеялись над ним.

7 августа он подал рапорт на имя адмирала Ониси с просьбой о переводе в штаб-квартиру военно-морских сил. Когда Ониси удовлетворил его просьбу, Косоно разработал план дальнейших действий и реформ в военно-морском флоте. Три дня спустя его планы

были нарушены инициативой императора об установлении мира через Швейцарию.

Сорок восемь часов спустя он пытался уговорить старших офицеров ВМФ продолжить войну. Несмотря на то, что его предложение встречало только отказы, Косоно не сдавался. День и ночь он строил планы военного переворота. Ко второй неделе августа он уговорил группу молодых офицеров на базе Ацуги присоединиться к нему. Чтобы предотвратить военную конфронтацию между подразделениями ВМФ, 14 августа он посетил адмирала Кудо в штабе ВМФ в Иокосуке.

Когда Косоно ворвался в комнату, Кудо собирался обедать. Сразу почувствовав, что он имеет дело с отчаявшимся человеком, адмирал принял его с величайшим тактом. Косоно рассказал о проблемах с офицерами ВМФ, возводящими препятствия на пути осуществления его плана по продолжению войны. После этого он перешел к цели своего визита:

— Я не хочу сражаться со своими согражданами. Моим врагом является только армия Соединенных Штатов. Пожалуйста, не посылайте против меня солдат на Ацуги.

Адмирал выслушал своего гостя, а затем спокойно уверил его:

— Косоно, этого не случится.

Косоно вернулся к своей группе борцов, чтобы подготовиться к возобновлению военных действий. По прибытии на базу помощник проинформировал его о том, что император только что провел вторую встречу в бомбоубежище, потребовав, чтобы Кабинет принял Потсдамскую декларацию. Эта новость глубоко потрясла истощенного капитана, который вот уже семьдесят два часа находился в бесконечных поисках поддержки.

В тот вечер он поздно отправился спать. Почувствовав недомогание, Косоно вынужден был послать за врачом, который обнаружил у него лихорадку. Несмот-

ря на прописанный ему постельный режим, упорный командир поднялся с постели и отправился уговаривать старших офицеров подразделений, дислоцированных в районе Токио. На этот раз он получил поддержку практически от каждого и вернулся на базу Ацуги уверенный в том, что он пересилит предателей, собравшихся вокруг императора.

На следующий день, 15 числа, прослушав обращение Хирохито, Косоно соорудил деревянную платформу около взлетной полосы базы Ацуги и обратился с нее к пилотам, неподвижно застывшим в ожидании его выступления.

«Я сознаю, что после принятия Потсдамской декларации японским правительством вооруженные силы должны быть демобилизованы. Однако с этого момента начинается гражданская война, которая означает защиту нашей страны каждым гражданином. Если вы хотите бороться вместе со мной, оставайтесь здесь. Если вы не желаете, можете отправиться по домам. Я буду сражаться и полностью уверен в победе».

Косоно сошел с платформы, оставив за спиной сотни колеблющихся летчиков. Появившись на базе через несколько часов, он уловил новое настроение своих подчиненных и понял, что они будут стоять с ним до конца.

Через двадцать четыре часа в Токио появились листовки, наспех отпечатанные борцами Ацуги. В них четко излагалась позиция Косоно.

«Правительство и высшие государственные чиновники попались в ловушку противника и заставили императора отдать приказ об окончании войны. Это ужасно. Император — это Бог. Япония не может сдаться. Императорские вооруженные силы не могут капитулировать. Мы как представители воздушных сил уверены в победе».

Реакция правительства последовала незамедлительно. Вечером 16 числа на базе Ацуги появился черный лимузин, из которого вышел адмирал Тераока, началь-

ник Косоно в Токийском военном округе. Прекрасно понимая, что приезд Тераоки — это не визит вежливости, Косоно выставил трех вооруженных офицеров у своего штаба, перед тем как встретиться с адмиралом. Когда по просьбе Тераоки они проследовали в изолированную комнату для приватной беседы, Тераока потребовал, чтобы мятежный капитан объяснил свои действия. Косоно был рад объясниться:

— Император хочет пожертвовать собой, чтобы спасти нацию. Он как отец, который хочет взять на себя вину за проступки своих сыновей. Можете ли вы как сын допустить это? Мы должны бороться, — Косоно продолжал говорить под взглядом адмирала: — Декларация императора об окончании войны убедила меня в том, что он заблуждается.

Тераока попытался перебить его, но Косоно быстро продолжил:

— Мы должны избавиться от заблуждения. Это наш долг.

Тераока был возмущен ссылками на душевное состояние императора, но воздержался от развития этой темы. Вместо этого он предупредил возбужденного Косоно:

— Помните, что существует разница между послушным и непослушным подданным. В нынешних условиях необходимо действовать очень осторожно.

После этого адмирал быстро вышел из комнаты, пройдя через кордон защитников Косоно, стоящих с мечами в руках.

Через час Тераока доложил адмиралу Ионаи позицию Косоно. Преданный солдат императора, он был страшно разгневан упоминаниями об умственных способностях Хирохито и обозвал капитана опасным элементом. Он разработал и тут же отменил несколько планов действий в сложившейся ситуации, после чего принял решение, которое, как он надеялся, мирно разрешит конфликт. Он отправился к принцу Такамацу, брату императора и близкому другу Косоно, и по-

просил его лично позвонить мятежному капитану. Такамацу позвонил, но Косоно отказался слушать. Его намерения не изменились.

В полночь Косоно все еще сидел за рабочим столом, разрабатывая аспекты грандиозного плана. Неожиданно его пальцы задрожали, начались спазмы. Он вскочил и закричал высоким голосом. Его секретарь растерялся. Когда Косоно забился в угол, озадаченный секретарь побежал за врачом. Когда они вернулись, вспотевшего капитана лихорадило на кушетке. Он шептал имена древних богов. Его удалось успокоить только при помощи инъекции морфия.

На следующий день Косоно ненадолго очнулся. Люди адмирала Ионаи, прибывшие для разговора с ним вечером того дня; застали его в смиренной рубашке. С Ацуги он был переведен в морской госпиталь Ноби. Для Аммио Косоно война наконец-то закончилась.

* * *

Утром 17 числа после приятной ночи, проведенной в отеле Ямато в Мукдене, майор Хеннеси и четыре члена его команды были доставлены в лагерь Хотен. Майор Чан Шиву покинул своих друзей. Стыдясь своих попыток бежать накануне, он растворился в толпе китайских зевак по пути из тюрьмы в отель.

В лагере офицеры встретились с ликующими заключенными. Старза, Лита и Кидо забросали вопросами: «А что это за парень, Трумэн?», «Что это за новая бомба?», «Вы вообще откуда?», «Что случилось на Мидуэе?», «Как работает пенициллин?». Пленники не отходили от своих спасителей ни на минуту.

Майор Ламар провел с группой старших офицеров короткую беседу. Первый вопрос, заданный ему, был: «Какие сегодня котировки стали на американской бирже?» Кто-то в Мукдене сохранил чувство юмора, пронеся его сквозь долгие годы отчаяния.

В офисе начальника Хеннеси ждали неприятные

новости: генерала Вайнрайта не было в Хотене. Он был в Сиане, в ста пятидесяти километрах к северо-востоку. Майор Ламар и сержант Лит решили отправиться в Сиань как можно скорее. В это же самое время майор Хеннеси должен был познакомиться с «новоприобретенной территорией».

* * *

Во время «Вавилонского столпотворения», случившегося по случаю прибытия «пришельцев», в лагере Хотен к главным воротам подрулила представительская машина японского генералитета. Открылась дверь, и из нее вышел американский капитан Роджер Хилсман. Он проделал долгий путь с Бирмы. За много недель до этого он попросил своего командира полковника Рэя Пирса включить его в любую группу спасения военнопленных в Маньчжурии. Хилсман хотел отыскать своего отца — полковника, захваченного в плен на Филиппинах в 1942 году. В последнее время ходили слухи, что он содержался в одном из лагерей Мукдена, однако было неизвестно, жив ли он еще.

Пирс вспомнил о просьбе Хилсмана, набирая команду спасения, и послал за ним. Капитан, одетый в камуфляжную форму, долетел до Куньмина, но опоздал к первому вылету команды на удаленную базу в Сиане. После дня ожидания в Куньмине он наконец добрался до Сианя, чтобы узнать, что он опять опоздал: группа «Кардинал» уже вылетела в Мукден.

17 августа американский В-24, направляющийся в район Мукдена, подбросил Хилсмана. На взлетной полосе Хилсман увидел японского генерала, разговаривающего с советским офицером. Капитан подошел к ним и попросил довести его до лагеря Хотен. Японский генерал согласился, любезно предоставив в его распоряжение свою машину. Все еще одетый в камуфляж, Хилсман выпрыгнул из машины у ворот Хотена и спросил у первого попавшегося на пути, где он может найти полковника Хилсмана. Солдат остановился, посмотрел

на него и сказал: «Вон тот барак. Второй этаж», — и указал на здание.

Капитан ворвался в здание и влетел на второй этаж. Он оглядел ряд постелей и направился к одной из них, на которой сидел человек средних лет. Он смотрел на пришельца, чуть слышно приговаривая: «Боже мой. Боже мой». Поиск капитана Роджера Хилсмана увенчался успехом.

Глава I 7

ПРИКАЗ МАКАРТУРА

Вечером 19 августа делегация в Манилу во главе с Кавабе собралась в здании министерства военно-морского флота в Токио. Группа направилась в аэропорт Ханеда. Утро было прекрасным. Яркое солнце светило на безоблачном небе. Один из участников группы заметил: «Отличные погодные условия для обстрела». Камикадзе все еще вынашивали свои планы. Хотя Косоно сам по себе уже не представлял опасности, оставшиеся на Ацуги фанатики могли предпринять атаку. На других японских авиабазах были камикадзе, возможно, с менее взрывным характером, чем у Косоно, но не менее, чем он, воинственно настроенные против капитуляции.

План полета делегации был тщательно разработан и держался в секрете. Из аэропорта Ханеда миссия должна была направиться на военно-воздушную базу Кисарацу на полуострове Бозе на другой стороне Токийского залива. Там члены делегации пересаживаются на другие самолеты, на которых летят над океаном около ста пятидесяти километров на юг, поворачивая затем на запад в направлении Рюкю. По пути делегация должна была встретиться с конвоем американских бомбардировщиков и истребителей, которые будут сопровождать их от южной оконечности Кюсю до американской базы Иешима, расположенной за Окинавой. Уже оттуда они направятся в Манилу. Этот крюк сни-

жал риск быть перехваченными камикадзе. В качестве дополнительной меры предосторожности параллельно с делегацией из Токно в небо поднималась группа бомбардировщиков, направляющихся в противоположную сторону.

В шесть часов утра делегация вылетела в направлении Токийского залива и приземлилась четырнадцать минут спустя. Кисарацу была основной военной базой 3-го военно-воздушного флота под командованием адмирала Тераоки, того самого, который пытался урезонить Косоно три дня назад. Он лично встретил делегатов и пригласил их к своему столу. Блюда были приготовлены специально отобранными для этого случая поварами, так как Тераока опасался преднамеренного отравления.

Когда настало время вылета, на взлетную полосу вывели два самолета. Тераока появился с двумя букетами цветов и попросил Кавабе выбросить их над Окинавой в память о ста тысячах погибших там японских солдат. Делегация разделилась на две части и погрузилась в бомбардировщики. Это были медленные двухмоторные самолеты, прозванные американскими пилотам «Бетти». По приказу Макартура они были выкрашены в белый цвет с большим зеленым крестом на каждой стороне фюзеляжа. Каждый самолет принял на борт восемь членов миссии. Когда официальные лица расположились на своих местах, пилоты вскрыли пакеты с секретными полетными заданиями. Именно в тот момент они и узнали маршрут полета.

Из самолета Кавабе можно было запросто разглядывать проносящиеся мимо облака, потому что после одного из боев стенки представляли из себя решето. Кавабе сидел, закрыв глаза. Никто не спал, но и не пытался завязать беседу. Мужчины оставались относительно спокойны. Кавабе задремал, остальные последовали его примеру.

В одиннадцать часов справа по борту появились

горы южного Кюсю. Много веков назад именно здесь возникла каста японских бойцов — самураев. Сегодня на этом острове последователи самураев — камикадзе — ожидали оккупации. Не было никаких причин предполагать, что их намерения были сугубо миролюбивые. Однако, к облегчению членов делегации, вокруг «Бетти» появились инверсионные следы, свидетельствующие о том, что самолеты сопровождения недалеко.

Час пятнадцать спустя далеко впереди появился остров Иешима. Посадочная полоса была помечена огромным белым крестом. «Бетти» сделали круг над базой и начали заходить на посадку. Заметив скопление американских самолетов на авиабазе, капитан Охмае на миг испугался, что пилот забудется и по привычке спикирует на них. Страхи капитана рассеялись, когда он услышал, как пилот по радио запрашивает инструкции на посадку. Был использован пароль «Батаан». Макартур предусмотрел все.

Когда самолеты подрулили к месту высадки, делегаты увидели огромное количество солдат, окруживших взлетно-посадочную полосу. Офицер-нисеи подошел к двери первого самолета и предложил пройти в транспортный самолет С-54 для совершения последнего перелета на Манилу.

Шестнадцать человек вышли из самолетов в августовскую жару. Раскаленное солнце светило им в глаза. Кавабе выглядел особенно не в своей тарелке. Хотя американские солдаты подошли ближе, чтобы сфотографировать их, с японцами никто не заговорил. Небольшая группа в гробовом молчании проследовала к огромному четырехмоторному самолету.

Расположились с гораздо большим комфортом, чем ожидали, и поняв, что американцы не хотят причинить им зла, члены миссии расслабились. Некоторые из них до последнего момента не исключали возможности убийства. Все, кроме Кавабе, начали переговариваться и смеяться. С унылой физиономией он сидел около

иллюминатора, в то время как все остальные сняли ботинки и откинулись на спинки сидений. За окнами они видели слоняющихся вокруг «Бетти» солдат, рассматривающих японских офицеров.

В 13.30 С-54 поднялся в небо. Его пилот, полковник Эрл Рикс, направил машину к юго-востоку, на Окинаву. Он летел на небольшой высоте, чтобы показать огромную военную мощь, сконцентрированную на острове. Делегация была поражена, наблюдая с высоты пятисот метров этот арсенал. Когда самолет приблизился к южной оконечности острова, дверь распахнулась, и букеты роз адмирала Тераоки были брошены за борт. Шестнадцать мужчин склонили головы в молчаливой молитве.

Когда самолет вылетел за пределы острова, подали ланч. Белокурая стюардесса, двигающаяся между японцами, привлекла их внимание своей красотой. Вместе со стюардом она подала им говяжьи сэндвичи, сыр, яйца, молодые огурчики, ореховую пасту, хлеб, пирожные и ананасовый сок. Ел даже хмурый Кавабе.

Самолет все еще был далеко от Филиппин, а погода стала ухудшаться. Крылатая машина с трудом двигалась к югу в мощных турбулентных потоках. Японцы задремали. Через четыре с половиной часа после взлета С-54 зашел на посадку на аэродром Николс, расположенный к юго-западу от Манилы.

В 18.00 Кавабе спустился по трапу самолета во влажный манильский вечер. На нижней ступеньке он остановился перед американским офицером. За ним встали остальные члены делегации. Они заметили толпу обслуживающего персонала, окружившего самолет большим полукругом. На японцев смотрели, как на диво. Один из представителей министерства иностранных дел, Кацуо Окадзаки, ощущал особенный дискомфорт от сотен вспышек фотоаппаратов, издающих звук пулеметных очередей. Представитель военно-воздушных сил, полковник Масао Мацууда, выпрямившись во

весь рост, замер, смотря вперед поверх голов зрителей. Кавабе ощущал себя неловко в своей шерстяной форме с высоким воротничком. Его меч почти касался земли, а шпоры на сапогах сияли в лучах солнца.

Американец без галстука и в солнцезащитных очках, встретивший их, был знаком японцам. Им являлся полковник Сидни Машбир, друг капитана Захариаса, автор июльских передач «К друзьям в Японии». Он сказал на прекрасном японском: «Я здесь, чтобы встретить вас». Кавабе поприветствовал его. Машбир ответил. После этого японец протянул руку Машбиру, который инстинктивно подал свою, но в последнюю секунду понял, что подобное проявление чувств неуместно, и отдернул руку, как обожженный. Большим пальцем полковник указал на длинный ряд машин. Поняв неловкость ситуации, в которую попал Машбир, Кавабе опустил руку и направился к автомобилям. Оставшиеся пятнадцать членов делегации двинулись за ним, сопровождаемые щелчками фотоаппаратов.

Группа офицеров ожидала японцев за спиной Машбира. В центре стоял высокий генерал Чарльз Виллоуби, начальник разведки генерала Макартура. Вместе с другими он создал легендарную ауру, окружающую этого героя войн с неизменной трубкой во рту.

Кавабе сел в первую машину, за ним последовал Виллоуби. Машбир разместился возле водителя. Виллоуби был настроен дружелюбно и спросил японца, на каком языке он предпочитает говорить. Кавабе ответил: «На немецком». Это был родной язык Виллоуби, так как он жил в Германии до двенадцати лет. Польщенный учтивыми манерами американцев, Кавабе почувствовал, что меланхолия, охватившая его утром, начинает проходить.

Машины заполнились и покинули аэродром, направившись в центр Манилы. В одной из них озадаченный японский офицер обдумывал, что ответить американскому переводчику-нисеи, задавшему ему вопрос:

«А почему японцы не высадились на Гавайях, когда атаковали их?» Этот вопрос понравился японцу, но он не нашел, что ответить.

Поездка через центр Манилы была неприятным мероприятием для японцев. Хотя они убедились в дружелюбии американцев, у них было более чем достаточно причин опасаться филиппинцев. Всего лишь шесть месяцев назад Манила, жемчужина Востока, была полностью выжжена японскими пехотинцами и моряками. выполняющими приказ не отдавать столицу Филиппин врагу. Во время трехмесячных боев в феврале 1945 в пожарах, оставляемых после себя японскими войсками, погибли тысячи филиппинцев. На улицах города творились бесчинство и насилие. Целые колонны мужчин и женщин были облиты бензином и сожжены. Других связывали вместе и протыкали штыком. Монахини, работающие в больницах, медсестры и больные тоже уничтожались. Разлагающиеся трупы лежали по всему городу. Манила заплатила ужасную цену за свою свободу.

Филиппинцы выстроились на улицах, глаза на прибывшую делегацию. Толпа забрасывала японцев камнями с криками «Бакайяро!»*. Кавабе и другие делали вид, что не обращают внимания на ярость местных жителей. Через несколько минут они прибыли в гостиницу «Розарио», расположенную около гавани.

Миссию разместили в двухместных номерах, на удивление чистых и опрятных. В некоторых комнатах окна выходили на огромный залив, где сейчас стояли корабли в лучах заходящего солнца.

Ужин был подан в столовой. Американские офицеры подчеркнуто игнорировали японцев. Обе группы ели в относительной тишине на расстоянии нескольких метров, вместе с тем разделенные сотнями полей сражений.

Когда пришло время отправляться на встречу с

* «Глупец!» — очень оскорбительный эпитет для японца.

американцами, произошла первая неприятность. Японцам было заявлено, что они не должны брать с собой мечи, на что Кавабе и другие возразили, что им необходимо носить мечи по крайней мере в здании, где будут проходить переговоры. После непродолжительных консультаций американцы согласились. С наступлением темноты группа японцев была доставлена в муниципалитет, где их ожидала американская делегация. Оставив свои мечи около зала заседаний на втором этаже, они вошли и сели напротив победителей.

Руководителем американской делегации был генерал Райли Сутерленд, начальник штаба Макартура. Сутерленд, высокий, худой, представительный мужчина, должен был выступать от имени Верховного командующего, который не хотел заседать с представителями вражеской стороны. Два генерала знали друг друга с конца тридцатых годов, когда Сутерленд получил назначение на Филиппины в качестве сотрудника штаба. Одним из его помощников был Дуайт Эйзенхауэр, с которым он часто спорил. Когда Эйзенхауэр в 1938 году отправился домой, Сутерленд стал правой рукой Макартура, защищая его личную жизнь от многочисленных людей и проблем. Это был идеальный второй номер. Однажды Сутерленд услышал, как о нем сказали: «Кто-то же должен быть здесь цепным псом».

Заседание началось после небольших вступлений, сделанных обеими сторонами. Каждый участник держался сугубо формально, сознавая важность исторического момента. В первый раз в своей истории суверенная японская нация вручала свои жизненно важные секреты противнику. С этого момента она теряла свою независимость.

Сутерленд попросил японцев изучить документы, разложенные перед ними и содержащие в себе инструкции по капитуляции. Вскоре возникло серьезное расхождение во мнениях. Яблоком раздора стал американский план высадки на базе Ацуги уже через четыре дня, 23 августа. Кавабе был шокирован этим предложе-

нием, так как он знал, что в стране все еще сохраняется напряженная атмосфера, и для демонтажа японской военной машины требуется время. Он возразил Сутерленду:

— Японская сторона советовала бы вам не планировать столь скорую высадку. Для этого нужно по крайней мере дней десять.

Сутерленд бесстрастно слушал, а Кавабе продолжал:

— Возможно, вы знаете, что у нас возникли проблемы с некоторыми подразделениями камикадзе. Фактически именно из-за них наш визит был отложен.

Генерал Сутерленд даже не затруднил себя ответом. Вместо этого он перешел к обсуждению инфраструктуры гавани Иокосука на входе в Токийский залив.

Первоначальный американский план подразумевал высадку небольших подразделений армии и ВМС на Ацуги и в заливе Сагами к юго-западу от Токио 23 августа. 25 числа в Токийский залив должны были войти основные военно-морские силы. Макартур высаживался на Ацуги 26 августа после того, как морские пехотинцы занимали морскую базу Иокосука. Капитуляция, таким образом, формально подписывалась 28 числа в Токийском заливе.

Опасаясь яростных стычек между японскими солдатами и американскими войсками, группа Кавабе продолжала протестовать против предложенной скорости продвижения американцев. Однако Сутерленд стоял на своем, и попросил делегацию разбиться на несколько групп для обсуждения мелких военных вопросов. Японцы разделились на группы соответственно родам войск, и американские офицеры продолжили знакомить их с планом оккупации.

Один за другим все жизненно важные секреты Японской империи были переданы противнику. Сутерленд хотел знать, сколько дивизий базируется вокруг Токио, сколько времени потребуется им, чтобы дос-

тичь столицы. Были оглашены данные о количестве боееспособных японских самолетов. На карте Японии обозначили военные базы, склады оружия и боеприпасов, минные поля и основные компоненты военной инфраструктуры.

Американцы потребовали точные сведения обо всех подводных лодках, особенно о тех, которые несут на своем борту кайтены, подводные аналоги камикадзе*. Представители военно-морского флота обозначили их позиции на различных базах Японских островов. Сутерленд потребовал заверения в том, что ни одна из лодок не находится в настоящее время в открытом море, и получил его. Каждый армейский корпус японских военных сил был нанесен на крупномасштабную карту. Были обозначены координаты каждого корабля.

По ходу встречи напряжение исчезало. Принесли кока-колу и сигареты. На лицах эмиссаров из Токио все чаще стали появляться улыбки. Особенно вежлив со своими гостями был адмирал Форест Шерман. К четырем часам утра все было закончено. Японцы вручили свои драгоценные данные противнику.

Генерал Сутерленд сделал заключение:

— Японская сторона предоставила всю необходимую информацию для проведения оккупации. Этот процесс хотелось бы осуществить сугубо мирным путем. Соединенные Штаты стремятся к этому, но также преследуют цель скорейшего его завершения согласно положениям Потсдамской декларации. Мы не хотим каких-либо промедлений и планируем высадку на 28 августа.

Сутерленд из уважения к японцам выделил им пять дней, чтобы взять под контроль все процессы в государстве.

Кавабе был неудовлетворен:

* Имеются в виду так называемые человеко-торпеды (при. ред.).

— Немыслимо подготовиться в такой короткий срок. Нам нужно по крайней мере десять дней. Мы не хотим возникновения каких-либо проблем при оккупации.

Сутерленд был настойчив, и Кавабе, поняв тщетность своих усилий, закончил:

— Вы победители, и в вашей власти принять любое решение, но, насколько нам представляется, трудности все еще остаются.

Этим замечанием заседание закончилось.

В предрассветных сумерках японцев отвезли в гостиницу, где они продолжили обсуждение требований американцев. Одно являлось очевидным: кто-то должен немедленно лететь обратно в Токио и предупредить официальные лица о том, что высадка американцев планируется гораздо раньше, чем ожидалось. Было решено направить телеграмму в МИД для получения указаний.

Пока отправляли телеграмму, были изучены многочисленные документы, представленные американцами. Один из них был весьма необычен и добавил адреналина в кровь японских делегатов. Это была директива, расписывающая привилегии офицеров оккупационных войск. Там было перечислено количество японской прислуги на каждого офицера в зависимости от звания. Генералам полагалось трое, полковникам, майорам, капитанам двое, лейтенантам по одному человеку. Посреди дискуссии о японском вооружении и военной инфраструктуре вопрос об обслуживающем персонале вызвал протест. Уставшие, измотанные японцы пришли в ярость от подобного требования. Именно в вопросе о служанках они увидели ущемление национального достоинства.

Любопытно, что когда позже в тот же день японская делегация отправлялась обратно, документ с квотами служанок отсутствовал в ее багаже. Он был просто удален из списка инструкций, выданных побежденным. Возможно, американцы каким-то образом узнали

о возражениях группы Кавабе, прозвучавших в комнате для частных обсуждений.

После четырехчасового сна японцы позавтракали яичницей с беконом и были привезены на последнюю встречу в муниципалитет. Дата высадки, 28 августа, осталась неизменной. Кавабе больше не вступал в прения.

Перед самым окончанием встречи генерал Сутерленд вручил Кавабе подготовленный в Вашингтоне проект заявления о капитуляции, который необходимо было выпустить от имени императора. Он был зачитан переводчиком. Члены японской делегации заметно напряглись. Подбородок Кавабе стал дергаться.

Для некоторых американцев, знающих японский язык, причина была очевидной. В заявлении акценты, обычно расставляемые в связи с именем императора, были опущены. Для группы Кавабе этот документ являлся оскорблением Трона и лично Хирохито. Когда чтение закончилось, Кавабе выразил свою озабоченность. На этой безрадостной ноте встреча завершилась.

Перед посадкой в самолет Кавабе и представителя МИДа Окадзаки пригласили на короткую встречу с генералом Виллоуби в апартаментах «Розарио». Там американцы сгладили неловкость ситуации.

Понимая, что первоначальное заявление о капитуляции содержало серьезные ошибки, группа переводчиков войск союзников в Маниле второпях составила новую версию, содержащую все необходимые ссылки на Его Императорское Величество. Этот документ был вручен Кавабе полковником Сидни Машбиром, который извинился от имени генерала Виллоуби и попросил японцев не принимать во внимание первое заявление, врученное им в муниципалитете.

Японцы были обрадованы этой перемене в тексте документа. По пути в аэропорт они неоднократно выражали свою признательность. В этой атмосфере доброй воли делегация простилась с провожающими на

аэродроме Николс. В 13.00 транспортный самолет взмыл в дождливое небо над Манилой, направившись на север к острову Ие.

В течение предшествующих девятнадцати часов прошла встреча эмиссаров двух воюющих держав, на которой была обсуждена грядущая оккупация суверенного государства. Победитель вел себя учтиво и вежливо, а побежденные были очарованы его выдержкой и терпением. Начало было положено.

Полет на Ие длился более четырех часов. На этот раз японцы не обнаружили толпы зрителей. Два «Бетти» уже стояли там в ожидании делегации. Один из них из-за технических проблем не мог принять пассажиров, и восемь делегатов вынуждены были остаться на ночь. Кавабе и семь членов группы погрузились в оставшийся самолет и отбыли на родину.

Восемь делегатов остались на Ие, готовясь провести ночь в лагере противника. Они отправились на обед. Встречавшиеся им по пути солдаты улыбались. Вдалеке полковник Мацуда заметил кладбище, где американцы проходили мимо рядов белых крестов. Некоторые из них вставали около могил на колени, склонив голову.

Бомбардировщик, несущий Кавабе в Токио, приблизился к японскому побережью. Когда пилот взглянул на приборы, он ужаснулся, увидев, что топлива практически нет. Проверив эту информацию, он понял, что топливный бак дал серьезную течь. Эту новость он сообщил двум офицерам, капитанам Тераи и Охмае, которые решили не беспокоить Кавабе. Пилот сменил курс на более близкий к побережью Японии на случай вынужденной посадки.

В 23.00 он сообщил Кавабе, что из-за течи в топливном баке вынужден совершить аварийную посадку около побережья Хонсю в нескольких сотнях километров от Токио. В слабом лунном свете раскинувшийся внизу темный океан выглядел угрожающе, и перспек-

тива посадки на воду совсем не радовала. Особую озабоченность пассажиров вызывали документы, связанные с капитуляцией. Кавабе беспокоила мысль о том, что подумают американцы, если эти документы пропадут или будут испорчены. После недолгого совещания было принято единственно возможное в данной ситуации решение.

«Окадзаки, вы все еще хороший пловец?» Делегат от МИДа Кацуо Окадзаки был олимпийским чемпионом по плаванию в 1924 году в Париже. Сейчас ему было сорок лет, и именно ему доверили защиту документов. Оправившись от удивления, он взял их и засунул под рубашку.

Самолет приближался к побережью. Пилот увидел неровную линию пляжа и снизился почти до уровня волн. Пролетев на этой высоте еще немного, пилот мягко посадил самолет на воду в нескольких метрах от берега. Верхний люк открылся, и делегаты выбрались наружу, оказавшись по колено в воде. Ушибся только один, Окадзаки. Он ударился головой о фюзеляж в тот момент, когда самолет сел на воду. Он лежал без сознания, в крови, пока его не вытащили наружу.

Спасшиеся пассажиры собрались под яркой летней луной на белом песке пляжа. На северо-востоке виднелась святая гора Фудзи. Оглушенные и промокшие до костей, не в состоянии определить свое точное местоположение, делегаты оставались на пляже еще сорок пять минут, ожидая помощи. Наконец группа двинулась в путь. Вскоре они встретили несколько человек, которые кинулись врассыпную, заметив их. Но все же двое рыбаков остановились, выслушали их и указали дорогу в деревню. Была вызвана полиция, и за ними приехал грузовик. Уставшие путешественники добрались до авиабазы, откуда они ранним утром после непродолжительного сна вылетели в Токио.

Кабинет премьер-министра Хигаши Куни в Токио пребывал в состоянии крайнего возбуждения. Министрам ничего

не было известно о вынужденной посадке и судьбе делегации. Когда генерал Кавабе появился, Хигаши обнял его и поблагодарил от имени страны. Кавабе был слишком измучен, чтобы понять, какая честь ему оказана. Он знал только одно — позорная миссия окончена.

Глава 18 .

ИНТЕРЛЮДИЯ ОТЧАЯНИЯ*

Новость о том, что американцы будут в районе Токио уже через пять дней, привела официальных лиц в ужас. И у них была причина для беспокойства. То и дело приходили разрозненные сообщения о возникающих планах срыва капитуляции и заговорах против правительства. С 15 августа американские самолеты были дважды атакованы японскими истребителями. База Ацуги все еще была источником неприятностей. Хотя Косоно был устранен, его подчиненные отказались покинуть авиабазу. Их самолеты были боеспособны, а боевой дух подогревался ложным патриотизмом. Ацуги являлась предполагаемой точкой высадки первых американских подразделений, а все еще не была взята под контроль.

Настроения служащих Ацуги разделялись многими молодыми военнослужащими империи. Группа солдат из Мито, города на севере страны, направилась в Токио для организации путча. Они прибыли на поезде и разбили на ночь лагерь в парке Уэно. Кемпейтай решилась на жесткие действия. Майор Исихара, один из последователей Хатанаки и Коги, был отпущен из-под стражи. Полиция выяснила, что он является близким другом лидера повстанцев в Уэно. Исихара сильно

* Интерлюдия — небольшой эпизод между частями музыкального произведения (прим. ред.).

изменился в последние дни и был рад сотрудничеству с Кемпейтай, которая надеялась, что он сможет отговорить своего товарища от восстания.

Вечером 17 августа Исихара отправился в Уэно-парк, прибыв туда незадолго до полуночи. Среди воинственно настроенных солдат он пытался отыскать своего друга:

— Окадзима, где ты?

Неожиданно перед ним вырос офицер и спросил:

— Что тебе нужно от него?

Исихара попытался что-то произнести, но не успел договорить. Его застрелили. Когда Окадзиму вызвали для опознания тела, он заплакал. Его помощник вытащил меч и пронзил сердце убийцы Исихары. В этот момент Окадзима потерял уверенность в себе. Когда представители генерала Танаки надели на него следующим утром, он быстро согласился распустить своих подчиненных.

22 августа, в день возвращения Кавабе из Манилы, случился еще один инцидент. На этот раз на горе Атаго в Токио. Группа правых студентов решила оказать сопротивление и заняла позицию в здании, расположенном на горе, с намерением удерживать его несколько дней. В их распоряжении был приличный запас боеприпасов. Заметно нервничая в предвкушении капитуляции, полиция попыталась в тот же день ликвидировать очаг сопротивления на скорую руку. 20 августа полковник Кемпейтай Макото Цукамото отправился на переговоры со студентами. Его увещевания были проигнорированы. Другие представители полиции также попытались вступить с повстанцами в переговоры, но не достигли успеха. Полицейские окружили заговорщиков.

Иосио Кодама, уполномоченный правительством по урегулированию возникающих инцидентов вокруг столицы, был немедленно вызван на Атаго. Кодама появился там после обеда, несмотря на проливной дождь. Как в здании, так и за его пределами собралась огром-

ная вооруженная толпа, полная желания продолжить войну. Кодама двинулся на переговоры с лидером студенческой группы и обнаружил, что им является его давний знакомый Иосио Ийдзима. Тот объяснил, что повстанцы полагают, что император был вынужден пойти на капитуляцию под давлением своих советников. Когда Кодама убедил его, что он ошибается, Ийдзима был сокрушен. Вместе с друзьями он впал в уныние.

Придя в себя, Ийдзима спросил: «Можем ли мы остаться здесь хотя бы до утра? Утром мы уйдем, не причинив никому вреда». Кодама обещал проконсультроваться с полицией и покинул здание.

Дождь превратился в неистовый ливень. У подножья горы Кодама разговаривал с шефом полиции, который заявил, что не возьмет на себя ответственность оставить повстанцев в здании дольше, чем до шести часов вечера. Он уже отправил им ультиматум с требованием освободить здание к этому сроку. Если заговорщики откажутся убраться, он вправе последовать приказу и послать войска. После этого он добавил: «Если вы получите разрешение от начальства, я буду рад пойти вам навстречу».

Кодама отправился назад и описал возникшую проблему. Ийдзима объяснил причины, почему они просят остаться в здании до утра: «Мы хотим найти виновных, которые должны взять на себя ответственность и умереть». Многострадальная группа решила наказать себя за собственные ошибки. Кодама попросил их отложить принятие решения до тех пор, пока он не вернется.

В очередной раз он спустился под дождем с горы для разговора с шефом полиции, который воскликнул: «Мне хотелось бы избежать ненужных жертв! Я надеюсь, ваши усилия увенчаются успехом». Кодама кинулся к машине и направился в управление полиции. До истечения срока ультиматума оставалось полчаса.

Без трех минут шесть он вернулся с полномочиями вести переговоры с повстанцами. Выйдя из машины,

он услышал стрельбу. За ней вскоре последовала целая серия взрывов, которая закрыла вершину Атаго столбом дыма и пыли. Кодама и полицейские бросились вверх по склону горы.

Оказалось: когда полиция открыла предупредительный огонь, молодые люди приковали себя к цепи и взорвали гранатами. Зеленая трава на вершине горы была залита потоками крови и покрыта разорванными телами. Они увидели тело Ийдзимы с оторванной рукой и разорванной грудной клеткой. Зарывав, Кодама встал возле него на колени и омыл его лицо дождевой водой. Полицейские стали собирать тела.

*«Верховному главнокомандующему войск союзников
Радиограмма №19 (22 августа)*

...Несмотря на наши усилия, направленные на прекращение военных действий, ситуация в Китае не улучшилась, и действия отдельных подразделений ...вызывают серьезные осложнения в деле прекращения военных действий...»

•Как в самой Японии, так и на окраинах империи капитуляция встречала яростное сопротивление.

* * *

Вечером 23 августа в Токио было проведено еще одно важное заседание. Пришло время избрать человека, который встретит американцев, высадившихся в Японии. Японские чиновники с волнением ожидали выбора соответствующего кандидата для этой деликатной миссии. От этой встречи на Хонсю мог зависеть сам характер будущей оккупации.

Под проливным дождем, который в тот день опять залил Токио, на конференцию прибыл один из ее участников, жаждущий взять на себя эти полномочия. Генерал-лейтенант Сейдзо Арисью, честолюбивый шеф разведки Императорской армии, понимал, что на эту должность требуется офицер достаточно высокого ран-

га. Абсолютно уверенный в своих возможностях, он полагал, что его опыт общения с американскими офицерами окажется неоценим во время оккупации. Однако у него не было сомнений в том, что получить это назначение будет весьма проблематично. Среди чиновников министерства иностранных дел у него было много недругов, которые могли попытаться помешать ему. Арисью наслаждался перспективой вступления в схватку. С огромной сигарой в зубах он вылез из лимузина и направился к своим оппонентам.

Его предчувствия сбылись. В ход пошли даже ругательные слова, когда его кандидатура была вынесена на обсуждение. Его обозвали «фашистом», «другом Муссолини», а следовательно, абсолютно непригодной кандидатурой для такого деликатного мероприятия, как встреча Макартура. Премьер Хигаши Куни был особенно многословен, возражая против него.

Арисью поспешил ввязаться в драку. Он действительно не отрицал, что был дружен с Муссолини во время своего пребывания в Европе. Однако генерал заявил, что из его восхищения личностью итальянского лидера совершенно не следует, что он является фашистом по убеждениям.

То ли из-за жесткой позиции, то ли из-за аргументированных ответов генерал Арисью одержал победу. Ему было дано указание отправиться на Ацуги на следующий день, 24 августа, чтобы в течение сорока восьми часов подготовиться к прибытию американцев.

Когда генерал, весь увешанный медалями, покинул здание, выйдя под проливной дождь, он ощущал радость от своей личной победы и грандиозность порученного ему дела.

Ацуги представляла из себя жалкие остатки некогда мощной авиабазы, скопление интриг, закрученных диссидентскими элементами. В какой-то момент Арисью даже стал сомневаться, справится ли он с порученной задачей.

В 12 часов у него появилась еще одна причина для

опасений. Перед тем как покинуть вчерашнее заседание, он попросил командировать вместе с ним еще семьдесят человек к полудню следующего дня. К означенному сроку явилось всего лишь десять.

Генерал вел машины по пыльной дороге на Ацуги, минуя длинные колонны солдат,двигающиеся в противоположном направлении. Этим подразделениям был отдан приказ изолировать район, чтобы избежать конфликтов с американцами. Танки, артиллерия и личный состав сплошным потоком двигались на север и восток, в то время как небольшая процессия черных машин направлялась на юго-запад для встречи с победителями.

Картина, представшая перед глазами Арисью, казалась нереальной. Японская армия покидала поле боя, даже не увидев противника. Целые подразделения отводились с линий обороны, и лишь черные лимузины двигались в направлении ожидаемой конфронтации. Где-то там, на юге, долгие годы противник готовился захватить его страну. Подъезжая к аэродрому, Арисью молчаливо курил сигару.

База Ацуги лежала в руинах. Ангары и взлетно-посадочные полосы были разворочены взрывами американских бомб. Ни у одного из изрешеченных самолетов, скопившихся на летном поле, не было пропеллера.

Менее чем за сутки до приезда Арисью по приказу штаба императорской армии из Токио прибыли солдаты для демонтажа самолетов, чтобы предотвратить полеты камикадзе. Эта акция встретила яростное сопротивление личного состава базы. Противоборствующие стороны вступили в сражение за право контролировать Ацуги, используя кулаки, пистолеты и попавшуюся под руку мебель. Комнаты в казармах были разгромлены, а стены и стулья перепачканы кровью. Но сейчас камикадзе ушли, и Арисью занялся работой.

Вечером того же дня измученный генерал сидел около открытого окна, вникая в детали плана предстоящих работ. Неожиданно со стороны барачков послы-

шался шум. Арисью выглянул наружу и прокричал: «Что, черт возьми, происходит?» Двое солдат яростно бились на мечах. Они осознали, что капитуляция все равно ведет их в тупик, и решили ускорить свой конец, вступив в смертельную схватку около окна генерала. Место сражения было выбрано крайне неудачно. Под грузом ответственности за встречу американцев у Арисью не было времени на персональные беседы. Он прорычал в окно, чтобы они убирались. От неожиданности солдаты побросали мечи и растворились в темноте ночи. Генерал вернулся к своему столу с бутылкой пива

* * *

Генерал Сейиси Танака с адъютантом потягивал свой любимый калпис* в комнате в здании Дай Иси. Последние двадцать четыре часа он занимался канцелярской работой. После обеда к нему зашел сын Тосимото, которого он отправил, заявив: «Не мешай мне сегодня. Я буду занят, ко мне придет гость».

Накануне Танака провел дома со своей семьей всего лишь несколько часов. Он поиграл с внуками, а затем читал стихи в спальне. Когда он простился и вышел под зонтиком из дома, жена вручила его адъютанту револьвер, сказав при этом: «Пожалуйста, передайте это ему».

Как очень гордого человека Танаку раздражала ухудшающаяся вот уже который месяц ситуация в Японии, и он никак не мог обрести душевный покой. Танака был утонченным интеллектуалом и очень чувствительным человеком. Его образование отличалось от образования большинства японских военачальников. В течение трех лет он изучал работы Шекспира в Оксфордском университете. В 1930 году работал военным атташе японского посольства в Мехико. В Европе и Америке он соприкоснулся с более либеральной

* Калпис — прохладительный напиток.

философией западного общества. И все же в эти последние дни войны в мышлении Сейиси Танаки восточный менталитет доминировал над образованием, полученным на Западе.

Как командующему Восточным военным округом ему была поручена защита района Токио. Он ничего не мог поделать с тем, что американские самолеты один за другим уничтожали кварталы столицы. Рейд 25 мая, во время которого был частично разрушен дворец императора, привел его в отчаяние. Преданный защитник Хирохито, Танака, желая загладить мнимую вину, решил покончить с собой. И только личное вмешательство императора заставило его отказаться от этой идеи.

Не в силах забыть непоправимый ущерб, нанесенный Трону, Танака мучился все лето. Неудавшийся путч во дворце в день объявления капитуляции явился последним ударом. Он был уязвлен дерзостью молодых офицеров, осадивших императорский дворец и убивших своих сограждан, чтобы добиться отмены решения правительства. Несмотря на то, что его роль в подавлении восстания была очень велика, он низжайше извинился перед императором. Заметив состояние генерала, Хирохито одобрил его действия и выразил надежду в том, что Танака продолжит свою работу на благо нации.

И Танака продолжил. После 15 числа он активно участвовал в демобилизации войск, а его поддержка в разрешении многочисленных конфликтов, направленных на дестабилизацию обстановки в столице, была неоценима. Сейчас, когда американцы были готовы высадиться на вверенной ему территории, он рассматривал эту акцию как личное поражение. В последний раз он выступил на публике перед группой студентов в Кавагучи.

«Я обращаюсь к вам как командующий Восточным военным округом Японии. Японии, которая была побеждена. Мы должны провести демобилизацию. Я знаю, что происходит в ваших сердцах, но мы все должны

думать о Его Величестве. У вас у всех блестящее будущее. Именно вы поведете Японию с сегодняшнего дня. Начните сначала. Атомная бомба полностью изменила расклад сил в войне. По воле бога мы должны положить конец долгой истории японской армии. Придут новые поколения. Так приложите же свои усилия к построению нового государства».

Когда генерал закончил, он сам и его аудитория стояли в слезах.

Сегодня, 24 августа, Танака сидел, беседуя со своим адъютантом. За калписом последовал чай. Выпив чашку, он мягко обратился к младшему офицеру: «Вы посвятили мне свою жизнь», — после чего резко поднялся и вышел в соседнюю комнату. Спустя десять минут к адъютанту подошел солдат и сказал, что Танака зовет его. Зайдя в кабинет, он увидел генерала сидящим в кресле в полном обмундировании. Двое мужчин обменялись взглядами, и Танака нажал на курок револьвера, приставленного к сердцу.

На его столе были бережно разложены шесть писем, военная фуражка, пара белых перчаток и роскошный меч, преподнесенный ему лично императором. Здесь тоже стояла небольшая статуэтка императора Мэйдзи, лежали портсигар, две книги по буддизму, очки в футляре и вставная челюсть.

Последнее послание генерала семье было простым: «Мы все беззаветно преданы Его Величеству, но я не могу вынести поражения Японии. Я умру, но я не жалею об этом. Моим единственным пожеланием остается процветание нашей нации».

Через несколько часов в кабинет пришли те, кто хотел проститься с ним. Мадам Танака мужественно приняла смерть супруга. Она занялась его переодеванием, так как форма генерала была вся пропитана кровью. Около нее стоял высокий лысый человек. Это был генерал Ген Сугияма, командующий 1-й армией. Именно ему адъютант Танака объяснял причины, побудившие его шефа закончить жизнь самоубийством.

Выразив соболезнование жене, родственники и слуги положили тело генерала в деревянный гроб.

* * *

В нескольких сотнях километров к юго-западу от заливаемой дождями Ацуги один человек интересовался погодными условиями на базе. И это был не праздный интерес, потому что именно он должен стать первым американским военным, ступившим на японскую землю. Он и не предполагал, что это случится именно с ним.

Выпускник Уэст-Пойнта* полковник Чарли Тенч никогда не считал себя героем. Как член команды Макартура он разрабатывал детали военных операций. После сброса атомной бомбы Тенч оказался без работы. Вечером 19 августа он сидел в своей комнате и читал старые журналы, когда получил неожиданный вызов к генералу Стефену Чемберлену. Генерал изложил суть его нового поручения. Кто-то должен был сопровождать группу военных на Японские острова до высадки основных сил. Должна быть установлена связь и приведены в порядок взлетно-посадочные полосы и летное поле.

Чемберлен в общих чертах описал переговоры с делегацией Кавабе в Маниле, после чего спросил: «Как вам идея выступить руководителем передовой группы?» Тенч был польщен, хотя и немного ошарашен мыслью о том, что он будет первым, чья нога ступит на вражескую территорию. Быстро придя в себя, он ответил: «Я ни за что на свете не упустил бы этот шанс».

После того как делегация Кавабе покинула Манилу, были согласованы окончательные планы высадки

* Уэст-Пойнт — название Военной Академии США — Высшего военно-учебного заведения страны, учрежденного актом конгресса в 1802 году. Назван по одноименному форту. Прием в Уэст-Пойнт производится только по рекомендации президента США, сенаторов, конгрессменов и командования вооруженных сил. Выпускники академии носят кольцо, являющееся своеобразным отличительным знаком.

Тенча. Его группа отправится на Окинаву 25 числа и в полночь в тот же день вылетит в Японию. За это время японцы должны нейтрализовать любые вылазки камикадзе.

Тенч не был в восторге от того факта, что повстанцы все еще бродят по Японии. Друзья полковника в Маниле устроили целый тотализатор, делая ставки на его шансы выжить. Мнения разделились пополам. Пятьдесят процентов придерживались точки зрения, что его самолет будет сбит при приближении к Ацуги. Другая половина считала, что его убьют сразу, как только он выйдет из самолета. Тенча это не веселило. Он знал, что генерал Кавабе был озабочен беспокойной ситуацией в стране и просил американцев отсрочить оккупацию на десять дней.

25 числа передовая группа погрузилась в самолеты, направившись на Окинаву. Они были встречены тайфуном, набирающим силу в этом регионе, что помешало им достигнуть точки назначения в установленный срок.

Тенч отправился в штаб генерала Уайтхэда, чтобы обсудить детали предстоящего полета. Хотя никто открыто не упомянул возможного сопротивления японцев, все предполагали такой оборот. После обеда тайфун только усилился, а дождь превратился в ливень. Район базы Ацуги оказался в центре шторма. В то время как японцы пытались привести летное поле в порядок, американцы взвешивали все за и против отправки Тенча в такую плохую погоду. Вечером пришел ответ из Манилы. Была назначена сорокавосьмичасовая отсрочка начала миссии. У японцев появились еще двое суток, чтобы подготовиться к встрече и взять ситуацию под контроль. Все в Японии, а особенно полковник Чарльз Тенч, вздохнули с облегчением.

* * *

Растущий страх сковал Японию. Мэр города Гифу отдал приказ всем девушкам в возрасте от 15 до 25 лет

удалиться в горы, чтобы избежать встреч с американскими солдатами. По просьбе работниц компании «Накадзими Эйркрафт» в городе Уцуномия управляющий завода выдал им капсулы с цианидом на случай, если американцы попытаются изнасиловать их. Подобные капсулы были розданы и работницам компании «Канто Киого», чтобы «поддержать достоинство японской женщины».

В самом Токио газеты опубликовали серию статей, посвященных линии поведения местных жителей во время оккупации. Женщинам советовали носить свободные, не обтягивающие одежды, чтобы выглядеть менее привлекательно для американских солдат. В случае, если на них все-таки нападут, они должны громко кричать и звать на помощь. Мужьям и отцам семейств рекомендовалось удалить свои женские половинки в деревню, по крайней мере до тех пор, пока процесс оккупации не войдет в нормальное русло. Неоднократно повторялось, что женщины не должны улыбаться незнакомцам, чтобы американцы, не дай бог, не восприняли традиционное японское дружелюбие как приглашение к чему-то большему.

Кроме этого, гражданам Японии постоянно твердили о национальной гордости, которая, вне всяких сомнений, приведет их к процветанию в ближайшие годы. Правительство пыталось поддержать уверенность людей в себе и восстановить некое подобие национального самоуважения.

«Из штаба Императорских войск

*Верховному главнокомандующему войск союзников
Радиограмма №13*

Отдельные офицеры и представители союзных войск без предварительного уведомления высаживаются с самолетов на территории, контролируемые Японией. Эти вылазки осуществляются с целью установления контакта или улучшения условий содержания военнопленных и интернированных. Просим вас остановить эти действия».

Японцы жатовались на группы спасения, высланные с базы Сиане в различные лагеря. Они опасались, что эти высадки могут привести к излишнему кровопролитию и столкновениям американцев и японцев. До сих пор солдаты групп, высадившихся за линию фронта, не получили каких-нибудь серьезных ранений, не говоря уже о том, чтобы кто-нибудь был убит. Опасения официальных лиц в Чунцине и Куньмине не оправдались. Группа Хеннесси в Мукдене не только выжила, но и ее деятельность была крайне успешной.

Парашютисты, высадившиеся в Вэйшине, говорили, что их главной проблемой стали интернированные. Сошедшие с ума от радости женщины бросались на шею американцам, пытаясь выразить им свою признательность.

В корейском городе Кейдзо американскую команду встретил японский офицер, попросивший их улететь обратно, дабы не случилось какого-нибудь несчастья. Он предложил им бензин и укрыл в надежном месте. На следующий день американцы вернулись на базу, так и не установив контакт с военнопленными.

Группа под командованием Роя Николса высадилась в районе Пекина, застав город уже «умиротворенным» Джимом Келлисом. Оказывая помощь военнопленным в регионе, группа Николса под кодовым названием «Сорока» сняла еще одну головную боль трехлетней давности американских военных. С помощью отпущенного интернированного Хилэр дю Берье группа разыскала последних оставшихся в живых членов двух американских экипажей бомбардировщиков, пропавших в 1942 году.

В апреле того года группа бомбардировщиков В-25 под командованием генерала Джимми Дулитла поднялась с авианосца «Хорнет» для бомбардировки японских городов. В результате операции восемь летчиков, сбитых над территорией Китая, были захвачены японцами. По обвинению в атаке на гражданских лиц они

были приговорены к смерти. Трое были действительно казнены.

15 октября 1942 года лейтенанта Дина Холлмарка, лейтенанта Уильяма Фарроу и сержанта Гарольда Спатца привезли на кладбище в Шанхае. Они знали, что должны умереть, и накануне написали последние письма домой. Фарроу писал своей матери: «Чтобы понять, как я принял это, почитай «Созерцание смерти» Брайана. Моя вера в Бога бесконечна, поэтому я ничего не боюсь». Спатц написал отцу, что он любит его, а Холлмарк так и не смог поверить в то, что скоро умрет.

На кладбище летчиков поставили на колени около трех крестов и привязали к ним руки. На головы надели белые повязки. В центре каждой повязки было нанесено черное пятно, служившее мишенью. Американцы умерли в ливне винтовочного огня. После казни японские солдаты положили тела в гробы и отдали честь павшим бойцам.

Оставшиеся осужденные были приговорены к пожизненному заключению. Лейтенант Роберт Медер страдал более года и умер от недоедания, бери-бери* и ужасных условий содержания. Сержант Джеймс Де Шазар слабел с каждым днем и в результате стал страдать галлюцинациями. Лейтенанты Роберт Хит и Чейз Нильсен были в относительно хорошей форме, особенно по сравнению с Джорджем Барром, находившемся практически при смерти, когда группа спасения нашла их. Барр провел долгие месяцы в китайских больницах. Оставшиеся трое немедленно вылетели на родину...

* * *

Сообщение о заключении пакта 24 августа** вызвало радость во всех уголках планеты. Чан Кайши и

* Бери-бери (от синегальского слова «слабость») — тяжелое заболевание, вызываемое главным образом недостатком в пище витамина В₁ (прим. ред.).

** Автор, очевидно, имеет в виду заключенный 14 августа 1945 года Договор о дружбе и союзе Между СССР и гоминьдаковским Китаем (прим. ред.).

Иосиф Сталин через своих представителей Сун Цзывэня и В.М. Молотова согласились проводить совместную политику на Дальнем Востоке, особенно в регионе Северного Китая и Маньчжурии. СССР открыто признал свои заинтересованность в Порт-Артуре и Дайрене на Желтом море. Китай в свою очередь был заинтересован в самой Маньчжурии. Советы согласились также «оказывать Китаю моральную поддержку и помощь в военном снабжении и снабжении другими материальными ресурсами, которая будет поступать исключительно национальному правительству — центральному правительству Китая».

Комментируя совместную декларацию, «Нью-Йорк таймс», возможно, описала общее настроение в США: «Надвигающаяся угроза гражданской войны в Китае уже начинает ослабевать». Однако некоторые заинтересованные стороны так не думали. Чиновники госдепартамента в Вашингтоне не были уверены, что Сталин дал хоть какие-то гарантии Китаю. Другие, такие как посол в Москве Аверелл Гарриман, были очень озабочены, понимая, что в силу присутствия советских войск на территории Маньчжурии приверженность Советов букве и духу Декларации лежит полностью на совести Кремля. Обеспокоенные американцы могли только надеяться на то, что Сталин выполнит свои обещания и поддержит среди прочего политику «открытых дверей» в Китае. Их надежды оказались тщетны.

СССР уже сформулировал свои далеко идущие планы на Дальнем Востоке. В июле японский агент получил доступ к советскому документу, подготовленному специально к Потсдамской конференции. Этот документ излагал долговременную стратегию и тактику сегодняшнего дня и содержал конкретные цели: 1) объединение японских левых с удаленными от власти офицерами армии и флота с целью поставить заслон на пути растущего влияния американской демократии в Японии; 2) слияние японской промышленности с китайским сельским хозяйством, что даст возмож-

ность объединить левые силы и контролировать представителей процветающих классов в обеих странах; 3) образование коммунистических государств на территории Кореи и Формозы.

В ближайшем будущем предполагалась поддержка сельского населения северо-западной части Китая, которая рассматривалась в качестве базы для действия Советского Союза на Дальнем Востоке. Именно эту цель преследовал СССР в августе 1945 года.

*«Из штаб-квартиры Японских вооруженных сил
Верховному главнокомандующему союзных держав
24 августа 1945 года*

В ряде районов разоруженные японские войска и гражданское население пали жертвой неконтролируемых вооруженных формирований, занимающихся мародерством и насилием... Ситуация выходит из-под контроля».

Коммунисты определенно начали борьбу за Азию. Советские войска продирались через сельскую местность Китая, грабя подобно монгольской орде двенадцатого века. Они уже сокрушили ослабленные японские укрепления в Маньчжурии и на корейской границе, направляясь к Мукдену и Порт-Артуру. Вместе с ними из ущелий Янь-аня появились боевые группы Мао Цзэдуна, направляясь к большим городам Северного Китая в поисках оружия и боеприпасов для последней схватки с Чан Кайши. В Калгане около маньчжурской границы советские солдаты захватили огромный военный склад и передали его красным партизанам, совершив, таким образом, действия, запрещаемые Ялтинской декларацией. Сталин нарушил договоренности, заключенные им самим с правительством Чан Кайши, с Америкой и другими союзниками.

Офицеры Советской Армии на улицах Кореи подстрекали местное население к экспроприации всей японской собственности. Исполнительный Комитет корейского народа, сформированный вскоре после

прихода красных, служил базой для будущего устройства государства. Угадывалась знакомая картина: Советы искушали население вновь приобретенных территорий, вокруг которых стал появляться железный занавес.

В Северном Китае американские группы ЦСЗ* оказались окруженными воинственно настроенным прокоммунистическим китайским населением. Сбывалось предчувствие новой войны, мучившее майора Гаса Крауса. В сельской местности вокруг городов боевой настрой коммунистов рос день ото дня. Они блокировали выезды из городов и вступали в стычки с националистами и японскими силами. Именно они первыми убили американца.

Капитан военно-воздушных сил Джон М. Бёрч был специальным агентом ЦСЗ*. С основной базы в Хсиане Бёрч руководил операциями за линией фронта. Друзья-офицеры знали его как спокойного неприязнательного человека, можно сказать, как серую личность, которая не выделяется из толпы. Позже в Хсиане никто не мог вспомнить ничего примечательного, касающегося Джона.

Радиовыступление императора Хирохито и новость о капитуляции Японии застали капитана Бёрча в Линьчуане, провинция Аньхой. Через несколько дней Бёрч получил инструкции из Хсиана направиться в Сюйчжоу, чтобы определить намерения китайских коммунистов в этом регионе. ЦСЗ была обеспокоена растущей красной угрозой в этом районе и выслала несколько групп для ознакомления с ситуацией на месте и сбора информации для последующей передачи в Вашингтон. Бёрч возглавил смешанную группу, составленную из американцев, китайцев и корейцев.

Капитан с внешностью лопухого мальчишки имел наивысшую квалификацию для выполнения этой рабо-

* По всей видимости, имеются в виду специальные отряды, сформированные Управлением стратегических служб — органом, на смену которому в 1947 году пришло ЦРУ — Центральное разведывательное управление США (прим. ред.).

ты. Сын миссионера-баптиста, он провел большую часть своей жизни среди китайцев. Тогда-то он и приобрел потрясающее знание многочисленных диалектов китайского языка и действительно научился понимать китайцев. Его беспокоило усиление влияния коммунистов в среде крестьян, и он был уверен в том, что Красная Армия является угрозой для будущего страны. В полдень 24 августа капитан Бёрч отправился в, казалось бы, рутинное путешествие в Сюйчжоу.

Однако поездка сложилась непросто. Группа добиралась пешком, на лодке и на поезде. Коммунисты попадались на их пути повсюду. В образующемся вакууме после ухода японцев они появлялись на божий свет, пытаясь занять ключевые позиции. Целые отделения железных дорог были захвачены. Озабоченность Бёрча росла с каждым часом. По мере того как группа ЦСЗ приближалась к Сюйчжоу, им все чаще приходилось преодолевать расстояния пешком из-за невозможности проделать тот или иной отрезок пути по железной дороге.

25 августа группа была уже в пятидесяти километрах от цели своего путешествия. С помощью дрезины они добрались до пикета коммунистов, организованного на дороге, чтобы блокировать город, занятый японцами. Бёрч был разгневан. После кошмаров утомительного путешествия это последнее препятствие привело его в ярость. Он приказал своему помощнику, офицеру национальной армии Тонгу, разыскать командующего здесь коммуниста и добиться разрешения проследовать в Сюйчжоу.

Найдя нужного человека, Тонг передал просьбу Бёрча. Выслушав его, коммунист повернулся к своему помощнику и сказал:

— Появилась еще одна группа шпионов, — после чего посоветовал сдать им свое оружие.

Помощник Бёрча пришел в ужас от подобной перспективы и кинулся к американцу, чтобы предупредить его. Капитан немедленно разыскал китайского командира и обратился к нему:

— Если вы собираетесь разоружить нас, то вы бандиты! Кто здесь главный?

Когда офицер ответил, что не он контролирует здесь ситуацию, капитан настоял на том, чтобы его проводили к главному китайскому военачальнику в этом пункте. Он заявил Тонгу:

— Мы должны разобраться, к какой группе принадлежат эти солдаты и кто здесь командует.

Опасаясь последствий, группа попросила его быть более деликатным в разговорах с воинственно настроенными коммунистами. Один из представителей национального правительства в команде ЦСЗ прошептал Тонгу:

— Попросите капитана быть повежливее.

Хотя Тонг повторил свое предупреждение, Бёрч отказался сменить тон и отношение к китайцам. Эти партизаны вызывали у него только отвращение. Пока они шли, он заявил Тонгу:

— Хочется узнать, как они будут общаться с американцами. Я не возражаю, если они убьют меня. Но если они сделают это, им настанет конец. США сбросят атомную бомбу, чтобы прекратить этот бандитизм.

Коммунисты вели группу ЦСЗ от одной позиции к другой, разыскивая офицера, которого требовал Бёрч. Злость американца росла с каждой минутой, и, наконец, он взорвался, схватив рядом стоящего офицера за воротник и заорав:

— Вы хуже, чем бандиты!

Помощник Тонг быстро заметил офицеру:

— Это всего лишь шутка.

В этот момент на пороге здания появился старший офицер коммунистов, наблюдая, как двое мужчин орут друг на друга. Неожиданно он закричал, указывая на Бёрча:

— Зарядите свои пистолеты и разоружите его.

Тонг заметил, что Бёрч не собирался вступать в переговоры и сказал:

— Подождите минутку, я дам вам его пистолет.

Коммунист посмотрел на него холодным взглядом и отдал приказ:

— Сначала застрелите его.

Один из партизан поднял пистолет и выстрелил в Тонга, попав ему в правое бедро. Другой солдат выстрелил в Джона Бёрча. Падая, Тонг услышал, как кто-то сказал: «Приведите его», — очевидно, имея в виду Бёрча, бьющегося в агонии в пыли. Перед тем как потерять сознание, Тонг услышал голос Бёрча: «Я не могу идти».

Коммунисты притащили капитана ЦСЗ в другое место, связали руки за спиной и поставили на колени. Старший из китайцев подошел к нему сзади, приставил пистолет к голове и выстрелил. Затем, чтобы затруднить идентификацию трупа, лицо Бёрча было изуродовано штыками.

Через несколько дней агенты ЦСЗ обнаружили его останки. Тело сфотографировали, завернули в белый саван и положили в гроб. Его похоронили в Сюйчжоу на горе, с которой открывается живописный вид на этот город. Убийцы капитана растворились в сельской местности вокруг города.

Описание смерти Джона Бёрча было передано в штаб-квартиру ЦСЗ, а затем вместе с фотографиями его истерзанного тела доставлено чиновникам в Вашингтон в качестве доказательства враждебности и агрессивности коммунистов. Все надеялись, что это свидетельство тактики красных в Китае вынудит правительство Соединенных Штатов занять правильную позицию в ближайшее время.

Глава 19

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

Где-то в Маньчжурии все еще находился генерал Джонатан Вайнрайт. Официальные лица в Чунцине и Вашингтоне начали беспокоиться о нем. Встал вопрос о его поиске. В глазах американской общественности Вайнрайт был героем черных дней 1942 года, человеком, который заплатил сполна за неподготовленность американцев в Пёрл-Харборе.

Вайнрайт был профессиональным военным, одним из тех людей, которые вели за собой американскую армию в мрачный период, предшествующий второй мировой войне. Военные традиции его семьи, начало которым положил его дед, уходили корнями в гражданскую войну. Дед был выпускником первого набора Военно-морской академии в 1840 году, а в 1863 году погиб в заливе Галвестон. Дядя Вайнрайта был убит в 1871 году недалеко от побережья Мексики в битве с пиратским кораблем. В тот же год его отец был зачислен в Уэст-Пойнт.

Сам Джонатан закончил академию в 1906 году, начав таким образом свою сорокатрехлетнюю военную службу, во время которой не произошло ничего примечательного. Он участвовал в сражении против Моро на Филиппинах, был штабным офицером в первую мировую, но в основном занимался армейской подготовкой в мирное время. В 1938 году ему было присвоено звание бригадного генерала.

В 1940 году Вайнрайт получил назначение в Манилу на должность командира филиппинской дивизии. Общую стратегию защиты островов разработал генерал Дуглас Макартур. Ушедший в отставку в 1937 году бравый военный вернулся на Филиппины по просьбе нации, чтобы укрепить оборонную мощь армии. Однако ни Макартур, ни Вайнрайт не могли совершить чуда за отведенное им время. Хотя филиппинцы и участвовали в некоем подобии военного тренажа до Пёрл-Харбора, этого было недостаточно. Инфраструктура, как и воздушные силы, практически отсутствовала. Сухопутные войска имели очень отдаленное представление о тактике и стратегии ведения боя.

Утром 8 декабря 1941 года (7 декабря по гавайскому времени) генерал Вайнрайт поднялся с постели в затемненной спальне, чтобы взять трубку настойчиво звонившего телефона. Он узнал, что Пёрл-Харбор сокрушен. Так на тридцать шестом году военной службы генерал понял, что он вступает в наиболее сложный период служения отечеству.

Японцы нанесли жестокий удар по Филиппинам. В первый день они уничтожили почти все бомбардировщики и истребители в этом районе. В течение недели они захватили Лусон, окружив американские и филиппинские войска. Это была первая сухопутная битва на Тихом океане. Схватка, в которую вступил Вайнрайт, оказалась безнадежной. Его солдаты умирали в боях с врагом, превосходящим числом, оружием и умением.

К 23 декабря, всего лишь через пятнадцать дней после начала военных действий, Макартур использовал свой последний шанс. Он приступил к выполнению плана «Апельсин-3», включающего в себя отступление на полуостров Батаан в северной части Манильского залива. Здесь американцы должны закрепиться. Вайнрайт получил приказ отойти на заранее определенные позиции — форты, расположенные в джунглях.

Как командующий войсками на севере Лусона,

Вайнрайт сдерживал японцев на берегах залива, в то время как остальные войска с юга Лусона передвигались в район Манилы во временные убежища Батаана. Более трех месяцев они не позволяли японцам захватить полуостров. В эти три месяца тысячи людей, попавших практически в ловушку, не только выжили, но и оказывали сопротивление врагу. В этот период президент Рузвельт отдал приказ Макартуру перебраться ближе к Австралии, в результате чего Вайнрайт принял командование всеми силами на Филиппинах.

План «Апельсин» подразумевал шестимесячную оборону островов до прихода подкрепления из Соединенных Штатов. Подразделения, дислоцированные на Батаане, придерживались этой концепции. Однако ее недостатком являлось то, что помощь из Америки была существенно слабее, чем требовалось. На помощь морской армады или огромного воздушного флота рассчитывать не приходилось. Войска Вайнрайта оказались изолированными, брошенными без всякой надежды.

Съев последнюю лошадь, солдаты начали умирать от голода. Малярия подтачивала их здоровье, обмундирование пришло в негодность. 9 апреля стих оружейный огонь, и над заливом повисла зловещая тишина. В это время генерал Вайнрайт находился на острове Коррехидор, расположенном при входе в гавань.

Японцы сконцентрировали у Коррехидора огромную мощь. Крупнокалиберные орудия поливали горы острова шквальным огнем. В их пещерах лежали тысячи раненых.

5 мая японцы высадились на Коррехидоре и двинулись в направлении центрального штаба. Вайнрайт должен был принять сложное решение: пожертвовать теми, кто выжил, предприняв попытку самоубийственного сопротивления, или сдаться, чтобы сохранить солдат живыми.

В 10.30 утра 6 мая на Коррехидоре ожила радиостанция: «Сообщение для генерала Хомма. Сообщение

для генерала Хомма». В полдень был выброшен белый флаг, и войска генерала Джонатана Вайнрайта прекратили сопротивление.

Вайнрайт был захвачен в плен. Когда ему рассказали подробности сражения на Батаане, он подумал: не было ли лучше бороться до конца? Он стал мучиться сомнениями. И более трех лет генерал был не в ладах со своей совестью.

К лету 1945 года Вайнрайт стал похож на ходячий скелет. Он весил около шестидесяти килограммов. Обноски одежды на его почти двухметровой фигуре болтались, как на пугале. Его дух был подточен ужасным обращением с военнопленными в многочисленных японских лагерях. И все же он дожил до освобождения. Генерала содержали в небольшом лагерном пункте на северо-востоке от Мукдена. Вместе с ним здесь находились еще тридцать пять заключенных. Половина из них были высокопоставленные чиновники или представители генералитета союзных войск, такие как губернатор Сингапура и генерал Персиваль — начальник обороны этого бастиона на момент его падения в 1942 году.

Они были переведены туда всего лишь год назад с Формозы, где более двух лет содержалась основная масса военнопленных Батаана. За это время многие умерли, остальные превратились в живые трупы. Враг был жесток, бесчеловечен и мстителен. Хуже всего с военнопленными обращались японские солдаты и унтер-офицеры: бесконечные побои, часы стояния на холоде...

Самого Вайнрайта несколько раз избивали до полусмерти. Но тяжелее всего было вынести другое. Когда в лагерь прибывали посылки от Красного Креста, пленники радовались уже от одной только мысли о еде. Однако продовольствие никогда не распределялось среди заключенных. Их надежды оказывались тщетными, а коменданты умудрялись «потерять посылки» или распределить их среди японцев.

Более трех лет Джонатан Вайнрайт провел в таких условиях. Он читал «Северо-западный проход» и «Оливера Висвелла», раскладывал пасьянсы и старался быть в курсе событий. Его обязанностью было точить лезвия для всех заключенных лагеря.

Хотя генерал пытался выудить информацию всеми доступными путями, он не мог предположить, что американцы уже на Окинаве. Он не видел самолетов и не слышал бомбардировок. Для него война была все еще далеко. Чудом уцелев в жестокой стуже маньчжурской степи, он опасался за свою жизнь. Он чуть не замерз в сильнейший мороз, во время которого единственная печка на весь барак была практически бесполезна. Он спал, натянув на себя всю одежду, которую только мог собрать. Еда была безвкусная: кукурузные хлопья на завтрак, жидкая овсяная каша на обед и овощи с соевым творогом на ужин. День за днем монотонное, бессмысленное существование.

* * *

16 августа после тысячи двухсот дней заключения генерал Вайнрайт сидел в своей комнате, раскладывая пасьянс — расклад №8632. Раздался стук в дверь, и в проеме появилась голова капрала Вилларда, которая, улыбаясь, проговорила:

- Я поздравляю вас, генерал.
- В самом деле? И с чем же?
- Война закончилась.
- Не может быть! Кто вам сказал об этом?

Виллард объявил, что японский переводчик в лагере только что рассказал о том, что Советы захватили Маньчжурию, и Япония запросила мира. Ошеломленный Вайнрайт спросил:

- Он был трезвым?
- Ну, он выпил немножко сакэ, — ответил Виллард.

Все еще не поверив в это, Вайнрайт не мог заснуть всю ночь.

Утром японский комендант, лейтенант Маруи, подтвердил эту новость. Пленников выстроили в ряд и сообщили: «По приказу императора война закончена». Реакция заключенных была одинакова: их охватил безудержный, истерический смех. Годы заключения, пытки, бесконечные унижения вылились в глотки тридцати пяти военнопленных и разнеслись эхом в маньчжурских предгорьях.

19 августа майор Роберт Ламар прибыл к воротам лагерного пункта. Оставив сержанта Гарольда Лита снаружи, Ламар зашел в кабинет коменданта. Лейтенант Маруи был весьма обходителен и предложил доктору чашку чая. На вопрос Ламара о том, может ли он увидеть заключенных, Маруи ответил, что тому придется подождать следующего дня. Мужчины заспорили. После оживленной дискуссии японец отступил и послал за генералом Вайнрайтом.

Через несколько минут появился истощенный человек. Он остановился на пороге и прошептал, взглянув на Ламара: «Вы действительно американец?» Ламар кивнул и представился. Вайнрайт оставался на своем месте, пока Маруи не дал ему сигнал войти. Он сделал несколько шагов и опять остановился, поклонившись коменданту.

Майор быстро вскочил со стула и предложил генералу присесть. «Он должен стоять», — заорал Маруи. Вайнрайт промолчал. Ламар продолжал настаивать на том, чтобы генерал присел. Разгорелся новый спор, во время которого Вайнрайт стоял, спокойно слушая перепалку.

Победа оказалась на стороне Ламара, и Джонатан Вайнрайт опустил на стул. Мабор повернулся и сказал: «Генерал, вы больше не пленник и отправляетесь в Соединенные Штаты».

Вайнрайт подумал некоторое время, а затем спросил о том, что мучило его все эти долгие дни и ночи. — Что думают обо мне мои сограждане?

Его глаза впелись в Ламара, когда тот ответил:

— Вас считают героем. Ваша фотография была в журнале «Тайм».

Вайнрайт все еще не был убежден. Он отправился в свой барак, гадая, что его ожидает за пределами лагеря.

Ламар и Лит остались на ночь, поужинав вместе с заключенными. Они наблюдали, как пленники бережно отсчитывают каждый боб, чтобы никто не был обделен. Оба были поражены апатией, в которую впал генерал и которая охватила всех людей, сидящих за столом.

* * *

Утром Ламар принял решение. Его радиопередатчик не работал, и он не мог сообщить Хеннесси в Мукден о том, что Вайнрайт и другие живы. Опасаясь, что эта особая группа офицеров может быть использована японцами или русскими в качестве заложников, Ламар оставил Лита и в тот же день отправился в Мукден, чтобы организовать немедленную транспортировку. Однако его планы были нарушены вступлением советских войск. Попытавшись раздобыть транспортные средства, он натолкнулся на полное безразличие со стороны советских военных, которые устроили охоту за спиртным по всему Мукдену.

Ламар вступил в схватку за грузовики, а ожидание в застенках Сиана казалось бесконечным. Уже четыре дня американские войска не показывались на дороге с юга. Вайнрайт и другие ходили подавленные, но по крайней мере они могли свободно передвигаться по округе.

Наконец утром 24 августа непонятный шум около ворот возвестил о приходе чужаков. Это были не американцы, а группа из тридцати советских солдат. Их командир, бородатый подполковник зловещего вида, подошел к Вайнрайту и заявил ему через Лита, который говорил по-русски: «Я направляюсь в Мукден. Если вы сможете предоставить свое собственное транс-

портное средство и быть готовыми через час, я возьму вас с собой». Судя по всему, подполковник не мог ждать. Он был все еще в состоянии войны с японскими подразделениями, прорывающимися через рваную линию фронта в Маньчжурии.

Американцы были рады уехать. Вайнрайт обратился к лейтенанту Маруи и попросил его организовать автобусы для заключенных. Маруи в присутствии русских с автоматами наперевес быстро согласился: «Да, сэр». Вайнрайт еле слышно повторил его ответ. В первый раз за долгие годы японцы выказали ему такое уважение.

Группа из Сиана посреди конвоя из американских джипов с красными звездами на борту отправилась на юго-запад. Вскоре конвой сбился с пути. Целый день американцы вместе с советской колонной разъезжали по дорогам Маньчжурии в поисках Мукдена. В конце концов они бросили джипы и пересели на поезд. Когда поезд сломался, они пересели на следующий. В это время американские чиновники уже отчаялись отыскать Вайнрайта. Поисковые самолеты рыскали по всей Маньчжурии. Распространился слух, что русские захватили генерала и отправили его в Сибирь. Было ясно, что он жив. Но где он?

В 1.30 ночи изможденная группа прибыла на железнодорожный вокзал Мукдена. Путешествие подошло к концу. Когда их вагон остановился, Вайнрайт провалился в забытие. Лит отправился на поиски Ламара, который вскоре появился перед Вайнрайтом с радостной новостью. Сегодня утром генерал летит в Чунцин, он приглашен на церемонию капитуляции на линкоре «Миссури» лично Макартуром.

* * *

Девять человек вошли на борт транспортного самолета С-47 в предрассветных сумерках. В свете огней взлетно-посадочной полосы Куньмина были отчетливо

видны парашюты за их спинами и американские флаги на левых рукавах. Они были одеты в зеленый камуфляж и ботинки парашютистов. Это была группа, направляющаяся на остров Хайнань, расположенный недалеко от южного побережья Китая и все еще находящийся под японским командованием. Целью группы являлось освобождение военнопленных. Были основания считать, что японцы на Хайнане, не имеющие связи со штабами войск, не подозревают о том, что война закончилась двенадцать дней назад. Мужчины, садящиеся в С-47, предполагали, что в точке назначения их ожидает беда.

Руководителем группы был двадцатичетырехлетний стройный блондин из Калифорнии — майор Джон Синглауб. Он получил это звание всего лишь несколько часов назад. Было решено повысить его статус, чтобы позволить более свободно общаться с японскими офицерами, которые могут и не поверить в то, что война действительно закончилась. От действий молодого майора зависела судьба всей команды. В группе также были радист — сержант Тони Денно, врач — капрал Джеймс Хейли, офицеры разведки Чарльз Уокер, Джон Бредли и Арнольд Брики, адъютант — капитан Лен Вудс и переводчики — лейтенанты Питен Фонг и Ральф Йемпуку, невысокий нисеи с Гавайских островов. Роль Йемпуку, ветерана операций ЦСЗ в Таиланде и Индокитае, была деликатной. Именно ему поручалось установить контакт с возможно недружелюбными японцами, переводить обе стороны и по возможности улаживать все спорные ситуации. Никто из членов группы не работал до этого вместе. Они были вызваны в Куньмин из различных подразделений. С-47 бежал по взлетно-посадочной полосе, уходя в ночь. Операция «Голубь» началась.

Удаляясь на юго-восток, группа обсуждала стратегию и линию поведения при встрече с японцами. Синглауб знал, что первые моменты встречи могут стать

критическими. Если японцы, с которыми встретится группа, будут за продолжение войны, американцев могут расстрелять. Все зависело от реакции японцев.

Ранним утром 27 августа С-47 пролетел над Южно-Китайским морем, оказавшись над проливом Бакбо недалеко от острова Хайнань. Где-то здесь был расположен лагерь военнопленных, в котором содержались остатки австралийской и голландской армий, разгромленных японцами в первые три года войны на Яве и других островах Ост-Индии. На сделанных накануне фотографиях острова было отчетливо видно скопление зданий в полутора километрах от побережья. Не владея никакой другой информацией, Синглауб мог только предполагать, что этот лагерь и был их целью.

Когда самолет снизился над островом, пассажиры стали искать площадку, приемлемую для приземления. Увидев чистое поле, Синглауб проинструктировал свою группу. Они должны спрыгнуть с двухсотметровой высоты и быстро собрать сброшенные с ними грузы. После появления японцев Синглауб вступит с ними в переговоры через Йемпуку.

Самолет описал круг над выбранной площадкой, и девять человек выпрыгнули за борт. За ними были сброшены запасы медикаментов и продовольствия.

При приземлении Йемпуку ударился подбородком, из которого теперь хлестала кровь. Капитан Лен Вудс ударился головой, и она слегка кружилась, когда он фотографировал момент высадки. Остальные приземлились без происшествий. Врач Джим Хейли наложил повязку на рану Йемпуку.

Синглауб огляделся и увидел на расстоянии большую группу китайцев, спускающихся с горы и направляющихся к ним. С другой стороны ехали три грузовика, заполненные японскими солдатами, движущимися из района предполагаемого лагеря. Группа ЦСЗ сразу же попала в сложную ситуацию.

Изображая полное спокойствие, девять человек принялись собирать грузы в кучу, в то время как гру-

зовики направлялись непосредственно к ним. Первым из машины вышел японский лейтенант. Он обратился к повернувшемуся к нему Синглаубу: «Вы кто?» Йемпуку перевел его вопрос, Синглауб закричал: «Война закончилась, и мы прибыли, чтобы помочь военнопленным. Отправьте своих солдат на другой конец поля, чтобы защитить моих людей и грузы от китайцев».

Йемпуку перевел его слова, вставив замечание «майор говорит». Смущенный резкой командой Синглауба, лейтенант колебался. Две группы, готовые ко всему, стояли на расстоянии пятнадцати метров в полном молчании. Никто из группы Синглауба даже не делал попытки прикоснуться к кобуре, висевшей на поясе каждого из них. Японцы, число которых было в несколько раз больше, чем американцев, держали свои винтовки наготове, ожидая приказа лейтенанта.

Замедленная реакция японского офицера привела к тому, что он потерял инициативу. Лейтенант приказал своим людям окружить поле; встав по периметру. Он уже, можно сказать, подчинился американцу, и Синглауб решил закрепить успех, приказав развернуть солдат лицом к китайцам. Сбитый с толку лейтенант отдал приказ повернуть оружие с американцев на китайцев. «Подгоните грузовики, чтобы забрать запасы». Машины подтянулись ближе к куче с грузом. Первый раунд в этой игре остался за Синглаубом.

В кузове грузовика американцы отправились вниз по горам к скоплению построек, где в это время находилось 356 солдат и моряков. Группу ЦСЗ провели в длинное здание, используемое в качестве зала для молитв японцев. Были внесены и сложены их вещи и запасы. На тот момент они по крайней мере были все еще свободны.

Синглауб не собирался обсуждать что-либо с японским лейтенантом, который, как казалось, пришел в себя. Вместо этого он попросил лейтенанта связаться с полковником, или генералом, или кем-нибудь еще, в чьей компетенции были переговоры с американской

группой. Японец, все еще сомневаясь, отправился в соседнюю комнату к телефону. Ральф Йемпуку подслушал его возбужденную речь с кем-то на другом конце провода. «Полковник, они появились здесь среди бела дня... Он говорит, что война закончилась... Но они высадились здесь среди бела дня... Да, но майор говорит, что война закончилась... Да, сэр».

Лейтенант вернулся к своим посетителям и попросил их подождать. Полковник может прибыть лишь завтра, поэтому они пока останутся в молельне. Оружие они могут держать при себе. Группа устроилась в новом пристанище. Японцы, еще не уверенные в том, что американцы говорят правду, оградили себя от возможных неприятностей как с той, так и с другой стороны, выстроив по периметру здания вооруженные караулы.

Темная ночь опустилась на Хайнань, а майор Джон Синглауб не знал, сработала ли его тактика. Вооруженный патруль вокруг здания не был хорошим знаком, но по крайней мере вся группа была жива. Вскоре к ним пришел повар-китаец, чтобы приготовить обед. Удивленные и обрадованные дружеским жестом японцев, Синглауб и его группа все же не исключали возможность быть отравленными. Японцы могли закопать их тела и заявить, что американцы попали в руки бандитов, которыми буквально кишели горы Хайнаня.

Они медленно ели превосходно приготовленную пищу, пристально наблюдая друг за другом в ожидании спазмов. Ничего не произошло. Последнее блюдо было так же хорошо, как и первое. На следующее утро стражники были на своих местах. Они не препятствовали передвижению американцев, но, очевидно, были готовы предотвратить любую враждебную акцию с их стороны.

Ближе к полудню у ворот появилась длинная процессия машин. Это прибыл полковник. Наконец-то Синглауб дождался офицера, с которым мог погово-

рить. В окружении своих помощников они сели по разные стороны длинного стола. Майор заявил:

— Мы прилетели сюда, чтобы оказать медицинскую помощь военнопленным, содержащимся на этом острове, контролируемом вами.

Полковник посмотрел на молодого американца, неожиданно улыбнулся и сказал:

— Мне только что сообщили из штаба об окончании войны.

Напряжение спало. Обрадованный Синглауб завел разговор о нуждах заключенных. Он попросил, чтобы старший офицер из узников был приглашен сюда для описания наиболее насущных потребностей. Японец неохотно согласился.

Вошел подполковник Уильям Скотт из Австралии. Высокий, очень аккуратный, профессиональный военный, Скотт уже много лет находился в заключении. Он пытался поддерживать моральный дух пленных, подтачиваемый многочисленными болезнями и унижениями. Австралийцы под его командованием были в гораздо лучшей форме, чем голландские узники.

Когда Скотт вошел в комнату, Синглауб приказал полковнику освободить место для него. Японец буквально окаменел. Синглауб жестко повторил приказ. Японец передвинул свой стул, и Скотт сел за стол как равный. Он описал ситуацию в общих чертах. Основной потребностью являлась еда, следующей — медицинская помощь. После окончания беседы Скотт передал Синглаубу свой дневник, который он вел все годы заключения. Этот документ мог быть использован для обвинения японских надзирателей.

Японцы решили немного привести в порядок лагерь: убрали высокий забор с колючей проволокой, по которой шел ток. Рацион заключенных несколько улучшился, однако их скверное физическое состояние было отменным свидетельством жестокого обращения с ними. Японский врач систематически ставил эксперименты

над заключенными. Он намеренно морил их голодом, чтобы проверить свои теории о достаточности питания. Даже простой рис специально полировали, чтобы удалить из него все витамины. В результате заключенные выжили только потому, что ловили и ели крыс и других грызунов.

Когда на следующий день американцы шли по лагерю, узники обнимали их своими костлявыми руками и плакали от счастья. Для некоторых из них помощь пришла слишком поздно. Тяготы и лишения тюремной жизни вытянули из них все силы. Хотя для большинства заключенных прибытие группы ЦСЗ стало избавлением от смерти, некоторые уже находились одной ногой в могиле. И свидетельством тому было огромное кладбище, раскинувшееся за лагерем...

* * *

Американские заключенные на Японских островах уже почувствовали пьянящий аромат свободы. В лагере города Нагоя двести восемьдесят семь заключенных сложили свои жалкие запасы денег и купили быка, которого японцы каждый день запрягали в повозку, вывозящую нечистоты из лагеря. Его закололи и зажарили, устроив себе праздник.

Узники по-разному вели себя в разных лагерях Японии. Штаб-квартира императорских войск отправила сообщение в Манилу: «...Заключенные в Кобе с ночи 19 августа отказываются подчиняться приказам администрации лагеря и убегают... Маленькими группами они вламываются в окрестные магазины, расхищая консервы, пиво и т. д.... Кроме того, они пристают к местным девушкам и женщинам...»

Японское правительство беспокоило возможное ухудшение отношений между американцами и гражданским населением Японии. И причина для этого была. За долгие годы заключения у военнопленных сложилось негативное отношение к японцам. Основной претензией был голод. Медицинская помощь боль-

ным не оказывалась совсем. В госпитале Синигава в Токио было вылечено меньше пациентов, чем умерло от недостаточного ухода.

Сразу после радиовыступления императора американские самолеты поспешили на помощь заключенным. На лагеря военнопленных сбрасывались огромные контейнеры с продуктами, которые съедались на месте. Тысячи человек, больше похожих на скелеты, после капитуляции с тоской смотрели на ворота, нетерпеливо ожидая появления сограждан, которые забрали бы их отсюда.

Глава 20

ВРАЖЕСКАЯ ЗЕМЛЯ

В 3 часа 28 августа полковник Тенч и сто сорок шесть человек с ним покинули Окинаву. Длинная очередь из сорока пяти самолетов С-47 направилась на северо-восток. В головном самолете полковник обсуждал с офицерами детали предстоящей операции. Никто не говорил об опасностях, поджидающих их впереди.

После окончания разговора мужчины попытались уснуть в неудобных креслах. На рассвете все поднялись, чтобы посмотреть на конические формы Фудзиямы. На горах не было снега, и кто-то заметил, что японцы специально растопили его, чтобы досадить американцам. Присутствие американских боевых кораблей под ними и истребителей сопровождения около них придало им силы на финальном броске на Ацути.

Появление самолетов над авиабазой вызвало на земле оцепенение. Когда помощник доложил Сейдзо Арисью, что американцы появились в поле зрения, генерал не мог поверить — ведь группа Тенча должна была прибыть не менее чем через час. Он выскочил наружу и посмотрел на небо в том направлении, откуда раздавался рокот моторов. Да, они были там и снижались над аэродромом, готовясь сесть на взлетно-посадочную полосу. Никто не был готов принять противника.

Наконец все приказы были отданы, а кители застегнуты на все пуговицы. Галстуки, мечи и прочие

аксессуары торжественной церемонии были разысканы и надеты. Встречающая группа собралась невдалеке от тентов, специально натянутых для принятия американцев. Арисью стоял, нетерпеливо поглядывая на самолеты, заходящие на последний круг перед посадкой.

В то утро он нервничал. На летном поле стояли сотни японских солдат для защиты противника. И все же любой из них мог легко забыться и выстрелить в американскую делегацию. Если хоть кто-нибудь из американцев будет ранен или убит, последствия будут ужасны как для генерала, так и для всей нации. При этой мысли генерал-лейтенант поежился.

Арисью с ужасом смотрел, как первый самолет выпустил шасси. Пилот неправильно определил направление ветра и садился в нисходящем потоке, что могло привести к катастрофе. Головной самолет пять раз подпрыгнул на полосе, перед тем как остановиться. Арисью почувствовал одновременно ярость и облегчение. Его тщательно выстроенные планы встречи были нарушены. Самолет Тенча, зашедший на посадку не под тем углом, остановился в противоположном конце летного поля, а остальные последовали за ним.

Моторы первого самолета, почихав, заглохли, а полковник Чарльз Тенч остался один на один со своим неясным будущим. Люди, стоящие за ним, молчали. Атмосфера была напряжена. Яркое солнце хлынуло в кабину из открытых дверей самолета, и полковник ступил на японскую землю. Он ударил правым каблучком по земле, чтобы отметить этот исторический момент, и бросил взгляд на другую сторону поля узнать, что ему приготовили японцы.

В поле зрения никого не было. Не было даже никакого движения. Тенч стоял в компании с переводчиком, майором Фобионом Бауэрсом, и майором Чарльзом Хатчисоном, держащими в руках карабины. У самого Тенча был пистолет сорок пятого калибра в подплечной кобуре. Всем остальным он приказал оставаться в тени самолета до выяснения ситуации. Пока

троица ожидала хоть какого-нибудь действия, нервы Тенча немного успокоились. Стояла жуткая тишина.

Переводчик Бауэрс заметил высокую коричневую траву, растущую на поле. Яркое солнце слепило глаза, и он проговорил: «А как вообще, черт возьми, начинается оккупация?» Его сердце екнуло, когда он увидел группу бегущих к ним японцев, что-то кричащих на ходу. Тенч немедленно представил себе, что он является объектом устремлений банды фанатиков. Уверенность вернулась к нему, когда группа приблизилась вплотную, кто пешком, а кто на медленно двигающихся машинах.

От группы отделился невысокий увешанный медалями японец и сказал: «Я генерал-лейтенант Сейдзо Арисью, начальник группы встречи на базе Ацуги». Тенч поприветствовал его и проговорил: «Я полковник Тенч, командир передовой группы Верховного главнокомандующего войск союзных держав». Бауэрс быстро перевел. Не было какой-либо сердечности или дружественной атмосферы, просто жесткий военный протокол. Арисью пригласил Тенча на другую сторону поля к месту, подготовленному для встречи. По пути их осветили десятки вспышек фотоаппаратов японцев и целого корпуса армейских фоторепортеров, сопровождавших Тенча, чтобы зафиксировать исторический момент.

В павильоне Арисью предложил Тенчу апельсиновый пунш. Полковник, сразу подумав, что это яд, отказался. Его смущение привело японца в недоумение. Генерал поднял бокал и выпил. Через минуту Тенч все же принял второе приглашение. Арисью внимательно наблюдал, как полковник настороженно пробовал, а затем пил пунш. Напиток оказался прохладным и приятным, и Тенч наконец расслабился. Он закурил сигарету и перешел к делу.

Мужчины присели и представили своих помощников. Генерал затянулся огромной сигарой и устроился

поудобнее. С него также спало напряжение первых минут встречи.

В середине разговора Тенча озадачило неожиданное появление человека в странной белой форме. Пока он пытался угадать, кто бы это мог быть, незнакомец сам подошел к нему и напыщенно представился: «Анатолий Родионов, военный атташе Советского Союза в Японии. Добро пожаловать». Тенч был удивлен встрече с русским здесь, но скрыл свое недоумение и поприветствовал его, а про себя решил быть очень осторожным с советской делегацией.

Самолеты продолжали приземляться, и полковник послал депешу на Окинаву, что операция прошла удачно, а ситуация нормальная. После этого он с помощниками отправился к элегантно сервированному столу. Изысканные блюда подавались на серебряной посуде, официанты были вежливы. Первые часы на Ацуги прошли в атмосфере доброй воли и взаимопонимания.

Время после обеда Арисю провел в обществе американских солдат, разгружавших вещи и разбивавших лагерь. Их дружелюбное отношение впечатлило его. Один из вспотевших сержантов, мимо которого проходил Арисю, крикнул: «Эй, генерал, а как насчет пива?». Некоторое время спустя Арисю раздобыл для них пиво.

Поздно вечером Тенч нашел время, чтобы побриться и принять душ из ведра. Когда он приступил к ужину, один из помощников доложил, что советская делегация ожидает встречи с ним. Очевидно, они планировали свое участие в церемонии подписания капитуляции. Он оказался прав. Группа передала письмо посла СССР в Японии Якова Малика. Он просил допустить представителей СССР на это мероприятие, возглавляемое Макартуром. В письме также была просьба сообщить время прибытия Макаргура, чтобы лучше скоординировать планы советской делегации. Письмо было подписано: «Ваш Малик». Тенч отправил этот документ на Манилу, где он, как и ожидалось, был проигнорирован

штаб-квартирой Верховного главнокомандующего. Макартур не хотел иметь ничего общего с Советами.

Вечером 28 числа Тенч очутился в японской постели, которая оказалась маловата для его почти двухметровой фигуры. Полковник не мог до конца расслабиться после изматывающего напряжения дня, который он прожил в стане врага, каждую секунду помня о том, что планы противника могут измениться в любую минуту. За пределами лагеря были люди, переполненные горьким разочарованием и способные на самые жестокие действия. В самом лагере фонарики японской охраны освещали каждую пядь земли в поисках какой-либо опасности. Наконец Тенч уснул.

Проснувшись на рассвете, он почувствовал облегчение оттого, что выжил в эту тяжелую ночь. Опасения все еще не покинули его, но было важно оставить их при себе, скрыв как от японцев, так и от своих подчиненных.

Строительные батальоны японцев приступили к восстановлению взлетно-посадочных полос и подъездных площадок. Четыре тысячи людей рассеялись по полю, засыпая воронки и выравнивая поверхность при помощи доисторического катка. Нелепость этого действия на исковерканном пейзаже Ацуги одновременно и поразила Тенча, и вызвала сострадание. Один американский бульдозер смог бы справиться с работой лучше и за более короткое время.

После встречи с генералом Арисью Тенч заметил, что еще один японский офицер постоянно находится поблизости, надеясь поговорить с ним. Это был генерал-лейтенант Камада, получивший образование в Соединенных Штатах и прикрепленный в 1932 году к 1-й дивизии США в качестве наблюдателя. Они быстро нашли общих знакомых. Японец попытался расположить к себе Тенча, но полковник держался отчужденно. Тогда Камада сказал:

— Что я действительно хотел бы сделать, так это..

Как вы называете это? — он взмахнул рукой, как бы посылая шар в кегельбане.

— Шар? — спросил Тенч.

— Да, да, — закивал Камада.

В тот же день на Ацуги высадились американские морские пехотинцы. Их командир Гарольд Стассен, прибывший на самолете, сказал Тенчу, что 3-й флот под командованием Була Холси «наступает на пятки передовой группе». Кто-то позади Тенча пошутил: «Да, отстают всего лишь на сто километров». Стассен пропустил реплику мимо ушей и направился прочь.

Позже в тот же день напряжение только усилилось. Официальные лица в Токио доложили, что американский заключенный, находящийся в госпитале Синагава, нуждается в срочной операции по удалению аппендицита. Американцы изъявили желание транспортировать его на один из кораблей, стоящих на якоре в заливе Сагани. Тенч обсудил это с Арисью и принял решение запросить отчет японских хирургов о состоянии больного, перед тем как перейти к действиям.

В полночь разгневанные японцы опять появились у Тенча. Больной военнопленный в Токио был похищен Гарольдом Стассеном, который весь день занимался эвакуацией тяжелобольных из лагерей. С точки зрения Арисью и его помощников, эта тактика военноморского офицера была неприемлема. Все правила протокола нарушались. И все же эффективные действия американцев обрадовали Тенча и принесли ему удовлетворение. Более получаса он пытался усмирить разбушевавшихся японцев, после чего отправился спать.

В 7.00 приземлилась первая группа 11-й воздушной дивизии. Из машин выпрыгнули парашютисты, встав под крыльями самолетов. Они были при полном вооружении, готовые к любой неприятности. Однако свидетелями этой высадки стали лишь уже прибывшие американцы.

Японцы тоже были взволнованы. Группа офице-

ров, которая встречала американских военных, имела при себе револьверы с одним патроном. При мысли о том, что «жадные до крови американцы» нападут на них, они были готовы убить себя.

В одном из первых самолетов прибыл командир дивизии Джо Свинг. Он должен был продолжить дело Тенча. Будучи военным агрессивного склада, Свинг высадился на японскую землю готовым к схватке. Подтверждением тому стали многочисленные гранаты, коими он был увешан.

Полковник Тенч с радостью передал ему летное поле. Он был счастлив, что его сорокавосемичасовое царствование на японской земле обошлось без инцидентов, и сейчас он направился на поиски бутылки холодного пива. Можно сказать, что все его действия в первые часы оккупации находились под пристальным вниманием японцев, и Чарльз Тенч прошел это испытание.

Вскоре после того как генерал Свинг принял взлетное поле в свое ведение, он подошел к американскому полковнику с густыми бровями и жалобно сказал: «Фред, здесь какой-то япошка бегает и постоянно спрашивает тебя». Японцем, которого Свинг не знал, был Арисью. А американским полковником был Фред Мансон, офицер разведки штаба Макартура. В первый раз они встретились с Арисью в 1935 году в японском городе Химедзи, где второй лейтенант Мансон был прикреплен к японской дивизии. Еще в то время майор Арисью подружился с молодым американцем. В следующий раз они встретились в 1938 году в Китае, где Арисью расследовал смерть японского военного на территории американского посольства в Пекине. Затем началась война.

Когда Арисью поприветствовал своего друга Мансон-сана на Ацуги летом 1945 года, все было так же, как и в прежние времена. И вместе с тем не совсем так. Теперь главным был Мансон. В то время как они говорили, тысячи представителей победившей стороны

появлялись на землях Японии. Каждые две минуты садился С-54. Час за часом все новые и новые четырехмоторные транспортные самолеты приземлялись в оглушительном реве моторов.

Прибытие генерала Дугласа Макартура ожидалось к двум часам. Утром он покинул Окинаву в сопровождении своих помощников: Сутерленда, Виллоуби, Уитни и других. Он был в приподнятом настроении. Хотя некоторые подчиненные опасались за его жизнь в первые часы оккупации, эта проблема, как казалось, генерала не беспокоила. Он прохаживался по самолету, разговаривал с офицерами и спокойно попыхивал своей трубкой.

Серебряный С-54 с надписью «Батаан» стал снижаться над Японией, и перед пассажирами открылась панорама Ацуги. Взлетно-посадочная полоса представляла из себя жалкое зрелище, и все же она без проблем выдержала вес С-54. В 14.19 Макартур приземлился в Японии. Остановившись у двери самолета, он рассматривал картину, представшую перед ним.

Ожидавший около трапа генерал Боб Эйчельбергер пригласил его ступить на землю Ацуги. Макартур просто сказал: «Боб, это расплата». Три года назад он отправил Эйчельбергера за хребет гор Оуэн Стенли на Новой Гвинее, чтобы остановить наступление японцев на порт Морсби. Он дал ему очень прямые инструкции: «Возвращайся с победой, либо не приходи вообще». Тридцать шесть месяцев спустя они стояли друг против друга на взлетной полосе в тридцати километрах к юго-западу от Токио.

Макартур двинулся в направлении эскорта машин, выстроившихся, чтобы сопровождать его в Йокогаму. Они проезжали мимо солдат II-й воздушной дивизии. Эта пестрая процессия завораживала взгляд. Японцы собрали разношерстную коллекцию частных машин и грузовиков, большая часть которых работала на угле. Впереди ехала огромная и дряхлая красная пожарная машина с пронзительно завывающей сиреной.

Доверенный Макартура генерал Кортни Уитни внимательно рассматривал обочины в поисках снайперов, притаившихся на полях или в домах, окружавших дорогу. Макартур просто сидел позади и наслаждался зрелищем.

На протяжении двадцати пяти километров по пути из аэропорта до Иокогамы тридцать тысяч японских солдат стояли на посту по обеим сторонам дороги. Они стояли спиной к процессии, выражая свое почтение новому правителю Японии. Вместе с тем это позволяло им высматривать вокруг возможных недоброжелателей Макартура. Они походили на безмолвные статуи. Гражданского населения видно не было. Лишь иногда в окне мелькало чье-то лицо. Было жарко, и вспотевших путешественников мучила жажда. Время от времени старинные автомобили выходили из строя, и тогда пожарная машина останавливалась, фыркала, а затем двигалась дальше.

Когда пестрая процессия достигла Иокогамы, американцы увидели ужасные последствия бомбардировок. 29 мая В-29 стерли с лица земли этот город за один день. Сейчас он представлял из себя сплошные руины, в которых жили чудом уцелевшие люди.

У центрального входа отеля «Нью-Гранд» стоял престарелый японец, одетый в визитку*. Это был Иозо Номура, нервничающий в ожидании Верховного главнокомандующего. Когда Макартур прибыл, он поклонился и пригласил его в отель. Генерал спросил: «Как долго вы работаете менеджером этого отеля?» Номура поспешил поправить его: «Я не менеджер, я хозяин. Добро пожаловать. Позвольте выразить Вам мое почтение. Во время Вашего пребывания мы сделаем все возможное, чтобы обслужить Вас наилучшим образом. Я надеюсь, вам понравится ваша комната».

Взволнованный японец говорил, думая про себя,

* Визитка — сюртук с округленными фалдами.

что его речь — полный абсурд. И тем не менее он рассматривал Макартура как гостя, а не как победителя. Номура показал генералу номер 315. Это был лучший «люкс» отеля, хотя вряд ли его можно было назвать роскошным по американским стандартам.

После того как Номура удалился, Макартур прилег вздремнуть, чтобы отдохнуть от суеты, поднявшейся в холле отеля. 159 офицеров и генералов союзных войск остановились в отеле. Японские официанты и официантки сбились с ног, разнося еду и напитки. Официанты холодно обслуживали постояльцев, в то время как официантки, не привыкшие к такому количеству военных, порхали, как смущенные бабочки.

Одним этажом выше в своей комнате полковник Фред Мансон снял рубашку и устроился со стаканчиком скотча. Когда он разговаривал с полковником Полем Крегом, кто-то постучал в дверь. Появился японский полковник в полном обмундировании. Мансон был очень рад встрече с Исидзи Сугитой, еще одним довоенным другом. Мужчины обнялись. Японский офицер, импозантный джентльмен с мягким выговором, появился на Ацуги в качестве представителя японского правительства. Он был членом Комитета по передаче американцам власти в районе Токио. Сугита завязал достаточно прочные связи с американскими военными до войны, и именно по этой причине был вызван из Кореи. Когда-то он также пребывал в американской дивизии, получая приказы от американских офицеров.

Во время войны Сугита служил помощником генерала Ямаситы, когда тот вытеснил британцев из Сингапура. Именно Сугита провел солдат по улицам города. Позже он разработал план эвакуации японских войск с Гуадалканала. Наблюдая в последние два года за постепенным распадом императорской армии, Сугита много раз предупреждал своих начальников, что Соединенные Штаты каким-то образом взломали японскую систему кодирования, и каждый шаг японской армии контролируется американскими дешифровщи-

ками. Однако его подняли на смех, и каких-либо действий в этом направлении предпринято не было.

Сейчас он стоял в номере отеля Иокогамы и говорил с американским офицером, который был для него долгие годы как брат. С их последней встречи мир сильно изменился. Понимая чувства Сугиты, Мансон отнесся к нему с состраданием. Их дружба была выше какой-либо субординации. Сугита расслабился и согласился выпить.

«Нью-Гранд» еще переживал последствия «атаки» представителей войск союзников, а в это время еще одна группа американцев пустилась в официально запрещенное путешествие по Токио. Был издан жесткий приказ о том, что Токио является изолированной зоной, допуск в которую осуществляется только по специальным пропускам. Однако иностранные корреспонденты, проигнорировав запрет, на поездах и джипах кинулись в столицу.

Токийский отель «Империал», известный тем, что устоял при землетрясении в 1923 году, стал базой для их операции. Как и императорский дворец, он был изолирован от внешнего мира. Серьезно пострадавший после бомбардировок, он все еще функционировал в своей изысканной манере. Американцы узнавали официантов и коридорных, цирюльников и метрдотелей, с которыми они уже когда-то встречались. Отель был оазисом посреди руин. Он сохранил неторопливое течение жизни, самым собой отрицая войну, и работал так, как будто бы Пёрл-Харбор и Хиросима являлись лишь плодом воображения.

Несколько репортеров напились до поросячьего визга, после чего отправились шататься по пустынным улицам. В министерстве внутренних дел, расположенном в центре Токио, услышали звук тормозов резко остановившейся напротив здания машины. Американский военный корреспондент встал на сиденье и два раза выстрелил в воздух из револьвера.

Услышав стрельбу, японцы сжались от страха. Кто-

то прошептал: «О боже, неужели оккупация уже началась?» Молодой служащий кинулся вниз по лестнице к репортеру и спросил, чем он может помочь. «Я хочу видеть министра!» — заорал корреспондент пьяным голосом. Чиновник заверил его, что министра сейчас нет в здании, и корреспондент, выслушав его, никак не мог решить, что же ему делать дальше. Через некоторое время он грохнулся обратно в джип и унесся вниз по улице. Чиновник достал носовой платок и вытер вспотевший лоб, взбираясь по ступенькам, ведущим в здание.

Кантаро Уемуру из столичной полиции посетили представители армейской контрразведки США. Они задали только два вопроса. Первый: «Где живут следующие господа?». Они перечислили некоторых чиновников правительства и военных, которые могли быть привлечены к суду. Уемуру предоставил все адреса. Второй вопрос: «Где в Токио район красных фонарей?» — имел непосредственное значение уже в настоящий момент. Это нужно было выяснить до появления основной массы военных в городе. Представители разведки планировали перекрыть доступ туда немедленно.

Район Иосивари, всемирно известный квартал проституток, был выжжен дотла в результате налетов. Однако правительство быстро выстроило новый, чтобы поддержать моральный дух японских военных. Уемуру пометил его на карте столицы, и офицеры разведки отбыли с жизненно важной информацией.

Началась оккупация, и жители Токио и его окрестностей оказались в классической ситуации: армия-победительница начала шествовать по улицам, и это не могло не привести к инцидентам, возникающим между солдатами и гражданским населением. Почти сразу же на японских и американских чиновников хлынул поток сообщений о фактах мародерства и грабежей на улицах Иокогамы и Иокосуки. После нескольких случаев изнасилований в первые сорок восемь часов японский комитет оказания помощи выразил свою озабоченность

штаб-квартире войск союзников. В городе Иокосука трое американцев ворвались в дом Коизуми и изнасиловали его жену и дочь.

Верховный штаб распорядился начать немедленное расследование этих случаев. Макартур подтверждал смертельные приговоры осужденным за изнасилование. Старшие офицеры американской армии и флота были строго предупреждены о соблюдении дисциплины среди подчиненных. В результате принятых мер число случаев насилия существенно уменьшилось.

30 августа заключенные лагеря «Омори» вышли на набережную, чтобы поприветствовать прибывающий 4-й полк морской пехоты. С понтонов,двигающихся к берегу, было видно исхудавших людей, в истерике бросающихся в воду и беззвучно шепчущих слова благодарности. Приблизившись к берегу, заплакали и морские пехотинцы.

Гарольд Стассен подошел к воротам «Омори» и остановился около коменданта. Японец заявил: «Я не имею полномочий передать вам заключенных». Стассен хлопнул офицера по плечу и сказал: «Да, вы не имеете полномочий. Точка».

Среди заключенных, освобожденных в тот день из «Омори», был лейтенант Маркус Макдилда — пилот, распространивший слух о том, что Токио подвергнется атомной бомбардировке. Незадолго до дня капитуляции, 15 августа, с группой других военнопленных он был переведен в лагерь из токийского отделения Кемпейтай. Вместе с ним был переведен и один из морских львов войны в южной части Тихого океана — Пеппи Бойингтон. Ложь Макдилды спасла ему жизнь. Именно благодаря ей его перевели в Токио, избавив от участи других американских пленных, содержащихся в застенках секретной полиции Осаки. Вскоре после выступления императора по радио там были казнены пятьдесят американских летчиков.

Вечером 31 августа Джонатан Вайнрайт прибыл из Китая для встречи со своим начальником. Когда Вай-

нрайт появился в отеле, Макартур ужинал. Узнав о его приезде от своего помощника, Верховный главнокомандующий вскочил из-за стола и приказал: «Немедленно приведите его!»

Неожиданно дверь распахнулась, и в проеме появилась фигура человека, опирающегося на палку. Макартур не мог оторвать глаз от человека, который занял его место на Коррехидоре, вынеся все тяготы вражеского плена. Он всматривался в эти запавшие глаза, ввалившиеся щеки и пепельно-белые волосы. Генералы обнялись. Макартур прижимал костлявую фигуру, хрипло приговаривая: «Джим, Джим...» Вайнрайт смог только выкрикнуть: «Генерал!» Его голос оборвался.

Лейтенант Якоб Винк, голландский военный врач, ухаживал за пострадавшими от взрыва «Толстяка» в лагере военнопленных в Нагасаки. Четверо голландских заключенных умерли непосредственно 9 августа. Трое голландцев и один англичанин скончались в последующие дни. Тридцать восемь других военнопленных лечились от полученной дозы радиации, и Винк надеялся, что они смогут выжить.

Глава 21

«ВСЕ КОНЧЕНО»

«Судный день», 2 сентября, выдался необычно холодным. Четыре черных лимузина под свинцовыми гучами двигались на полной скорости вдоль побережья Токийского залива по направлению к Иокогаме. В первой машине сидел генерал Иосидзиро Умедзу. По приказу императора и против его воли он должен был представлять японские вооруженные силы на линкоре «Миссури». Умедзу был подавлен. Несмотря на его образ бойца-самурая, он выглядел как глубоко опечаленный, удрученный человек. Около него в машине сидел хрупкий ветеран МИДа в очках Мамору Сигэмицу. В качестве делегата Гаимушо, японского министерства иностранных дел, он тоже подписывал документ о капитуляции. Сигэмицу не очень удобно устроился в подсакивающем на кочках лимузине. В 1932 году он потерял левую ногу после террористического взрыва в Китае. Его деревянный протез был не совсем хорошо подогнан, поэтому с тех пор он жил с постоянным ощущением боли.

Одеяния мужчин резко контрастировали. Умедзу носил генеральский мундир оливкового цвета. На нем были начищенные до блеска кавалерийские сапоги и сверкающий меч. Костюм Сигэмицу был сшит в лондонском стиле. На нем были шляпа, пальто типа «визитка» и брюки в полоску. Около префектуры, откуда их должны были доставить на корабль, Сигэмицу.

Умедзу и девять других членов делегации вышли из машин. Американцы выделили специальное судно для транспортировки японцев на «Миссури».

Накануне вечером адмирал Кацухеи Накамура, ответственный за доставку делегации, обнаружил, что ни один из японских кораблей не может справиться с этой задачей. Не нашлось даже завалящего буксира. В качестве официального корабля прибытия японской группы был назначен эскадронный миноносец «Лансдаун», три других американских эсминца, пришвартовавшихся в порту Иокогамы, предназначались для транспортировки корреспондентов, представителей союзников и группы Макартура.

В 7.30 японцы взошли на борт эсминца и отправились в путешествие к «Миссури». Проплывая по огромному Токийскому заливу, они постоянно встречали многочисленные свидетельства огромной мощи американского флота, заполонившего сейчас акваторию.

В центре внимания находился флагман под командованием адмирала Уильяма Холси. Выбор «Миссури» в качестве места для подписания пакта о капитуляции явился итогом многочисленных споров между армией и флотом. Это решение было принято в Вашингтоне. Несмотря на то, что Джеймс Форрестол настаивал, чтобы церемония прошла под руководством адмирала Нимица, эта обязанность была поручена Верховному главнокомандующему генералу Макартуру. И все же морской министр уговорил Джеймса Бернса избрать «Миссури» в качестве площадки для подписания документа. Как дополнительную «приманку» можно было рассматривать то, что название корабля совпадало с родным штатом президента Трумэна. В результате этих политических игр Бул Холси стал хозяином церемонии.

Холси вступил в войну с ее первого дня. Незадолго до Пёрл-Харбора его подразделения были переведены на Мидуэй. Он был безусловным лидером и пользовался поддержкой моряков и летчиков. Он не был блестя-

щим стратегом, однако являлся замечательным тактиком. Матросы с воодушевлением рассказывали истории о том, как адмирал ненавидит японцев. Даже после прекращения огня Холси остался их непримиримым врагом. В первый раз «Миссури» вошел в Токийский залив 29 августа. Холси с группой офицеров стоял на капитанском мостике. Один из военных указал на берег, где виднелось монументальное здание госпиталя, на стенах которого были нарисованы огромные красные кресты. Холси внимательно посмотрел на него и фыркнул: «Госпиталь... Да это не госпиталь, это, вероятно, один из крупных складов боеприпасов. Нам бы следовало разнести все это в щепки».

Второго сентября к Холси присоединились его старинные друзья и товарищи. Среди них был адмирал Джон Маккейн. Они были похожи по складу характера. За долгие годы службы Маккейн заработал блестящую репутацию и получил кличку Пучеглазый за свои глаза на выкате. В часы, оставшиеся до церемонии, Маккейн встречался с однокашниками и приятелями. Он был счастлив. Десять дней спустя адмирал Джон Маккейн умер от сердечного приступа.

Холси наслаждался. Его корабль — в центре внимания всего мира, он навсегда войдет в историю. Флаг 1853 года с корабля «Мэттью Перри», на котором девяносто два года назад он вошел в Токийский залив, был растянут над головами присутствующих. Флаг был слишком ветхим, чтобы водрузить его на мачту.

Путь этой реликвии в Японию был нелегким. Пять дней назад Холси созвонился с музеем морской академии в Аннаполисе и попросил немедленно организовать доставку флага. Молодой лейтенант, получивший соответствующее задание, воспользовался возможностью присутствовать при историческом событии и решил привезти экспонат персонально. Из Вашингтона до Сан-Франциско и потом через Пёрл-Харбор и Кваджалейн, Гуам и Иводзиму лейтенант Джон Бреймер ни на минуту не выпустил флаг «Мэттью Перри» из своих

рук. Наконец он прибыл в залив Сагами, откуда его с бесценным полотнищем на корабле доставили на борт «Миссури».

2 сентября в 8.55 первый японец появился на борту корабля. Это был Мамору Сигэмицу. Взбираясь по веревочной лестнице за полковником Сидни Машбиром, он превозмогал сильную боль в обрубке ампутированной ноги. Присутствующие на корабле были потрясены схожестью положения Сигэмицу и его страны. Это были калеки, которые не могли стоять. За ним поднялся Умедзу и другие члены делегации. Наконец одиннадцать японцев в три ряда выстроились на палубе лицом к столу, накрытому зеленым сукном. По другую сторону стола расположились представители государств, находящихся в состоянии войны с Японией. Тосикацу Касе, помощник Сигэмицу, смотрел на огромную армию представителей коалиции и удивлялся, как Япония могла даже мечтать о победе. Это было чистым сумасшествием.

Раздался стрекот камер и вспышек фотоаппаратов. Присутствующие заметно напряглись. Все ожидали начала церемонии. Американцы были в летней форме одежды без галстуков. Можно сказать, что их форма одежды была повседневной, немного не подходящей для подобного рода официальных мероприятий. Японцы казались напряженными, скованными в своей форме со стоячими воротничками. Умедзу и Сигэмицу стояли в первом ряду, глядя прямо перед собой. Приятель полковника Мансона Исидзи Сугита стоял в последнем ряду, озираясь по сторонам. Его поразили моряки, пристроившиеся на стволах шестнадцатидюймовых орудий, как куры на насесте, чтобы охватить всю картину происходящего. Подобная вольность вряд ли была бы позволена в японском флоте.

Британская делегация была одета в шорты и белые гетры. Представители СССР были в ослепительно красивой форме с красными эполетами*. Наряды китай-

* Так у автора.

цев. французов и канадцев также контрастировали с легкой формой американцев.

Ровно в 9.00 распахнулась маленькая дверь, и из нее вышел генерал Дуглас Макартур в сопровождении Нимица и Холси. Они подошли к столу, встав лицом к японцам. Почти сразу же Макартур начал читать по небольшому листу бумаги, который он принес с собой. «Мы, представители воюющих держав, собрались здесь, чтобы заключить соглашение о восстановлении мира. Все проблемы, касающиеся расхождения идеологий, были определены на полях сражений и не являются предметом наших дискуссий или дебатов...»

Еще один представитель японцев, адмирал Томиока, разглядел знакомое лицо за спиной Макаргура. Много лет в кабинете адмирала висел портрет этого человека. Каждый день он изучал это лицо, пытаясь понять ход мыслей этого человека. И никогда ему это не удавалось. Сейчас, в сентябре 1945-го, морской стратег Томиока стоял на палубе «Миссури» и непосредственно смотрел на Честера Нимица — своего врага и соперника.

На другой стороне палубы стоял раздраженный начальник разведки штаба Макаргура генерал Виллоуби. Ему очень хотелось занять важное место в этом историческом событии, и он пытался встать как можно ближе к своему командиру. Однако огромный австралийский генерал полностью блокировал обзор, закрыв его от фотографов.

Генерал читал, а полковник Сугита рассматривал генерала Сутерленда, стоящего за Макаргуром. Начальник штаба Сутерленд что-то прошептал британскому генералу Персивалю. Персиваль повернул голову и посмотрел на Сугиту. Однажды они встречались. Это произошло в Сингапуре в 1942 году, когда японцы диктовали условия капитуляции генералу Персивалю. Мужчины прекрасно помнили тот день, и взгляды их пересеклись надолго.

Руки Макаргура вздрогнули, и он продолжил чте-

ние. «...Как Верховный главнокомандующий войск союзных держав я вижу свою цель в своевременном, полном и правильном выполнении всех условий капитуляции».

Генерал отступил и жестом пригласил японцев подписать документы. Почти в полной тишине, воцарившейся на корабле, Мамору Сигэмицу проковылял к столу. Ветер растрепал его волосы, когда он медленно сажился в кресло. Сняв свою шелковую шляпу, он нервно стянул желтые перчатки и положил их сверху. Его помощник Касе застыл около левого плеча. Сигэмицу вытащил ручку и уставился в документ. Казалось, он озадачен.

Макартур мягко проговорил: «Сутерленд, покажите ему, где подписать». Начальник штаба подошел к столу и указал на строчку. Смущенный министр иностранных дел зарделся и низко склонил голову, выводя свою подпись. Было 9.04 утра.

Следующим к столу подошел Умедзу. Не читая документ ни единой секунды, он быстро черкнул свою подпись под подписью Сигэмицу. После этого с бесстрастным лицом, смотря куда-то в сторону, промаршировал к своей группе. По щекам некоторых офицеров японской делегации катились слезы.

Со стороны союзников первым к столу подошел Макартур. От флота США документ подписал адмирал Честер Нимиц. Последовали представители других государств. Когда была поставлена последняя подпись, Макартур вышел вперед и объявил: «Помолимся за восстановление мира во всем мире и за то, чтобы бог сохранил его навсегда. Все кончено».

Когда японские делегаты отправились за своей копией документа, возникла непредвиденная проблема. Представитель Канады, подписываясь, перепутал строчку. Генерал Сутерленд немедленно внес необходимые изменения в документ. Японцы пустились в обратный путь. Офицеры союзных войск уважительно поприветствовали группу, когда она проходила мимо.

Умеду холодно посмотрел на них, однако тоже отдал им честь.

Японцы спустились по лестнице, оказавшись на небольшом корабле, который доставил их в Токио. Они были удовлетворены тоном генерала Макартура. Представитель Гаимушо Касе записал свои впечатления, чтобы рассказать о них Хирохито. Над их головами в парадном строю пролетела группа В-29 — как последняя демонстрация силы, положившей конец империи. В небе выглянуло солнце.

* * *

В тот же день солдаты 1-й кавалерийской дивизии высадились с транспортных средств и построились в доках Иокогамы. Музыкальная группа 11-го воздушно-го крыла, находившаяся в Японии уже три дня, приветствовала прибывших песней «Старая серая кобыла уже не та, что была»

* * *

За двадцать четыре часа до окончания церемонии на корабле «Миссури» далеко к югу от Токийского залива крупный мужчина шел по склону горы, размышляя о своем будущем. Причин для оптимизма не было. Он озабоченно смотрел на лагерь военнопленных, где истощенные люди по вечерам жарили крыс на кострах и дрожали в летнюю жару от малярии.

На мужчине была мятая форма японского генерала. Три года назад под командованием Томоюки была мощная сила, которая потрясла мир. Сейчас от нее практически ничего не осталось — паразитирующая толпа, медленно загнивающая в джунглях.

Он стоял на горе Прог — одной из вершин в центральной части острова Лусон. Здесь Ямасита смог удержать несколько американских дивизий, блокировавших его.

Его страдания начались в октябре прошлого года, когда Макартур высадился на Лейте. В это время Яма-

сита был переведен на Филиппины, чтобы остановить несокрушимый поток вражеской силы,двигающийся к Японии. Хотя у японцев была огромная военная мощь в этом регионе, они были слабы в воздухе и практически бессильны в море. Ямасита обладал бесспорным талантом полководца и решимостью совершить невозможное.

История его жизни впечатляла. Как и многие другие японские офицеры, он был примерным учеником германской военной системы. В 1940 году во главе военной миссии он отправился в Германию для изучения методов, применяемых гитлеровцами, успешно покорившими пол-Европы. В 1941 и 1942 годах он применил накопленный опыт для нанесения Британской империи самого сокрушительного поражения за всю войну. Чудеса не были для него чем-то необычным: одно из них он совершил в Малайе.

С началом военных действий в декабре 1941 года японская военная машина остро нуждалась в ресурсах голландской Ост-Индии. На оконечности Малаккского полуострова находился неприступный бастион союзных войск Сингапура. Это стратегически важное укрепление не позволяло японцам установить свой контроль в регионе. Ямасита получил приказ захватить его.

Японцы, высадившиеся на Малаккском полуострове, привезли с собой секретное оружие — велосипеды. Колонны солдат двигались на велосипедах под прикрытием яростного огня танков. Защитники были полностью деморализованы новой тактикой осаждавших. Ямасита также применил неожиданные высадки за линией фронта. Раз за разом он отсекал вражеские полки, цепко хватаясь за землю узкого полуострова.

Генерал Персиваль сделал фатальную ошибку. Он переоценил силы Ямаситы. Из-за того, что его собственные запасы катастрофически иссякали, он сделал вывод, что японцы обладают огромными человеческими резервами и обеспечением.

Персиваль ошибался. У ворот Сингапура японцы

«притормозили», пытаясь скрыть вопиющую слабость. На самом деле британские силы превосходили японские в три раза. У Ямаситы под командованием было всего лишь тридцать тысяч человек, и он остро нуждался в продовольствии и боеприпасах. Его линии обеспечения растянулись на сотни километров и были разорваны. Если бы крепость вскоре не сдалась, японские войска, уже жившие на две чашки риса в день, начали бы голодать.

Ямасита подготовился к одной всеокрушающей атаке. Он был уверен, что дальнейшее промедление позволит англичанам получить подкрепление с моря и окончательно отбросить японцев. Сначала войска пересекли гряду гор и холмов, протянувшихся вдоль полуострова, отрезая Малаю от острова Сингапур, и образовали таким образом плацдарм, который до этого защищала одна австралийская дивизия.

14 февраля три английских офицера направились в сторону японских позиций с белым флагом*. Представители командования воюющих сторон встретились в 18.00 на заводе Форда в пригороде Сингапура. Персиваль заметно нервничал и производил жалкое впечатление. Ямасита, наоборот, был невозмутим и вел себя спокойно. Казалось, его заботила только одна проблема — переводчик не мог грамотно перевести все технические аспекты условий капитуляции. В конце концов Ямасита перешел на вопросы, требующие ответа «да» или «нет». В резуль-

* Красноречивая деталь: старшим среди парламентаров был сам генерал Персиваль, и именно он нес белый флаг.

За пять дней до этого командование британских войск на Тихом океане получило послание премьер-министра У. Черчилля, в котором, в частности, говорилось:

«У Персиваля столько людей, сколько у японцев вряд ли наберется на всем Малакском полуострове... Битва должна вестись до победного конца... Когда русские сражаются так, как они сражаются, а американцы столь отважно держатся на Лусоне, вопрос стоит о всей репутации нашей страны и нашей расы. Мы надеемся, что все части будут сражаться с противником».

После падения Сингапура — сильнейшей военно-морской базы мира — Черчилль скажет: «Случилось самое ужасное бедствие и самая крупная капитуляция за всю историю Англии» (*прим. ред.*).

тате корреспонденты и солдаты сделали вывод о его воинственном настроении. Однако это было не так. На самом деле ему было жаль британского генерала, и он даже хотел подбодрить его в этот неловкий момент. Но он не сделал этого и ушел. Когда японская армия на следующий день триумфально вошла в город, победа Ямаситы стала в Японии притчей во языцех.

Однако успех его был недолгим. Очевидно, опасаясь растущей популярности полководца, генерал Тодзио вскоре перевел его на маньчжурскую границу. «Малайский тигр» потерялся в тылах японской армии среди многочисленных холмов и равнин. Его имя покинуло передовицы японских газет, а имидж потускнел.

Более двух лет он пребывал в забвении, а дела на фронтах шли все хуже и хуже. После удаления Тодзио в 1944 году Ямасита появился еще раз. Военные стратеги Токио правильно предвидели мощный американский удар на Филиппинах. В сентябре 1944 года Ямасита отправился туда в качестве командующего объединенными японскими войсками.

Предчувствия не обманули Ямаситу, и решающая битва в регионе должна была состояться на крупнейшем острове Филиппин Лусоне. Согласно разработанному им плану большая концентрация японских войск на острове должна была обеспечить упорную оборону, в которой американские подразделения завязли бы на многие месяцы. Его стратегия была изменена токийскими начальниками, которые настаивали на отправке подкрепления на остров Лейте, где Дуглас Макартур пытался взять реванш за самое громкое поражение в своей карьере.

20 октября американцы захватили Лейте, и Макартур, сидя под пальмой, рассказывал корреспондентам о своем возвращении из Австралии. Тридцать один месяц назад он был тайно вывезен из доков Коррехидора. За свою долгую карьеру Макартур еще не знал поражений, и горькие воспоминания о Лусоне терзали его вот уже более двух лет. Высадившись на Лейте, он частич-

но оплатил свой долг, окончательная же расплата должна была произойти на Лусоне

По приказам из Токио Ямасита продолжал отправлять войска в водоворот Лейте, играя на руку американцам. Это раздражало его. Остров превратился в лавку мясника, где американцы раскинули ловушку, ожидая прибытия очередной партии вражеских войск, чтобы уничтожить их. Огромные резервы, которые Ямасита припасал для решающей битвы на Лусоне, были потеряны.

9 января 6-я армия США вошла в пролив Лингаен и высадилась на Лусоне. Началась решающая битва за Филиппины. После высадки основной массы американцев исход битвы был предрешен. Окончательное поражение японцев было лишь вопросом времени. Ямасита отступал, останавливался, пускался в атаки, уклонялся и затаивался. И все же американцы загнали его в горы. Манила оказалась беззащитной. Ямасита не желал вступать в бой за столицу, хотя и не объявил ее открытым городом. Он разумно вывел своих людей, предпочитая отступить.

Макартур предполагал, что Манила останется нетронутой. Слишком большие усилия нужно было затратить, чтобы организовать оборону в пределах города. К тому же миллион филиппинцев будет лежать тяжким грузом на японских службах обеспечения. Они и так испытывали проблемы со снабжением армии, не говоря уже о гражданском населении Филиппин. Макартур думал, что в городе будет оставлено небольшое подразделение для разрушения военных объектов — таких как порт. После этого они отступят к югу и востоку, заняв очередную линию обороны.

Оценки ситуации Макартура и Ямаситы полностью совпали. Японский генерал отдал приказ уничтожить все укрепления и запасы, организовав новую линию обороны за пределами города. Когда войска Макартура подошли к городу, казалось, что японцы действительно отвели войска. Было распространено коммюнике, объяв-

ляющее о захвате столицы, и назначено триумфальное шествие с парадом. 1-й кавалерийской дивизии выпала честь возглавлять процессию в Манилу. Были выглажены формы и заготовлены речи.

Самолеты-разведчики обнаружили огромный пожар в центре города. Столица полыхала. Японцы остались, чтобы продолжить борьбу.

Американцы были потрясены. Никто не хотел превращать прекрасный город в поле битвы. Многие из окружения Макартура провели долгие годы на Дальнем Востоке, и Манила была для них родным городом. Для одних это было романтическим увлечением, для других — незабываемым приключением, оазисом в их прошлой жизни. 6-я армия с тяжелым сердцем вступила в борьбу.

Ямасита, находящийся в горах, предполагал, что его подчиненные покинули столицу. Отрезанный от оставшейся части японской армии, он не мог знать о высадке японской морской пехоты, которая закрепилась в городе, возведя на улицах баррикады. Как всегда в японских военных кругах, армия и флот так и не смогли прийти к согласию. Адмирал Окочи принял решение о защите Манилы и направил контр-адмирала Ивабучи в город, чтобы задержать продвижение американцев как можно дольше. Ивабучи и его гвардия почти совершили чудо.

Почти на месяц с конца февраля Манила превратилась в настоящую бойню. Японские пехотинцы ожесточенно сопротивлялись захвату города, одновременно возмещая зло на мирном населении. Через некоторое время Ямасита узнал о развернувшихся в городе зверствах и приказал войскам отступить*. Он также отправил в поддержку Ивабучи группу прикрытия. Однако

* Как пишут авторы многотомной «Истории войны на Тихом океане» (М., 1957—1958), резня, устроенная японскими моряками в Маниле, «по своей жестокости могла сравниться только с массовой резней, устроенной японской армией в Нанкине в 1937 году. В Маниле было убито несколько десятков тысяч мирных жителей: тысячи людей были расстреляны из пулеметов, а некоторых в целях экономии боеприпасов сожгли заживо, облив бензином!» (прим. ред.).

она не смогла выйти на связь, хотя на тот момент ситуацию все равно уже невозможно было исправить

Тем временем Ямасита пытался соединить воедино свои разрозненные войска. Они все еще представляли серьезную силу и в течение шести месяцев сопротивлялись трем американским дивизионам. Ямасита блестяще справился со своей задачей, связав огромные силы врага, оттягивая неизбежный захват своей родины*.

* * *

13 августа коротковолновая радиостанция в Токио передала обращение Армии к своим солдатам с призывом сокрушить врага. Услышав его, Ямасита содрогнулся: у него на глазах от голода умирали люди.

Когда радио принесло решение императора о капитуляции, уставший генерал вернулся в свою землянку, лег и уставился в потолок. Его начальник штаба Акира Муто внимательно наблюдал за ним, чтобы тот не совершил самоубийства. Ямасита рассеял его опасения, сказав, что он должен вернуть солдат с Филиппин на родину. После этого он лег спать.

2 сентября в теплых лучах яркого солнца колонна людей отправилась от последней штаб-квартиры японской армии на Филиппинах. Ямасита собирался встретиться с противником. У него не было иллюзий относительно своего будущего. Его страна проиграла войну, и победитель будет вершить правосудие. За ним со слезами на глазах шел Муто. Он предчувствовал, что

* Действительно, американцы натолкнулись на Филиппинах на ожесточенное сопротивление японцев. Доктор исторических наук И. В. Можайко (он же — известный писатель-фантаст Кир Булычев) в своей книге «Западный ветер — ясная погода, (М., 1984)», посвященной описанию военных действий в Юго-Восточной Азии, проводит такую параллель.

В 1942 году усеянный дотами и другими оборонительными сооружениями остров Коррехидор смог удержаться против небольшого японского десанта лишь 12 часов, после чего поспешил капитулировать. В 1945 году 5 тысяч японцев 11 дней сопротивлялись целой американской армии сотням самолетов и тяжелых морских орудий. Из всего гарнизона японцев в живых осталось лишь 20 человек (*прим. ред.*).

американцы привлекают Ямаситу к суду за события в Маниле. Муто настаивал, чтобы генерал не ходил в лагерь врага, а вместо этого удалился бы в горы, организовав там партизанский отряд.

Процессия шла по склонам горы среди буйной растительности тропического лета. Высокий плотный мужчина, Ямасита был одет в брюки для верховой езды, пиджак и обмотки. Его одежда была измята, а на голове сидела простая гарнизонная фуражка. Он шел, опираясь на палку, под глазами были мешки. Колонна часто останавливалась для еды и отдыха. В тишине леса их сопровождало только пение птиц. Иногда казалось, что никакой войны вовсе нет.

В городе Кианган, всего лишь в нескольких километрах от его последнего командного пункта, Ямасита сдался в плен 32-й пехотной дивизии США. Через несколько часов японцы были переведены в Багурио.

Там 3 сентября в доме бывшего Верховного комиссара на Филиппинах был поставлен длинный стол для торжественной церемонии. В изысканно украшенной комнате на резных стульях сидели американские офицеры. Напротив них стояли Ямасита, Муто и адмирал Окочи. Открылась дверь, и японцы увидели, как небольшая группа людей зашла в комнату. Ямасита заметно вздрогнул, узнав в одном из них своего давнего знакомого. Это был генерал Персиваль, только что прибывший из Токио, чтобы засвидетельствовать подписание документа. Вместе с ним был Джонатан Вайнрайт. Англичанин и американец стояли рядом, наблюдая, как генерал Уильям Стаёр официально принимает капитуляцию Ямаситы.

После этого американский генерал мягко сказал: «Генерал Ямасита, вице-адмирал Окочи и другие объявляются военнопленными».

Дюжий американский солдат ткнул в плечо Ямаситу и указал на дверь. Вайнрайт заметил слезы на щеках генерала. После церемонии он подошел к Стаёру и попросил, чтобы Ямаситу содержали согласно его ста-

тусу. Тот посмотрел на него и ответил: «Он получит все, что ему положено по Женевской конвенции. Мы не хотим быть обвиненными в том, что он сделал с вами». Вайнрайт поблагодарил его и вышел.

В тот день Ямаситу отвезли в тюрьму Нью-Билибид в пригороде Манилы. Через несколько дней он предстанет перед судом по обвинению в ста двадцати трех военных преступлениях и будет приговорен к пожизненному заключению. Предсказание генерала Муто сбылось. Ямасита проиграл. Он был первым, кто предстал перед своими обвинителями. Некоторые американцы позже описывали судей как холодных, ищущих отмщения линчевателей.

* * *

8 сентября 1-я кавалерийская дивизия вошла в Токио. Генерал Ген Сугияма предусмотрительно отвел японские войска к северу от столицы в соответствии с приказом Эйчельбергера. Макартур ехал в американское посольство, чтобы поднять флаг в сердце Японской империи. Его сопровождал адмирал Бул Холси. Конечно, он был не на императорском белом коне, но все же сидел около Верховного главнокомандующего.

Во главе своей дивизии ехал генерал Уильям Чейз. Три долгих года его солдаты боролись с японцами в джунглях Филиппин и в выжженной Маниле. Около указателя «Токио» Чейз приказал остановить машину. Он вышел, неспешно пересек границу столицы и вернулся в свой джип.

Солдаты были в безупречно выглаженных формах, начищенных ботинках и сверкающих шлемах. Длинная череда грузовиков, орудий и людей, направляющаяся в центр Токио — последний бастион Страны восходящего солнца, вытянулась на многие мили. Сам императорский дворец был окружен целыми легионами иностранных солдат.

На лужайке внутреннего двора белокаменного посольства США стояли Макартур, Эйчельбергер и Хол-

си. Перед ними раскинулся пруд с лилиями. Они слушали государственный гимн США. Макартур повернулся к Эйчельбергеру и сказал: «Поднимите наш флаг. Пусть он послужит символом надежды и предвестником окончательной победы добра».

Над Токио взмыл государственный флаг США

Глава 22

ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

Токио был оккупирован. Всего лишь через тридцать дней после атомной бомбардировки Нагасаки военные 1-й кавалерийской дивизии патрулировали улицы столицы. Безумие, начавшееся в Маньчжурии и продолжившееся на Пёрл-Харборе, пришло к неизбежной развязке. Выжившим японцам ситуация казалась отчаянной. У солдат Императорской армии не было работы, и они были вынуждены подчиняться оккупационным властям. У моряков не осталось флота и никакой надежды. Тысячи жителей Японии помышляли о самоубийстве. Генерал Анами отдал свою жизнь во имя искупления грехов, совершенных военными. Адмирал Ониси и генерал Танака умерли, чтобы загладить свою вину за поражение.

В пригороде Сетагая самый известный в стране военачальник стоял перед тяжелым выбором. Хидэки Тодзио, архитектор войны на Тихом океане, вот уже больше года жил в относительной изоляции. Смещенный со своего поста в июле 1944 года, он работал советником Трона. Более молодые заняли его место, а он только мог наблюдать, как его страна неминуемо движется к поражению. Когда настал день капитуляции, шестидесятитрехлетний экс-премьер понял, что будет призван к ответу за свои действия.

Большинство японцев считали, что он покончит с собой. Как основной вдохновитель войны он должен

был расплатиться за сегодняшнее состояние дел в своей стране. По мере того как ухудшалось положение Японии, его репутация в обществе также падала. Даже члены семьи получали телефонные сообщения с советами совершить харакири. Тодзио был на перепутье между самоубийством и выполнением последнего долга. Он хотел принять на себя всю вину за развязывание войны и снять какое-либо бремя ответственности с императорского дома. Если он будет жить, то сможет засвидетельствовать свою исключительную роль в планировании войны. Если же он умрет, это будет самым легким выходом. Он пошел на компромисс.

Незадолго до капитуляции он отправился к своему врачу и попросил отметить на грудной клетке точное место расположения сердца на случай, если он решит застрелиться. В качестве альтернативы он подготовил кимоно и ножи для возможной церемонии харакири. Все эти приспособления он оставил в своем кабинете вместе с несколькими письмами, в одном из которых он полностью оправдывал императора.

Когда его жена попросила не совершать опрометчивых поступков, он обещал, что будет готов свидетельствовать перед американскими властями. День шел за днем, однако посланец от Макартура так и не появился. Распространился слух, что японским лидерам выделили время, чтобы покончить с собой и избавить союзников от возможных хлопот.

10 сентября репортеры посетили Хидэки в его саду. Они говорили о войне и планах на будущее. Сначала Тодзио был немногословен, но затем стал более расположен к беседе. Он посетовал на то, что бомбардировки американцев нанесли ущерб его имуществу, особенно соснам, и заявил, что он один должен принять всю вину за развязывание войны. Однако он не считал себя военным преступником, объясняя это следующим образом: «Существуют определенные различия между разрешением руководства страны вступить в войну и совершением военного преступления». Когда коррес-

понденты покидали его, Тодзио был в приподнятом настроении и с интересом рассматривал их джип. До этого он ни разу не видел американский вездеход. Они тепло попрощались.

Время Тодзио истекло на следующий день. Штаб 8-й армии в Иокогаме получил приказ арестовать людей, которые должны предстать перед судом по обвинению в военных преступлениях. Имя экс-премьера фигурировало в списке. Целая толпа корреспондентов кинулась в Сетагаю, чтобы присутствовать при аресте. Первый из журналистов появился в 13.00.

Дом Тодзио был расположен в богатом предместье. Он стоял на холме, покрытом травой, к которому примыкало огромное поле. С задней части дома открывался роскошный вид на Фудзияму, находящуюся всего лишь в семидесяти пяти километрах к западу. Бомбежки нанесли урон этому району. Несколько месяцев назад многие постройки сгорели.

Тодзио сидел дома с женой под охраной агентов Кемпейтай, которые защищали его от возможных посягательств на его жизнь. Корреспонденты толпились на лужайке у дома, а генерал наблюдал за ними из окна своего кабинета, расположенного слева от центрального входа.

Все ожидали прибытия группы корпуса контрразведки из Иокогамы. Из-за жары корреспондентов мучила жажда, и они попросили слуг принести холодного пива или чего-нибудь покрепче. Тодзио все еще не было видно. Он позвал жену и попросил ее скрыться из дома. Несмотря на дурные предчувствия, мадам Тодзио выполнила его просьбу и покинула дом через черный ход, ведущий в соседние владения. Тодзио запер дверь кабинета и уселся в ожидании.

В 16.00 шесть человек под руководством майора Поля Крауса появились около дома. Краус постучал в дверь и потребовал встречи с Тодзио. Агент Кемпейтай передал сообщение генералу, который ответил, что он

будет говорить только с начальником. Услышав это, Краус и его люди замялись в нерешительности, не зная, что предпринять дальше.

Вместо них решительный шаг сделал Тодзио. Он открыл окно кабинета, высунулся из него и заявил: «Я генерал Тодзио». Кто-то из фоторепортеров сфотографировал его в окне, что окончательно взбесило Хидэки. Разъяренный Тодзио захлопнул окно. Краус тихо выругался. Через минуту японец опять открыл окно. Один из репортеров на лужайке заметил: «Это смахивает на балконную сцену из «Ромео и Джульетты»». Тодзио спросил, имеет ли Краус полномочия арестовать его. Американец попросил переводчика перевести тому, что он прибыл, чтобы сопровождать генерала в Иокогаму. Этого было достаточно для Тодзио, и он опять исчез из вида. Генерал достал револьвер, которым его зять Хидемаса Кога застрелился в последний день войны, встал на колени в кресле и приставил дуло к отметине на грудной клетке.

В 16.17 собравшиеся у дома услышали выстрел. Краус и его люди взломали входную дверь и дверь в кабинет. Хлынувшая в комнату толпа втолкнула в комнату мебель, придвинутую к двери. Тодзио все еще держал револьвер в правой руке. Он был направлен на Крауса, который сказал: «Брось его». Тодзио рухнул в кресло, и револьвер упал на пол, рубашка была распахнута, обнажая рану чуть ниже левого соска. Его глаза закрылись. В 16.29, находясь в сознании, он попросил воды. Помощник удовлетворил просьбу генерала.

Рана кровоточила. Воздух, вдыхаемый Тодзио, выходил через отверстие в его грудной клетке. Пока корреспонденты кричали и толкали друг друга, огромная струя крови вырвалась из раны. Это не произвело впечатления на неистовых журналистов, которые за время войны не раз бывали на передовой. Они начали остеречь по этому поводу, как будто бы он уже умер. «Посмотри на этого желтого ублюдка. У него не хвати-

ло духу использовать нож». «Тодзио заработал себе пурпурное сердце»*.

Охотники за сувенирами приступили к своей работе. Кто-то отрезал кусочек от его подтяжек, кто-то выуживал носовые платки из лужи крови, бережно сохраняя их на память. Один из репортеров взял портсигар, в котором лежали сигареты японского производства марки «Надежда». Тодзио не двигался. Он был в сознании, но говорить не мог. В нарастающем хаосе он всего лишь пару раз простонал. Его лицо начало сереть.

Мадам Тодзио видела эту сцену с лужайки соседа. Одетая в костюм садовника и шляпу от солнца, она внимательно наблюдала за происходящим. Когда раздался выстрел, женщина встала на колени и помолилась, чтобы он не мучился перед смертью. Потом она упала в траву и проплакала около получаса, после чего вышла на улицу и пошла прочь от кошмара, развернувшегося в ее собственном доме.

Приблизительно в это же время майор контрразведки Краус пустился на поиски врача-американца. Пока его не было на месте трагедии, в комнате появился врач-японец, который переместил раненого из кресла на диван, стоящий в этой же комнате. Доктор осмотрел генерала и накрыл его лоскутным одеялом. В этот момент был обнаружен еще один «сувенир». Репортер Гарри Брандидж выудил из спинки кресла, в котором лежал Тодзио, пулю, прошедшую сквозь его тело навывлет, и положил ее в карман.

Доктор пришел к выводу, что генералу уже не помочь и просто наложил две повязки: на грудь и спину. Между тем контрразведчики настаивали на том, чтобы врач сделал все возможное. Медик изо всех сил пытался спасти раненого, а репортеры уже сочиняли

* «Пурпурное сердце» — название одной из боевых наград США (прим. ред.).

красочную историю происшедшего. В доме был установлен телефон, по которому один из них сообщал информацию, поставляемую его коллегами.

Все, что происходило в комнате, становилось объектом пристального внимания. Летаящая в комнате муха села на потный лоб Тодзио. Она прошла вверх и вниз по лбу через морщины. В комнате все затаили дыхание. Вот она поднялась и, описав круг по комнате, вернулась на то же место. Муха стала известна на весь мир.

Секретарь Тодзио был озабочен состоянием своего шефа. Рассекая толпу, набившуюся в комнату, он бросился к генералу и взял его голову в руки.

В 18.24 американский военный врач появился в комнате. Доктор Джеймс Джонсон коротко переговорил со своим японским коллегой и приступил к работе. Тодзио общался с ним через переводчика. Он просил оставить его в покое и дать умереть. Джонсон отказался.

Сигаретный дым висел сизыми облаками над головой раненого. Присутствующие наблюдали тяжело вздымающуюся грудь японца, делая ставки на то, вздохнет ли он еще раз. Пока вся толпа толклась и кричала в комнате, фоторепортер журнала «Янг» наблюдал за происходящим через окно. Он проворно просунул правую руку в комнату и схватил что-то со стола. Это оказался блестящий меч Тодзио. Фотограф быстро засунул его в штанину и заспешил вниз по дороге. Один из контрразведчиков позволил ему отойти на некоторое расстояние, а потом спросил, что за сувенир торчит из-под его штанины. Смущенный воришка вытянул меч из брюк и отдал его.

Прибывали все новые репортеры, внося еще больший хаос в эту неразбериху. Были принесены стремянки и установлены осветители, чтобы обеспечить отличное освещение и оптимальный угол съемки. Раздавались просьбы подвинуть тело, потому что кому-то его не было видно. Для большей фотогеничности было пред-

ложено немного повернуть ему голову. После этого стали перемещать ноги. Для фоторепортеров его тело было, как тряпичная кукла.

Корреспонденты выстраивались в очередь, чтобы быть сфотографированными за измерением пульса Тодзио. Общая сумятица усиливалась. Один из операторов, услышав, что раненый в кресле и есть тот самый враг рода человеческого Тодзио, попытался его прикончить. Корреспонденты еле оттащили его.

Доктор Джонсон трудился не покладая рук. Он дал генералу морфий, зашил раны на груди и спине и наложил повязку. Состояние Тодзио заметно улучшилось, и Джонсон решил перевезти его в более подходящее с медицинской точки зрения условия. Он приказал переправить его в ближайшую больницу. Но сначала врач в течение пятнадцати минут вынужден был беседовать с корреспондентом, который добивался от него, выживет ли этот старый ублюдок. После этого журналисты кинулись описывать самый интересный эпизод оккупации. В последний раз Тодзио покинул свой дом на носилках.

Командир 8-й армии, генерал Эйчельбергер, пришел навестить больного в тот же день поздно вечером. Слегка приподняв голову, Тодзио прошептал:

— Я умираю, мне очень жаль, что я доставил вам так много неприятностей.

— Вы имеете в виду сегодняшний вечер или последние годы? — поинтересовался Эйчельбергер.

— Сегодняшний вечер, — еле слышно произнес Тодзио.

После этого он попросил Эйчельбергера взять его меч. На тот момент он уже был у американца. Эйчельбергер приказал, чтобы Тодзио обеспечили самый лучший уход в больнице. На нем лежала ответственность за сохранение здоровья японского лидера до суда над военными преступниками.

Поступил запрос на кровь третьей группы. Тодзио отчаянно нуждался в ней, так как потерял половину

собственной. Донором стал сержант Джон Арчинал. Арчинала порадовала эта возможность. «Я хочу, чтобы он выжил. Его надо судить. Он не должен покинуть этот свет безнаказанно».

Хидэки Тодзио лежал в военном госпитале США в Йокогаме, став посмешищем для своего народа. Когда были опубликованы отчеты об улучшении его состояния, японцы ощутили смешанное чувство жалости и позора.

* * *

В то время, когда Тодзио вопреки стараниям хирургов пытался умереть, трое людей в пригороде Токио ужинали. Одним из них был фельдмаршал Ген Сугияма, начальник штаба армии во время нападения на Пёрл-Харбор. Около него сидела жена. Они прожили вместе более тридцати лет. Третьим членом группы был полковник Синадзи Кобаяси, преданный секретарь фельдмаршала, бывший практически членом его семьи. Они обсуждали события последних дней.

Для Сугиямы и его жены это был последний совместный ужин. На завтрашний день он планировал самоубийство, и она гордилась им. Несмотря на свою глубокую любовь, она чувствовала, что он должен сделать это, чтобы оправдаться перед нацией за поражение Японии. Она действительно полагала, что это единственная возможность доказать народу свою честность и порядочность. Они потягивали сакэ и вспоминали годы, проведенные вместе. Полковник Кобаяси был в ужасе от мысли, что его начальника не станет уже через несколько часов. Как доверенное лицо фельдмаршала он знал о терзавших Сугияму в последние недели сомнениях. Он также знал о жесткой позиции его жены, которая больше всего боялась замарать честь семьи. Полковник удрученно слушал, как они обсуждают проблему самоубийства. Супруги стали задумываться над этим еще в день выступления императора.

Мадам Сугияма навещала своих родственников в

южном пригороде Токио, когда услышала о капитуляции. Она немедленно вернулась в столицу, чтобы быть рядом с мужем. Она ожидала, что фельдмаршал покончит с собой, и хотела находиться около него в последние часы его жизни. Сугияма сообщил ей, что император поручил ему ускорить демобилизацию войск в Токио и его пригородах. После смерти генерала Анами император попросил генералитет японской армии отвлечься от грустных мыслей и посвятить себя в этот сложный период служению нации.

Мадам Сугияма была потрясена. Она размышляла два дня. Вечером 17 августа обычно кроткая женщина, которая всегда светила теплом, превратилась в настоящую фурию. Когда фельдмаршал вернулся домой, она пребывала в истерике.

— Когда же ты покончишь с собой? — спросила она дрожащим голосом.

Сугияма пристально посмотрел на нее. Черты ее лица были искажены яростью, зрачки расширились от возбуждения. Фельдмаршал был ошеломлен.

— Сейчас у меня есть определенные обязательства перед императором, и я должен служить ему.

— Сейчас гораздо важнее искупить вину за поражение! — закричала она.

Оба с жаром стали обсуждать вопрос о его смерти. Атмосфера в доме накалилась. С того дня они каждую ночь возвращались к этой теме, после того как слуги ложились спать. Вот уже несколько дней женщина требовала ответа, от которого уходил фельдмаршал. Она перестала улыбаться и уже не напоминала круглого, теплого Будду, постоянно пребывая в протрации.

На седьмой день она обратилась к нему в спальне:

— Когда ты сделаешь себе харакири? Я покончу с собой, если ты не сделаешь этого.

Сугияма был потрясен. Жена шантажировала его перспективой своей собственной смерти. Посмотрев на нее, он мягко проговорил:

— Хорошо, я сделаю это. если выбросишь из головы бредовые идеи о смерти

Миссис Сугияма впервые за последние дни улыбнулась ему, отвесив низкий поклон. Они мирно отправились спать.

На следующий день Сугияма стал свидетелем смерти генерала Сейниси Танаки. Так его собственное решение уйти из жизни было подкреплено самоубийством друга. Твердо приняв решение, он приступил к выполнению своей последней военной задачи: разоружению и выводу частей 1-й армии из района Токио.

Одна мысль не давала ему покоя. Несколько дней назад он застал свою жену за изготовлением двух ритуальных кимоно для церемонии харакири. Все еще помня ее последнюю угрозу, он полагал тем не менее, что она не может совершить то же самое. И все же эта мысль мучила его. Он гнал ее как назойливую муху, а перед его глазами все равно возникали два кимоно.

5 сентября Сугияма отправился на очень важную встречу. После высадки американцев на Ацуги и Иоко-сукэ, он был вызван в штаб-квартиру 8-й армии США к генерал-лейтенанту Роберту Эйчельбергеру, где он должен был подписать документ о капитуляции своей армии.

Сначала он отказывался. Причем не из-за факта передачи власти американцам, а потому что Эйчельбергер был ниже его по званию. Фельдмаршал считал это за оскорбление, и только уговоры его секретаря Кобаяси, который настаивал на том, что это не подстроенное заранее унижение, предотвратили назревающий скандал. Как бы то ни было, а Эйчельбергер был полномочным представителем американцев в районе Токио. Даже по пути в Иокогаму Сугияма все еще ворчал по этому поводу.

Эйчельбергер был учтивым, вежливым человеком — джентльменом в военном деле. Понимая чувства Сугиямы, он отнесся к нему уважительно. Японец был

благодарен ему за теплый прием. Великодушие Эйчельбергера обеспечило лояльность фельдмаршала в ближайшие дни. Когда они обсудили все мероприятия, необходимые для вывода японской армии из района Токио, генерал сказал: «Я сожалею, что мы встретились при подобных обстоятельствах». Японец благодарно кивнул и вышел.

Следующие шесть дней были посвящены работе. Он был занят с утра до вечера, выполняя деликатную миссию нейтрализации японских войск. Его домашняя жизнь вошла в нормальное русло. Жена опять превратилась в радушную хозяйку, и они больше не обсуждали тему самоубийства.

К 11 сентября было выведено последнее японское подразделение к северу от реки Тон. Отвод войск прошел без инцидентов. Сугияма помог выполнить самый важный пункт плана оккупации. Его работа была завершена.

В тот вечер он пригласил на ужин Кобаяси. Все обсуждали неудачное самоубийство Тодзио и список военных преступников, составленный штаб-квартирой Макартура. Сугияма гадал, включили ли его туда.

Его карьера отражала увеличивающееся влияние военных в правительстве страны. Как член консервативного крыла генералитета он отстаивал политику, которая привела Японию к войне. Сугияма был сторонником «усмирения» Китая. Распространился слух, что император перестал доверять ему после того, как фельдмаршал заверил его, что ситуация в Китае будет стабилизирована в ближайшее время.

Хотя Сугияма и не был фанатичным сторонником расширения японской гегемонии в Тихом океане, он знал, что союзникам есть за что обвинить его. В апреле 1942 года японские военные были шокированы отчаянным налетом на Токио пилотов Дулитла. Восемь летчиков были захвачены в плен после аварийной посадки в Китае. Сугияма одобрил приговор, предусматривающий казнь троих. Возможно, сейчас, три года спустя,

американцы припомнят ему это. Однако Сугияма не собирався дожидаться повестки в суд.

На следующее утро 12 сентября 1945 года фельдмаршал Сугияма появился в своем кабинете на Исигае. В 10 часов утра он вызвал Кобаяси к себе.

— Я хочу, чтобы вы оказали мне последнюю услугу. Пожалуйста, сходите к моей жене и узнайте, что она собирается делать. Меня очень беспокоит ее состояние. Я хочу быть уверен в том, что она не покончит с собой.

Кобаяси пообещал немедленно отправиться к нему домой. Там он изложил опасения фельдмаршала его жене. Она радостно засмеялась и проговорила:

— Не беспокойтесь. Я ведь стара и слишком слаба для этого. Я не могу покончить с собой. Я знаю, что генерал совершит самоубийство, и мне достаточно этого.

Полковник поспешил к фельдмаршалу, где повторил ему слова жены. Сугияма поблагодарил его и отпустил. Кобаяси сидел в своем кабинете, размышляя о судьбах двух очень близких ему людей. Пятнадцать минут спустя он услышал пистолетный выстрел, и быстро пробежав по коридору, ворвался в кабинет фельдмаршала.

Сняв китель, Сугияма сел в мягкое кресло, приставил дуло пистолета к груди и выстрелил. В отличие от Хидэки Тодзио, он не промахнулся. Вне себя от горя, Кобаяси стоял около умирающего. Фельдмаршал тяжело дышал, и полковник вытер ему лоб носовым платком, приговаривая: «Это Кобаяси. Это Кобаяси». Сугияма приподнял голову, пытаясь разглядеть своего помощника. После этого фельдмаршал провалился в кому. В комнате появились другие офицеры, застав последние секунды жизни Сугиямы.

Один из них сказал Кобаяси, что он только что позвонил мадам Сугияме, сообщив ей печальную новость. Она задала только один вопрос: «Он уже мертв?» Когда офицер ответил положительно, она повесила трубку.

Узнав о звонке, Кобаяси заподозрил неладное и

отправился в дом Сугиямы. Прибыв в пригород Токио, он вошел в дом фельдмаршала и увидел приемную дочь фельдмаршала, стоящую в холле. На ее лице был ужас. Открыв дверь спальни, он понял, что опоздал.

Мадам Сугияма положила трубку и прошла в свою комнату. Там она встала на колени перед Буддой и помолилась. Взяв в руки небольшой ритуальный нож, она прижала его спереди к кимоно, после чего выпила содержимое стоящей перед ней чашки. Сразу после этого она рухнула на нож, который немного порезал грудь, оставив кровавые пятна на кимоно. Кинжал не нанес ей смертельной раны. Ее убил цианид.

Кобаяси шептал ее имя, которое она уже никогда не услышит. Мадам Сугияма была мертва.

ЭПИЛОГ

По улицам Мукдена, где в 1931 году японская армия впервые организовала путч и свергла правительство, маршировали армии совсем другого государства. Советские и китайские коммунисты держали город под своим контролем. Торговцы вывесили флаги СССР и портреты Мао Цзедунa в витринах своих магазинов. Китайские крестьяне занимались мародерством на фабриках, выстроенных японскими промышленниками. На подъездных путях стояли советские составы, загружающиеся станками и оборудованием для транспортировки в СССР.

Американские агенты ЦСЗ запечатлели постепенное разграбление Маньчжурии. Они отправили фотографии в штаб, по приказу которого должны были оставаться на территории Маньчжурии до тех пор, пока советские власти не депортируют их. Это случится уже через несколько дней.

* * *

На Японских островах армия противника контролировала все крупные города. Оккупация в основном проходила без инцидентов. Несмотря на отдельные факты изнасилований, грабежей и убийств, обе стороны были поражены, как быстро бывшие враги могли притереться друг к другу. Сначала в городах и селах при виде оккупационных войск в жителей вселялся страх. Но он был недолгим. Американцы были настроены дружелюбно и деловито.

Трое мужчин шли по изувеченным улицам Нагасаки. Это были Чак Суини, Кермит Бихан и Дон Албури — члены экипажа «Машины Бока». Немногим более месяца назад они уже посещали этот город, хотя и на высоте восьми с половиной километров. Из их самолета появился огромный «Толстяк», превративший здания в развалины, а людей — в ходячие трупы. Летчики вернулись сюда с первой американской медицинской группой. Накануне ночью они остановились за городом, в местечке под названием Моги. После ужина и приятной беседы они разошлись спать. В первый раз пилот Чак Суини снял свою кобуру с пистолетом и повесил у изголовья. Он ощущал беспокойство — японцы могли раскрыть инкогнито трех американцев, остановившихся в пригороде Нагасаки.

На следующее утро они совершили прогулку по городу. Прошло чуть более месяца с момента атомной бомбардировки, а некоторые тела все еще лежали на улицах. По обе стороны дороги виднелись многочисленные черепки. В нишах, которые использовали в качестве бомбоубежищ, скопились целые кучи скелетов. Отвратительная вонь затрудняла дыхание.

На обочине дороги лежали пожарные машины, сплюснутые, как раздавленные жучки. Здание медицинского центра на горе все еще стояло, но было полностью выжжено изнутри. Его покинули доктора и сиделки, оставляя без внимания крики пациентов о помощи.

Трое незнакомцев прошли по черным палатам, увидев на кроватях скелеты вместо пациентов. Они пролежали здесь больше месяца, и безглазые черепки паялились в потолок, где еще несколько недель назад горел свет.

На столе одной из операционных лежал пациент, которого оперировали в момент взрыва бомбы. Теперь казалось, что лежащий на столе скелет ожидает восстановления. В комнате были разбросаны останки докторов и ассистентов, замерших в позах, в которых они

встретили свою смерть. Эта комната представляла из себя застывшую во времени картину ужасной вспышки, коснувшейся каждого в Нагасаки.

На улицах царило полное опустошение. Проходя по ним, летчики встречали тех, кто выжил. Эти люди вели себя совсем иначе, чем жители Токио и других городов. Им уже нельзя было помочь после соприкосновения с неземной энергией. Они были безразличны к прохожим и друг к другу. Они умирали от ужасной болезни, поселившейся у них в крови. Они жили под навесами, защищающими их от ночного холода и дневной жары и создающими видимость отдельного проживания. Они не заметили трех мужчин, идущих по долине Ураками в сентябре 1945 года.

А трое американцев думали, что это, пожалуй, к лучшему...

ПРИМЕЧАНИЯ

Целый ряд книг и документов оказались очень полезными в работе с каждой главой книги. Чтобы избежать утомительных повторений, ссылки на эту литературу приводятся отдельным списком.

Дипломатия

Robert J. C. Butow, *Japan's Decision to Surrender*.

Herbert Feis, *Between War and Peace: The Potsdam Conference*.

Herbert Feis, *Japan Subdued: The Atomic Bomb and the End of the War in the Pacific*.

Len Giovanitti Fred Freed, *The Decision to Drop the Bomb*.

«Сусен Сироку» — издание Министерства иностранных дел Японии.

Shigenori Togo, *The Cause of Japan*.

Koichi Kido, *Nikki*.

Военные источники

Samuel Eliot Morison, *History of Naval Operations in World War II* (тома XIII и XIV оказались особенно полезны).

Walter Karig, *Battle Report* (том V).

Masanori Ito, *Gumbatsu Koboshi* (в трех томах).

Masanori Ito, *Teikoku Kaigun No Saigo.*

Wesley Craven James Gate, *The Army Air Forces in World War II: Vol. V, The Pacific: Matterhorn to Nagasaki.*

Taku-shiro Hattori, *Daitoa Senso Zenshi* (в четырех томах).

Saburo Hayashi, *Kogun.*

Документы, отчеты

U.S.Strategic Bombing Survey: Interrogations (в двух томах).

Japanese Research Division, U.S. Army Far East, Military History Section: Interrogation of Japanese Officials (в двух томах).

Statements of Japanese Officials on World War II (в четырех томах).

Translation of Japanese Documents (в семи томах)

International Military Tribunal for the Far East: selected interrogations and statements of witnesses and defendants.

Глава I. Тактика отчаяния

Об адмирале Ониси и основании корпусов камикадзе:

Из интервью с морскими офицерами Зенсиро Хосиной, Рикихеи Иногучи (Такума), Тосикадзу Охмае и Ацуси Ои.

Из бортовых журналов кораблей военно-морского флота США «Св. Ло», «Киткун Бэй» и «Санми».

Inoguchi Nakajima, *Divine Wind.*

Yoshio Kodama, *I Was Defeated.*

Об Окинаве:

Из интервью с Наомиши Дзин, вдовой генерала Усидзима, Рикихеи Иногучи, Окикацу Арао.

Из допросов офицеров японской армии Дзин, Иахара, Симата (32-я армия) и Сецудзо Нисюра.

Военные отчеты 1-го и 6-го дивизионов военно-морского флота США, 7-го, 77-го и 96-го армейских дивизионов, 10-й армии и 24-го корпуса.

Из бортовых журналов кораблей военно-морского флота США «Буш» и «Колхаун».

Книги: *Okinawa: The Last Battle*; японские труды *P. W. Doctor, Senkan Yamato No Saigo* и *Okinawa Senshi*, отражающие упадок военной мощи и моральный разлад.

Монографии Японской армии (номера 53 и 83 о кампании на Окинаве).

О формировании Кабинета Судзуки:

Из интервью с Хисацунэ Сакомидзу.

Заявления Коисо, Судзуки, Хиранума, Кидо, Сакомидзу, Того, Саондзи.

Глава 2. Операция «Митингхаус»

О налете:

Из интервью с 35 токийцами, свидетелями бомбардировки 9-го марта и более поздних.

Воспоминания Куртиса Лемея (см. библиографию).

Из отчетов и докладов Штаба 20-го воздушного дивизиона США, Гуам, 73-е, 313-е и 314-е подразделения.

Martin Caidin, *A Torch to the Enemy*.

Gene Gurney, *Journey of the Giants*.

Masuo Kato, *The Lost War*.

Субботняя «Ивнинг пост» от 12-го января 1946 года.

Глава 3. Дипломатия поражения

О событиях в Швейцарии:

Из интервью с Иосиро Фудзимурой, Аленом Даллесом и Зенсиро Хосиной.

Заявления Фудзимур, Хосины, Садатоси Томиоки и Соему Тоёды.

О радиопередачах США:

Из бесед с Сидни Машбиром.

Микрофильмы передач Машбира на Японию.

Ellis Zacharias, *Secret Missions*.

Sidney Mashbir, *I Was an American Spy*.

Ladislav Farago, *Burn After Reading*.

Записи Федеральной комиссии по связи о вещании на Японию в 1945 году.

Об отношениях Токио—Москва:

Из интервью с Хисацуне Сакомидзу.

Заявления Того, Сато, Хироты, Кидо, Судзуки и др.

Копии телеграмм Того и Сато.

О Японских и американских военных планах («Кен-цу Го» против «Даунфолла»):

Из интервью с Сейдзо Арисью и Чарльзом Виллоуби.

Заявления Арисью, Охмае, Аmano, Набы, Фувы и др.

Из плана операции Даунфолл, опубликованного в мае 1945 года.

Глава 4. Проект

О Манхэттенском проекте:

Из интервью с Лесли Гровзом и членами 509-го экипажа.

Grove, *Now It Can Be Told*.

William Laurence, *Dawn Over Zero*.

Arthur H. Compton, *Atomic Quest*.

Hewlett and Anderson, *The New World, 1939—1946*.

Lament, *Day of Trinity*.

Knebel and Bailey, *No High Ground*.

О Потсдаме:

Из интервью с Аленом Даллесом.

Из дневника Генри Стимсона в Йельском университете (неопубликован).

Из воспоминаний Трумэна, Черчилля, Идена, Баймса, Форрестола, Ли, Кинга, Стимсона и лорда Аланбрука.

Публикация Министерства обороны США: *The Entry of the Soviet Union into the War against Japan, Military Plans, 1941—1945.*

Документы Госдепартамента США: *Potsdam Papers* (в двух томах.).

John Ehrman, *Grand Strategy: October 1944—August 1945.*

О реакции Токио на Декларацию:

Из интервью с Сакомидзу и Такеситой.

Заявления Судзуки, Кидо, Тоёды, Сакомидзу, Иосидзуми.

Глава 5. Малыш

О событиях на Тиниане и Хиросиме:

Из интервью и переписки с Лесли Гровзом, Полом Тиббетсом, Чарльзом Суини, Фредериком Ашвортом, Кермитом Биханом, Доном Албури, Реймондом Гэллахером и другими.

The Atomic Bombings of Hiroshima and Nagasaki, The Manhattan Engineering District. Washington, D.C., 1947.

Из документов Комиссии по атомной энергии в Джермантауне, штат Мэриленд, которые были любезно предоставлены мистером Дилом. Они в основном касаются конструкции «Малыша», переписки между Тинианом, Вашингтоном и Лос-Аламосом, наблюдений за взрывом. Мощность бомбы «Малыш», 13,5 килотонн, была вычислена относительно недавно, после многолетнего анализа. Мощность «Толстяка» была определена как 22 килотонны.

Knebel and Bailey, *No High Ground* — увлекательное изложение истории о сбросе бомбы на Хиросиму.

Про Макдилду:

Из интервью и переписки с Маркусом Макдилдой.

Из интервью с Хисацунэ Сакомидзу.

Из отчетов об операции 21-й военно-воздушной группы, Иводзима, август 1945 года.

Любопытные друзья в Японии, которые слышали историю от одного американского летчика, имя которого они не помнят.

Глава 6. Джинн

Про Нагасаки:

Из интервью и переписки с Лесли Гровзом, Полом Тиббетсом, Чарльзом Суини, Фредериком Ашвортом, Кермитом Биханом, Доном Албури, Яковом Безером, Реймондом Гэллахером, Джоном Кантлоном, Стэнли Стейнке, Майроном Фариной, Леонардом Годфри, Ральфом Карри, Уильямом Барни, Эдвардом Бакли, репортером Уильямом Лоренсом, учеными Робертом Сербером и Норманом Рамси и другими.

Из дневников и неопубликованных заметок Реймонда Гэллахера, Дона Албури и Джеймса Ван Пелта.

Spitzer and Miller, *We Dropped the A-Bomb*.

Laurence, *Dawn Over Zero*.

Knebel and Bailey, *No High Ground*.

О разрушениях:

Из бесед с Джоном Мэдисоном - одним из выживших после бомбардировки.

Из более 200 отчетов о состоянии здоровья пострадавших, собранных Комиссией по спасению жертв атомной бомбы.

Из документов Комиссии по атомной энергии о воздействии атомной бомбы (1951).

U.S. Strategic Bombing Survey publications.

Nagai, *We of Nagasaki*.

Trumbull, *Nine Who Survived Hiroshima and Nagasaki*.

Письмо профессору Сагану было восстановлено японскими военными и доставлено ему только после окончания войны.

Глава 7. Бомбоубежище

О встрече:

Из интервью с участниками встречи: Сакомидзу, Хошиной.

Заявления Судзуки, Того, Ионаи, Хиранумы, Тоёды, Икеды, Хошины, Иосидзуми, Сакомидзу, Кидо.

Из воспоминаний Того, Тоёды, Сакомидзу, Касе (см. библиографию).

Глава 8. Реакция Вашингтона

О Вашингтонской встрече:

Из воспоминаний участников встречи в Белом доме: Трумэна, Бернса, Форрестола, Стимсона, Ли.

О китайских событиях:

Из интервью с Альбертом Ведемайером и Джорджем Олмстедом.

Воспоминания генерала Стилвелла, генерала Ченнолта и генерала Ведемайера.

White and Jacoby, *Thunder Out of China*.

Глава 9. 11 августа — начало конспирации

О событиях в Токио:

Из интервью с японскими офицерами Арао, Хоши-

ной, Хаяши, Идой, Инабой, Иноуе, Кобаяси, Охмае, Ои, Такеситой и Макото Цукамото.

Заявления Таихеи Осима.

О предыдущих восстаниях:

Из документов Международного военного трибунала на Дальнем Востоке: показания Окады, Андо и других.

Sakomizu, Grew books (см. библиографию).

О деятельности ЦСЗ в Китае:

Из интервью с Густавом Краусом, Реймондом Пирсом, Джозефом Джексоном, Джеймсом Келлисом, Альбертом Ведемайером и Джорджем Олмстедом.

Из книги Elizabeth McDonald, *Undercover Girl*.

О зверствах в Фукуоке:

Из показаний свидетелей на процессах над военными преступниками в Иокогаме.

Глава 10. 12 августа — кризис

О событиях в Токио:

Из интервью с Сакомидзу, Кобаяси, Охмае, Ои, Такеситой, Инабой, Идой (Иватой), Фувой, Арао, Хаяши.

Заявления Тоёды, Хиранумы, Хаяши, Кидо, Такеситы, Того, Мацумото, Сакомидзу.

Глава 11. Надвигающаяся опасность

Об Анами:

Из интервью с самыми близкими друзьями генерала: его секретарем Хаяши и Такеситой, его зятем.

Из переписки с Хаяши.

Заявления Хаяши, Кидо, Такеситы.

Об Ионаи:

Из интервью с помощником Ионаи Зенсиро Хосиной и его заявлений.

О повстанцах:

Из интервью с Арао, Идой, Инабаой Такеситой и Хаяши и переписки с ним.

Глава 12. 14 августа - последнее слово

О встрече и ее последствиях:

Из интервью с Арао, Фувой, Хаяши, Идой, Инабой, Иногучи, Охмае, Ои, Сакомидзу, Такеситой, Цукамото.

Из заявлений Хаяши, Кавабэ, Кидо, Судзуки, Такеситы, Того, Тоёды.

Niwa, *Nihon Yaburetari*.

Shimomura, *Shusen Hishi* (Также использована в главе 13.).

Глава 13. Восстание

О восстании и смерти Анами:

Из интервью с Арао, Фувой, Хаяши, Идой, Инабой, Тадао Иноуе, Синадзи Кобаяси, Сакомидзу, Такеситой, Морио Татено, миссис Кацуко Тодзио и Макото Цукамото.

Из заявлений Арао, Фувы, Иды, Исиваты, Кидо, Такеситы, Токугавы, Киёси Цукамото.

Soichi Oya, *Nihon No Ichiban Nagaihi*.

Я посетил императорский дворец и рошу, в которой находился лагерь повстанцев. Дом, в котором был убит Мори, и здание императорского агенства, в котором прятался дрожащий от страха Кидо, все еще стоят.

Имя повстанца, убившего полковника Сираиши, все еще не известно из-за соглашения, заключенного Ина-

ба, Такеситой и Идой, которые опасаются за него в силу возможной мести со стороны родственников жертвы.

Глава I4. Мир на Земле

О Дне победы:

Из газет «Нью-Йорк таймс», «Сан-Франциско кроникл», «Вашингтон пост», «Пасифик Старз энд Страйпс», «Янк», бортовые журналы кораблей ВМФ США у побережья Японии.

Отчеты японской секретной полиции.

Глава I5. Речь императора

О реакции на капитуляцию:

Из интервью с чиновником полиции Кантаро Уемурой.

U.S. Strategic Bombing Survey.

Из отчетов японской секретной полиции о волнениях в Токио.

Sakai, Samurai.

О кремации Анами:

Из интервью с вдовой Анами, его зятем Такеситой и Синадзи Кобаяси.

О Смерти Угаки:

Из интервью с Иногучи и Охмае.

Inoguchi and Nakajima, *Divine Wind.*

Глава I6. Запоздавшая реакция

О событиях в столице:

Из интервью с Идой, Иноуе, Иногучи, Масао Мацудой, Макото Цукамото, Ои, Охмае, Уемурой.

Yoshio Kodama, *I Was Defeated*.
Из воспоминаний Аммио Косоно.

О высадке в Мукдене:

Из интервью и переписки с Джеймсом Хеннеси, Роджером Хилсманом, Робертом Ламаром, Гарольдом Литом и Эдвардом Старзом.

Из дневников и писем членов групп спасения, их фотографии.

Глава 17. Приказ Макартура

О полете Кавабэ:

Из интервью с Машбиром, Виллоуби, Фобионом Бауэрсом, Охмае, Мацудой.

Из заявлений Кавабэ, Окадзаки, Тераи и Иокаямы.
Mashbir, I Was an American Spy; Life.

Глава 18. Интерлюдия отчаяния

Об инцидентах в районе Токио:

Из интервью с Фувой и Уемурой.

Микрофильмы отчетов Токийской полиции за тот период.

Из японской периодической печати, 15—31 августа 1945 года.

Yoshio Kodama, I Was Defeated.

О событиях на Ацуги:

Из интервью с Сейдзо Арисью и заявлений Иосидзуми.

Masuo Kato, The Lost War.

О Танаке:

Из интервью с Фувой.

Kiyoshi Tsukamoto, Ah Kogun Saigo No Hi.

О передовой группе:

Из интервью с Чарльзом Тенчем, Фобионом Бауэрсом и Дэвидом Дунном.

Пилот ВВС США, подполковник Клэй Тайс, приземлился на аэродроме Ниттигахара, чтобы быть первым американцем, вступившим на японскую землю. Его радушно встретили и даже снабдили топливом для обратного перелета на Окинаву.

О действиях ЦСЗ В Китае:

Из интервью с Рэймондом Пирсом, Густавом Краусом, Джеймсом Келлисом, Джозефом Джексонном, Робертом Ламаром и Гарольдом Литом.

Из воспоминаний Ведемайера.

White and Jacoby, *Thunder Out of China*.

Herbert Feis, *The China Tangle* — в этих книгах дан превосходный анализ ситуации на Азиатском континенте.

Смерть Джона Бёрча была описана многими из тех, кто знал его в Китае. Мне были показаны фотографии его изуродованного тела перед похоронами. Майский номер журнала «Лайф» приводит наиболее точное описание событий в статье «Как умер Джон Бёрч».

Глава 19. Воскрешение Лазаря

О Вайнрайте

Из интервью с Робертом Ламаром и Гарольдом Литом, которые вызволили Вайнрайта.

Из интервью с Густавом Краусом, который провел с ним несколько часов после возвращения ему свободы.

Из переписки с генералом Ведемайером.

Wainwright, *General Wainwright's Story*.

О миссиях спасения:

Из интервью с Джоном Синглаубом, Арнольдом Брики, Джоном Брэдли и Джеймсом Хейли.

Из документов, писем и фотографий, переданных мне полковником Синглаубом.

Из дневника Джона Брэдли.

Глава 20. Вражеская земля

О событиях на Адуги и высадке на Иокогаме:

Из интервью с Чарльзом Тенчем, Фобионом Бауэрсом, Дэвидом Дэнном, Сидни Машбиром, Фредериком Мансоном, Кловисом Байерсом, Чарльзом Виллоуби, Сейдзо Арисью, Исидзи Сугитой, Геничи Акатани, Кантаро Уемура.

Из документов японской секретной полиции.

Из воспоминаний Дугласа Макатура, Кортни Уитни, Джорджа Кинни, Роберта Эйчельбергера и Уильяма Холси.

Из ежедневных докладов 11-го военно-воздушного дивизиона и 4-го морского полка.

Из книг корреспондентов Брайнса, Ли, Келли и Райана (см. библиографию).

Глава 21. «Все кончено»

О церемонии:

Из интервью с Сугитой, Томиокой, Накамурой, Виллоуби и Машбиром.

Из воспоминаний, приведенных в предыдущей главе, плюс воспоминания Вайнрайта, Персиваля, Касе и Сигемицу.

Журналы «Лайф», «Янк», «Бунгей Сундзу».

О Ямасите:

Из дневников генерала Акиры Муто.

Из автобиографий Вайнрайта и Персиваля.

Ежедневные доклады 32-го пехотного дивизиона.

John Dean Potter, *The Life and Death of a Japanese General*.

Masanobu Tsuji, Singapore: *The Japanese Version*.

О событиях в американском посольстве:

Из интервью с Бауэрсом и Машбиром.

Из воспоминаний Холси, Макартура, Эйчельбергера и Уитни.

Глава 22. Последнее средство

О Тодзио:

Из интервью с миссис Кацуко Тодзио, Кловисом Байерсом.

Из газетных репортажей Джорджа Джонса, «*Нью-Йорк таймс*», Фрэнка Келли, «*Нью-Йорк Геральд трибьюн*», Фрэнка Бартоломью и Фрэнка Тримэйна, «*Вашингтон пост*», Роберта Трамбулла, «*Нью-Йорк таймс*».

Из отчета группы контрразведки Поля Крауса.

Статья Гарри Брандиджа в августовском номере «*Америкэн Меркури*» за 1953 год.

Из книг Кларка Ли, Фрэнка Келли и Корнелиуса Райана (см. библиографию).

Статья Юкио Хасегавы в «*Бунгей Сундзу*», август 1956 года.

О Сугияме:

Из интервью с Фувой, Хаяши и Кобаяси.

Э п и л о г

О Мукдене:

Из интервью с офицерами ЦСЗ Джеймсом Хеннеси, Джозефом Джексоном, Густавом Краусом, Робертом Ламаром и Гарольдом Литом.

Агенты ЦСЗ сфотографировали эпизоды, свидетельствующие о фактах хищений со стороны советских войск, и включив их в отчет, передали китайским коммунистам в Маньчжурии. Под давлением советских властей в Мукдене все американцы покинули этот район. Хеннеси запомнил слова фельдмаршала Родиона Малиновского о том, что он должен покинуть Мукден в 24 часа. В октябре 1945 года последний американец покинул Маньчжурию под угрозой смерти.

О прогулке по Нагасаки:

Из интервью с Чарльзом Суини, Доном Албури и Кермитом Биханом.

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ

AMRINE, Michael. *The Great Decision*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1959.

ARNOLD, Henry. *Global Mission*. New York: Harper & Bros., 1949.

BAXTER, James Phinney. *Scientists Against Time*. Boston: Little, Brown and Co., 1952.

BOYINGTON, Gregory. *Baa Baa Black Sheep*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1958.

BRINES, Russell. *MacArthur's Japan*. Philadelphia: Lippincott, 1948.

BRYANT, Arthur. *Triumph in the West*. New York: Doubleday & Co. Inc., 1959.

BUTOW, Robert J. C. *Japan's Decision to Surrender*. Stanford, California: Stanford University Press, 1954.

— *Tojo and the Coming of the War*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1961.

BYRNES, James F. *Speaking Frankly*. New York: Harper & Bros., 1947.

— *All in One Lifetime*. New York: Harper & Bros., 1958.

CAIDIN, Martin. *A Torch to the Enemy*. New York: Ballantine Books, 1960.

CHENNAULT, Claire. *Way of a Fighter*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1949.

CHIANG KAI-SHEK. *Soviet Russia in China: A*

Summing-Up at Seventy. New York: Farrar, Straus and Cudahy, 1957.

CHURCHILL, Winston S. *Triumph and Tragedy*. Boston: Houghton, Mifflin Co., 1953.

COMPTON, A. H. *Atomic Quest*. New York: Oxford University Press, 1956.

CRAVEN, Wesley, and CATE, James. *The Army Air Forces in World War II, Vol. V, The Pacific: Matterhorn to Nagasaki, June 1944 to August 1945*. Chicago: University of Chicago Press, 1953.

CUNNINGHAM, Winfield Scott. *Wake Island Command*. Boston: Little Brown & Co., 1961.

DAVIS, Kenneth S. *Experience of War*. New York: Doubleday and Co. Inc., 1965.

DEANE, John R. *The Strange Alliance*. New York: Viking Press, 1947.

EDEN, Anthony. *The Reckoning*. Boston: Houghton, Mifflin Co., 1965.

ERHMAN, John. *Grand Strategy: October 1944—August 1945*. London: Her Majesty's Stationery Office, 1956.

EICHELBERGER, Robert L. *Our Jungle Road to Tokyo*. New York: Viking Press, 1950.

FARAGO, Ladislav. *Burn After Reading*. New York: Walker and Co., 1961.

FEIS, Herbert. *The China Tangle*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1953.

— *Between War and Peace: The Potsdam Conference*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1960.

— *Japan Subdued: The Atomic Bomb and the End of the War in the Pacific*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1961.

FERMI, Laura. *Atoms in the Family*. Chicago: University of Chicago Press, 1954.

FORRESTAL, James. *The Forrestal Diaries*. Edited by Walter Millis with E. S. Duffield, New York: Viking Press, 1951.

GAYN, Mark. *Japan Diary*. New York: Sloan, 1948.

- GIOVANNITTI, Len, and FREED, Fred. *The Decision to Drop the Bomb*. New York: Coward-McCann, Inc., 1965.
- GLINES, Carroll V. *Doolittle's Tokyo Raiders*. Princeton, New Jersey: D. Van Nostrand Co. Inc., 1964.
- GREW, Joseph C. *Turbulent Era* (2 vols.). Boston: Houghton, Mifflin Co., 1952.
- GROVES, Leslie R. *Now It Can Be Told*. New York: Harper & Bros., 1962.
- GURNEY, Gene. *Journey of the Giants*. New York: Coward-McCann, Inc., 1961.
- HACHIYA, Michihiko. *Hiroshima Diary*. Chapel Hill, North Carolina: University of North Carolina Press, 1955.
- HALSEY, William F., and BRYAN, J., III. *Admiral Halsey's Story*. New York: McGraw-Hill, Inc., 1947.
- HASHIMOTO, Mochitsura. *Sunk! The Story of the Japanese Submarine Fleet*. New York: Henry Holt & Co., 1954.
- HATTORI, Takushiro. *Daitoa Senso Zenshi* (4 vols.). Tokyo: Masu Shobo, 1953.
- HAYASHI, Saburo with Coox, Alvin D. *Kogun: The Japanese Army in the Pacific War*. Quantico, Virginia: Marine Corps Association, 1959.
- HAYASHI, Shigeru, editor. *Nihon Shusen Shi*. Tokyo: Yomiuri Shimbun, 1962.
- HELM, Thomas. *Ordeal by Sea*. New York: Dodd, Mead and Co., 1963.
- HERSEY, John. *Hiroshima*. New York: Alfred A. Knopf, 1946.
- HEWLETT, Richard, and ANDERSON, Oscar E., Jr. *The New World, 1939—1946*. University Park, Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1962.
- HIGASHIKUNI, Naruhiko. *Ichi Kozoku No Senso Nikki*. Tokyo: Nihon Shu-hosha, 1957.
- *Watakushi No Kiroku*. Tokyo: Toho Shobo, 1947.
- HULL, Cordell. *The Memoirs of Cordell Hull*, Vol. II. New York: Macmillan Co., 1948.

INOBUCHI, Rikihei, and NAKAJIMA, Tadashi. *The Divine Wind*. Annapolis, Maryland: United States Naval Institute, 1958.

ITO, Masanori. *Cumbatsu Koboshi* (3 vols.). Tokyo: Bungei Shunju, 1957-1958.

— *Teikoku Kaigun. No Saigo*. Tokyo: Bungei Shunju, 1961.

— TOMIOKA, Masatoshi, and INADA, Masazumi, editors. *Jitsuroku Taiheiyo Senso*, Vols. V-VI. Tokyo: Chuo Koron, 1960.

JAMES, David A. *The Rise and Fall of the Japanese Empire*. London: Alien and Unwin, 1951.

JONES, F. C. *Japans New Order in East Asia: Its Rise and Fall, 1937-1945*. London: Oxford University Press, 1954.

KARIG, Walter, with HARRIS, Russell L., and MANSON, Frank A. *Battle Report*, Vol. V, *Victory in the Pacific*. New York: Rinehart & Co. Inc., 1949.

KASE, Toshikazu. *Journey to the Missouri*. New Haven: Yale University Press, 1950.

KATO, Masuo. *The Lost War*. New York: Alfred A. Knopf, 1946.

KELLEY, Frank, and RYAN, Cornelius. *Star-Spangled Mikado*. New York: McBride, 1947.

KENNEY, George C. *General Kenney Reports*. New York: Duell, Sloan & Pearce, 1949.

KIMURA, Hachiro. *Nihon Kaigun*, Vols. I-III. Tokyo: Kawade Shobo Shinsha, 1961.

KING, Ernest, and WHITEHILL, Walter Muir. *Fleet Admiral King*. New York: Norton, 1952.

KNEBEL, Fletcher, and BAILEY, Charles W., II. *No High Ground*. New York: Harper & Bros., 1960.

KODAMA, Yoshio. *I Was Defeated*. Tokyo: Booth and Fukuda, 1951.

KONOE, Fumimaro. *Saigo No Gozenkaigi*. Tokyo: Jikyoku Geppo Sha, 1946.

KRUEGER, Walter. *Down Under to Nippon*. Washington: Combat Forces Press, 1953.

KURIHARA, Ken. *Tenno: Showa-Shi Oboegaki*. Tokyo: Yushindo, 1955.

LAMONT, Lansing. *Day of Trinity*. New York: Atheneum Publishers, 1965.

LAURENCE, William L. *Dawn Over Zero*. New York: Alfred A. Knopf, 1946.

LEAHY, William D. *I Was There*. New York: Whittlesey House, 1950.

LEE, Clark. *One Last Look Around*. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1947.

LEMAY, Curtis. *Mission with Lemay*. Garden City, New York: Doubleday & Co. Inc., 1966.

LOCKWOOD, Charles A. *Sink 'Em All*. New York: E. P. Dutton and Co., 1951.

MACARTHUR, Douglas. *Reminiscences*. New York: McGraw-Hill, Inc., 1964.

MACDONALD, Elizabeth P. *Undercover Girl*. New York: Macmillan Co., 1947.

MANAKA, Yoshio. P. W. *Doctor*. Tokyo: Kongo Sha, 1962.

MASHBIR, Sidney F. *I Was an American Spy*. New York: Vantage Press, 1953.

MORISON, Samuel Eliot. *History of the United States Naval Operations in World War II*, Vol. XIV. Boston: Little, Brown and Co., 1960.

— *The Two-Ocean War*. Boston: Little, Brown and Co., 1963.

MOSLEY, Leonard. *Hirohito, Emperor of Japan*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, Inc., 1966.

NAGAI, Takashi. *We of Nagasaki*. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1951.

NEWCOMB, Richard. *Abandon Ship*. New York: Henry Holt & Co., Inc., 1958.

NIWA, Fumio. *Nihon Yaburetari*. Tokyo: Ginza Shuppan Sha, 1948.

OBATA, Taketora. *Ichi Cunjin No Shogai*. Tokyo: Bungei Shunju, 1956.

OSSIP, Jerome J., ed. *509th Pictorial Album*, written

and published by and for the members of the 509th Composite Group. Marianas Islands: Tinian, 1945.

OYA, Soichi. *Nihon No Ichiban Nagaihi*. Tokyo: Bungei Shunju, 1965.

PEERS, William R., and BRELIS, Dean. *Behind the Burma Road*. Boston: Little, Brown and Co., 1963.

PERCIVAL, A. E. *The War in Malaya*. London: Eyre and Spottiswoode, Ltd., 1949.

PHILLIPS, Cabell. *The Truman Presidency*. New York: Macmillan Co., 1966.

POTTER, E. B., and NIMITZ, Chester W. *The Great Sea War*. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall, Inc., 1960.

POTTER, John Deane. *Yamamoto*. New York: Viking Press, 1965.

— *The Life and Death of a Japanese General*. New York: New American Library, 1962.

ROMANUS, Charles F., and SUNDERLAND, Riley. *U.S. Army in World War II. China—Burma—India Theater, Stilwell's Command Problems*. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1956.

— *U.S. Army in World War II: Time Runs Out*. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1958.

SAKAI, Saburo. *Samurai*. New York: Ballantine Books, 1957.

SAKOMIZU, Hisatsune. *Kikanjuka No Shusho Kantei*. Tokyo: Kobun Sha, 1964.

SHERWOOD, Robert E. *Roosevelt and Hopkins: An Intimate History*. New York: Harper & Bros., 1948.

SHIGEMITSU, Mamoru. *Showa: No Doran* (2 vols.). Tokyo: Chuo Koronsha, 1952.

SHIMOMURA, Hiroshi. *Shusen Hishi*. Tokyo: Kodan Sha, 1950.

SLIM, William. *Defeat into Victory*. London: Cassell and Company, Ltd., 1956.

SMITH, Gaddis. *American Diplomacy During the Second World War, 1941—45*. New York: John Wiley and Sons, Inc., 1965.

- SMITH, Henry D. *Atomic Energy for Military Purposes*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1948.
- STIMSON, Henry, and BUNDY, McGeorge. *On Active Service in Peace and War*. New York: Harper & Bros., 1948.
- TAKAGI, Sokichi. *Shusen Oboegaki*. Tokyo: Kobundo, 1948.
- TAKAMI, Jun. *Haisen Nikki*. Tokyo: Fuji Shoen, 1953.
- TANEMURA, Sako. *Daihonei Kimitsu Nisshi*. Tokyo: Diamond Sha, 1952.
- TERESAKI, Gwen. *Bridge to the Sun*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1957.
- TOGO, Shigenori. *The Cause of Japan*. New York: Simon and Schuster, 1956.
- TOYODA, Soemu. *Saigo No Teikoku Kaigun*. Tokyo: Sekai No Nihon Sha, 1950.
- TRUMAN, Harry S. *Memoirs, Vol. I. Year of Decisions*. Garden City, New York: Doubleday and Co., Inc., 1955.
- TRUMBULL, Robert. *Nine Who Survived Hiroshima and Nagasaki*. New York: E. P. Dutton and Co., 1957.
- TSUJI, Masanobu. *Singapore: The Japanese Version*. New York: St. Martins' Press, Inc., 1961.
- TSUKAMOTO, Kiyoshi. *Ah Kogun Saigo No Hi*. Tokyo: Koyo Sha, 1953.
- UECHI, Kazufumi. *Okinawa Senshi*. Tokyo: Jiji Tsushin Sha, 1959.
- UYEHARA, Cecil H., compiler. *Checklist of Archives in the Japanese Ministry of Foreign Affairs*, Tokyo, Japan, 1868-1945. Washington, D.C.: Library of Congress, 1954.
- WAINWRIGHT, Jonathan M. *General Wainwright's Story*. Garden City, New York: Doubleday and Co. Inc., 1946.
- WATERMAN, Alan, editor. *Combat Scientists*. Boston: Atlantic-Little, Brown, 1947.
- WEDEMEYER, Albert C. *Wedemeyer Reports!* New York: Henry Holt & Co., Inc., 1958.
- WHITNEY, Courtney. *MacArthur: His Rendezvous with Destiny*. New York: Alfred A. Knopf, 1956.
- WILLOUGHBY, C. A., and CHAMBERLAIN, J. R. *MacArthur 1941-1951*. New York: McGraw-Hill, Inc., 1954.

YOKOTA, Yutaka, and HABRINGTON, Joseph D. *The Kaiten Weapon*. New York: Ballantine Books, 1962.

YOSHIDA, Mitsuru. *Senkan Yamato No Saigo*. Tokyo: Sogen Sha, 1952.

YOSHIDA, Shigeru. *Kaiso Junen* (4 vols.). Tokyo: Shincho Sha, 1957–1958.

YOUNG, John, compiler. *Checklist of Microfilm of Selected Archives of the Japanese Army, Navy and Other Government Agencies, 1868–1945*. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 1959.

ZAHARIAS, Ellis M. *Secret Missions*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1946.

Документы, отчеты,
заявления, допросы

Комиссия по атомной энергии: избранные документы об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки — истории пострадавших, отчеты, эффекты проведения взрывов, сообщения Тиниан—Вашингтон—Лос-Аламос и т.д. (неопубликованы).

Dull, Paul S., and Umemura, Michael: *The Tokyo Trials: A Functional Index to the Proceedings*, Ann Arbor, Michigan, University of Michigan Press, 1957.

Gaimusho (Japanese Foreign Office): *Shusen Shiroku*, Tokyo, Shimbun Gekkan Sha, 1952.

Гаимушо: избранные документы периода январь — сентябрь 1945 года (неопубликованы).

International Military Tribunal for the Far East: Transcript of Proceedings (48,412 pp.): Miscellaneous statements, interrogations, documents, evidence.

Японское оборонное агенство, отдел истории, Токио, Япония: избранные документы, связанные с военными действиями в период март — сентябрь 1945 года (неопубликованы).

Japanese Research Division (ATIS), U.S. Army Far

East, Military History Section: Japanese Monographs: Number 7: *Philippines Operations Record Phase III (January–August 1945)*. Number 45: *History of Imperial General Headquarters, Army Section (1941–1945)* Number 53: *32nd Army Operations in Okinawa (March–June 1945)*. Number 72: *Army Operations in China (January 1944–August 1945)*. Number 83: *Okinawa Area Naval Operations (January–June 1945)*. Number 119: *Outline of Operations prior to the Termination of War and Activities Connected with the Cessation of Hostilities (July–August 1945)*. Number 154: *Record of Operations against Soviet Russian Eastern Front (August 1945)*. Number 155: *Record of Operations against Soviet Russia, Northern and Western Fronts (August–September 1945)*.

Japanese Research Division (ATIS), U.S. Army Far East Military History Section: *Interrogations of Japanese Officials* (2 vols.) (unpublished); *Memo on the Course of the War*, by Sokichi Takagi (unpublished); *Personal History Statements* (2 vols.) (unpublished); *Special Studies* (4 vols.) (unpublished); *Statement of Japanese Officials on World War II* (4 vols.) (unpublished); *Translation of Japanese Documents* (7 vols.) (unpublished).

Office of Strategic Services: Selected reports and intelligence data (unpublished)

U.S. Army, Supreme Commander for the Allied Powers, Counter Intelligence Section: *The Brocade Banner: The Story of Japanese Nationalism*.

U.S. Department of Defense: *The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan, Military Plans, 1941–1945*, Washington, D.C., U.S. Government Printing Office, 1955.

U.S. Department of State: *Potsdam Papers* (2 vols.).

U.S. Department of State Publication No. 3573: *United States Relations with China, with Special Reference to the Period 1944–1949*, Washington, August, 1949.

U.S. Federal Communications Commission: Selected Far East radio reports monitored in 1945.

U.S. 79th Congress Hearings, S.R. 179, Part One.

U.S. Strategic Bombing Survey: *Interrogation of Japanese Officials* (2 vols.), Washington, D.C., U.S. Government Printing Office, 1946.

U.S. Strategic Bombing Survey: Selected interrogations, documents, reports, analyses related to wartime conditions in Japan (unpublished).

Другие источники

Журналы: «*Бунгей Сундзу*», «*Чуо Корон*», «*Коллиерс*», «*Лайф*», «*Ньюсуик*», «*Сэтюдэй Ивнинг Пост*», «*Тайм*», «*Янк*».

Газеты: «*Асахи Симбун*», «*Маиниси Симбун*», «*Нью-Йорк Геральд трибьюн*», «*Нью-Йорк таймс*», «*Сан-Франсиско кроникл*», «*Старз энд Страйпс*», «*Вашингтон пост*».

Другие: «*Facts on File Yearbook*», «*United States Signal Corps*», «*Audio-Visual Division*», «*Who's Who in Japan*».

Содержание

Предисловие	5
Пролог	10
Глава 1. ТАКТИКА ОТЧАЯНИЯ	16
Глава 2. ОПЕРАЦИЯ «МИТИНГХАУС»	34
Глава 3. ДИПЛОМАТИЯ ПОРАЖЕНИЯ	44
Глава 4. ПРОЕКТ	65
Глава 5. МАЛЫШ	89
Глава 6. ДЖИНН	96
Глава 7. БОМБОУБЕЖИЩЕ	124
Глава 8. РЕАКЦИЯ ВАШИНГТОНА	143
Глава 9. 11 АВГУСТА — НАЧАЛО КОНСПИРАЦИИ	156
Глава 10. 12 АВГУСТА — КРИЗИС	166
Глава 11. НАДВИГАЮЩАЯСЯ ОПАСНОСТЬ	178
Глава 12. 14 АВГУСТА — ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО	188
Глава 13. ВОССТАНИЕ	203
Глава 14. МИР НА ЗЕМЛЕ	226
Глава 15. РЕЧЬ ИМПЕРАТОРА	232
Глава 16. ЗАПОЗДАЛАЯ РЕАКЦИЯ	241
Глава 17. ПРИКАЗ МАКАРТУРА	259
Глава 18. ИНТЕРЛЮДИЯ ОТЧАЯНИЯ	273
Глава 19. ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ	293
Глава 20. ВРАЖЕСКАЯ ЗЕМЛЯ	308
Глава 21. «ВСЕ КОНЧЕНО»	322
Глава 22. ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО	338
Эпилог	351
Примечания	354

Дипломатия	354
Военные источники	354
Документы, отчеты	355
Библиография	368

Уильям Крейг

ПАДЕНИЕ ЯПОНИИ

Ответственный редактор *А. Жеребилов*

Редактор *М. Рабинович*

Художественное оформление *П. Трофимов*

Технический редактор *М. Соловьева*

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 4.10.99 г.
Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Тираж 15 000 экз. Заказ № 2898.
Объем 12 печ. л. 20,16 усл. печ. л.
Гарнитура «Times ET». Бумага офсетная.
Печать высокая.

Фирма «РУСИЧ». Лицензия ЛР № 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32
от 27.08.97.
220013, г. Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Смоленской
областной ордена «Знак Почета» типографии
им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-01-60; 3-14-17; 3-46-20.

...Потоки беженцев из Нагасаки хлынули к подножию гор – в Нишняму и в менее разрушенные кварталы города в районе гавани. Подавляющее большинство горожан было обнажено, волосы опалены либо выжжены вовсе, люди жалобно стонали от черных раздувшихся ожогов... Спасатели проходили мимо этой адской процессии в направлении долины, над которой всё ещё колебался атомный гриб.

ISBN 5-8138-0062-X

0 6

0.5

0 1

23.00